

Т. Ржезач,
В. Цуркан

РАЗЫСКИВАЮТСЯ...

Т.Ржезач, В.Цуркан

РАЗЫСКИВАЮТСЯ...

**Москва
Прогресс
1988**

ББК 63.3(2Ук)

Р48

Редактор Попов С. В.

Ржезач Т., Цуркан В.

**Р48 Разыскиваются...— М.: Прогресс, 1988.—
328 с.**

В документально-публицистическом повествовании авторы показывают преступный характер деятельности клерикально-националистических организаций на территории Украины и Чехословакии, начиная со времени возникновения первой мировой войны и по сегодняшний день.

Книга предназначена широкому кругу читателей.

Р $\frac{0802010207-574}{006(01)-88}$

КБ—56—10—87

ББК 63.3(2Ук)

I. «КТО МОЙ ОТЕЦ?»

Рассказ Мирослава

— Кто мой отец, мама? Кто же я сам?

Произнести вслух эти терзавшие душу вопросы оказалось равносильным самому решительному, может быть, даже безрассудному поступку в моей тогда еще только начинавшейся жизни. Позже мне встречалось немало людей, как и я, через вопрос «Кто?» перешагнувших из огражденного материнской заботой детства во взрослую, реальную, зачастую суровую жизнь. Одни спрашивали мягко, заискивающе, как бы умоляя сохранить выпестованный с детства идеализированный образ человека, которым можно было бы гордиться всю оставшуюся жизнь: «Кто мой отец, мама?» Другие выдавливали это с болью, скрывая за резкостью и бунтарским вызовом те же, что и у остальных, тревожные чувства.

Как прозвучал мой вопрос? С мольбой, вызовом, обидой или как обвинение в долгом сокрытии правды? Теперь я понимаю, мать ждала и страшилась этого вопроса. Ждала, собиралась сама «в свое время» завести со мной разговор и все откладывала, не могла преодолеть невидимый, но такой трудный барьер. Может, хотела продлить мое беззаботное детство, предчувствовала, что взросление отнимет у нее сына? Она уже ничего не объяснит, не скажет. Не почувствую я тепла ее рук, которые, казалось, способны были передать чувства, во сто крат более

выразительные, нежели ее былая плавная, тихая с налетом душевной надломленности речь. Мать, моя мама, отмучилась в горьком одиночестве, мужа потеряла заживо, не дождалась возвращения блудного единственного сына. Теперь я сам должен ответить на все вопросы — и свои собственные, и моих соотечественников.

Много лет прошло после вопроса, с которого начинается рассказ. Я побывал на Украине, в Западной Европе, Америке. И всюду упорно, самоотрешенно искал миражи, поглотившие отца и едва не заманившие меня в удушливые дали, откуда нет возврата.

Не мне судить, получился ли из меня историк, пожалуй, скорее всего что нет — все, что происходило не со мной и даже задолго до моего появления на свет, оказалось черезчур тесно переплетенным с моей собственной судьбой, и, как бы я ни стремился к объективности, оценки многих событий видятся мне через призму сугубо субъективных восприятий.

А разве это так уж плохо? Неужели недостаточно честности перед самим собой и людьми, чтобы из сугубо личного осознания собственной истории родилась не сухая, а живая, кровотокающая Истина?

Во всяком случае, выносимое на суд людям исследование явилось результатом искреннего стремления самому разобраться в хитросплетениях исторических коллизий, современниками которых было и поколение моих родителей и мое собственное поколение.

На ответ матери с тех пор наслоилось множество фактов. Образ отца приобрел в моем восприятии более или менее заверченный облик, неотделимый от конкретных условий, в которых он прожил свою недолгую жизнь. Но тогда, во время первого разговора с матерью, меня поразили два момента: во-

первых, отец мой не чех и не словак, а украинец. Второй поразивший меня момент: я внебрачный сын своего отца, а его семья проживает во Львове.

Вторая мировая война закончилась для отца после освобождения из концентрационного лагеря Дахау. Он выжил в этом аду. И после освобождения решил пробираться во Львов, но не рассчитал сил и застрял в Праге.

— Мы были знакомы еще до войны, когда я училась в Пражском университете,— рассказывала мать,— но как-то не обращали внимания друг на друга. Слишком многое разделяло нас. Он был старше и в 1941 году стал доктором права, а я так и не доучилась. К тому же он был женат, весной сорок первого родилась у них девочка. Да и не нравился он мне — слишком суетлив, болтлив. Но после войны люди стали как-то ближе, и каждая встреча с довоенным знакомым была радостью... Первой узнала его я. Так же, как и раньше, машет руками, как мельница, что-то рассказывает. Было это возле церкви — тогдашнем месте встреч и знакомств. Война сорвала людей с насиженных мест, и они тянулись к церкви, где можно было встретиться с другими такими же изгнанниками, почитать бесчисленные объявления: «Жив. Ищу... Адрес...» Подошла я и спрашиваю: «Ты ли это, Дорко?» А он худющий, один нос торчит, едва-едва похож на того, довоенного. Я, наверное, меньше изменилась, он сразу узнал меня и набросился, как бешеный, обнимает, целует. Так и не отстал. Отъелся, божился, что я для него одна-единственная на веки вечные, а летом все же уехал на Украину.

Я порывался спросить о главном, жив ли он, где сейчас, почему от него столько лет ни слуху, ни духу. Боялся только спугнуть мать. А она продолжала свой рассказ-исповедь.

— Дорко объявился вскоре после Нового года, злой, уставший. Семейю свою не видел. Сказал, что жена изменила ему и ушла к какому-то Богдану. Тогда я уже ходила тобой. Отец, казалось, был в восторге, но ... уехал в Германию, говорил — это очень важно для него. Через пару месяцев снова появился и снова транзитом, на Украину. Вот здесь я устроила ему скандал, тем более что он остановился у другой женщины. Мы с тобой — а ты вот-вот должен был родиться — все же вынудили отца открыться: оказывается, он связан с украинскими националистами, близок к Бандере и ездит на Украину с его поручениями. Приехал он в Прагу с другими националистами, ни за что не хотел, чтобы они узнали обо мне. Говорил — это может быть опасным. Вот и устроился на чужой квартире — конспирация! Дорко обещал вернуться и забрать нас с тобой, но видела я его тогда в последний раз. Он, наверное, предчувствовал это сам и оставил адреса своей матери и сестер во Львове. Оставил и фотокарточку, сделанную в Праге, у Стремингера, но написать ничего не захотел, мол, так для тебя же будет лучше.

С фотокарточки смотрел на меня молодой человек, как мне показалось, с несколько смущенной улыбкой. То ли не привык фотографироваться, то ли вспомнил что-то только ему ведомое, далекое от жизненной прозы.

Последнюю весточку принес суровый, медведеобразный мужчина, передавший матери настоятельную просьбу немедленно сменить адрес и никогда больше на старой квартире не появляться, если ей дорога собственная жизнь и жизнь сына.

В это время мне было от роду всего два месяца. Знал ли отец, что у него родился именно сын, а не дочь? Через много лет я узнал, что совет уехать из

Праги исходил не от отца. Поступить таким образом порекомендовал матери тот самый медведеобразный суровый мужчина, не пожелавший принять на себя грех человекоубийства. Ему, причастному к деятельности, проводимой в то время отцом, стало известно: из мюнхенского бандеровского центра ОУН — «Организации украинских националистов» — поступило распоряжение: «разыскать любовницу Зымого (Холодного)», выбить показания о сотрудничестве с НКВД, ликвидировать ее и обязательно распространить слух о том, что таким образом советские или чехословацкие органы безопасности расправились с нею как с сообщницей националистического террориста.

Мать выполнила «совет отца», возвратилась к себе на родину, в наш маленький словацкий городок. Может быть, это сохранило нам жизнь. Может быть. Но абсолютно точно, что, узнав крохи из биографии отца, я решил разыскать его, посмотреть ему в глаза, а там уже действовать по обстоятельствам, как подскажет рассудок или сердце. Наиболее прямым путем, как мне казалось, было воспользоваться адресом семьи отца. Меня не покидало чувство, что он преспокойно здравствует в семейном кругу, позабыв о флирте с доверчивой словачкой.

Одержимый стремлением увидеть отца, я еще в гимназии делал все, чтобы добиться направления на учебу во Львов, в город, названный князем Даниилом Галицким в честь своего сына. Именно здесь наконец-то появилась возможность познать историю, в потемках которой затерялся мой отец и тысячи подобных ему людей. Я с головой окунулся в изучение истории, того прошлого, которое зачастую мертвой хваткой держит нас в своих объятиях и определяет наши сегодняшние действия.

II. ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ ПО ИМЕНИ ВОЙНА

28 июня 1914 года в Сараеве пролилась кровь австрийского престолонаследника Франца Фердинанда Габсбурга. Она дала начало ужасной кровавой реке, унесшей за четыре с половиной года жизни десяти миллионов человек. Их расстреливали из пушек и всех видов стрелкового оружия на равнинах Галиции, у Вердена и во многих других благодатных местах, ставших полем ожесточенной битвы. Они задыхались от отравляющих газов, впервые примененных во Фландрии. На утративших прежние четкие границы полях сражений их настигала смерть с неба — чудо-техника зарождавшейся авиации специализировалась на бомбометаниях.

Зловещую роль в этой всемирной резне, да и во второй мировой войне сыграли различные националистические организации.

Многие, слишком многие публикации предыдущих лет изобиловали утверждениями, что украинские националисты «установили контакт», «пошли на сотрудничество» с кайзеровской Германией, итальянскими фашистами, немецкими нацистами. Более того, стремясь показать «звериный оскал» националистов, отдельные публикации сплошь и рядом, по существу, преуменьшали злодеяния фашистов, утверждая, что украинские националисты «превосходили своих хозяев в жестокости» и что, мол, даже фашистские палачи с содроганием наблюдали за действиями своих «добровольных помощников».

Нет, не равноправными партнерами чужестранных сил выступали и выступают сейчас украинские националисты. Не они «устанавливали», «шли», «до-

говаривались». Во все периоды современного нам XIX столетия они всегда находились на уровне рядовых исполнителей распоряжений тех же нацизма, фашизма и других реакционных сил, предшествовавших им или заменивших их после разгрома фашизма во второй мировой войне.

Эта истина, открывающаяся исследователю в процессе изучения документальных материалов и свидетельств современников, является важнейшим ключом к пониманию сущности национализма вообще и украинского буржуазного национализма в частности.

К сожалению, не все в жизни просто и однозначно. Чаще всего до полного прозрения предстоит пройти долгий и сложный путь. И не каждому дано сквозь националистический, псевдопатриотический угар разглядеть нити, с помощью которых «сильные мира сего» приводят в движение националистических исполнителей. Как театральные задники скрадывает направляющие приводы, так и националистические исполнители могут порой казаться «самостоятельными», «независимыми» от антрепренеров и постановщиков их шоу.

Да, националистические «самостийники» несамостоятельны. Достаточно посмотреть на их деятельность через призму сакраментального «Cui bono?» («В чьих интересах?»), и они предстанут в неприглядном облике заурядных марионеток в руках чужеземных претендентов на роль вершителей судеб человеческих.

Во избежание недоразумений подчеркнем: речь идет не о национализме вообще и тем более не о национализме, исповедуемом в ряде угнетенных или развивающихся стран. Там на определенном историческом этапе национализм может иметь общедемократическое содержание, может не противоре-

чить общему принципу гуманности. Речь идет о конкретном проявлении национализма — украинском национализме.

С самого своего зарождения национализм украинской буржуазии был приспособленческим, соглашательским по отношению к властвующим Российской и Австро-Венгерской империям. Когда же на политическую арену вышло организованное революционное движение пролетариата, а буржуазия окончательно утратила способность быть носителем каких бы то ни было прогрессивных идей, украинский национализм основные свои усилия сосредоточил на противодействии революционному движению. Так он обрел свое главное, стойкое, сохраняющееся по настоящее время амплу антипода революционного движения, антипода всего нового и прогрессивного. Начало этому было положено на переломе XIX и XX столетий и соответствующим образом воплотилось в идеологию и политику украинского буржуазного национализма.

Нынешние националистические идеологи с напускной наукоподобной строгостью обрушиваются на сам термин «украинский буржуазный национализм», считают его порождением большевистской пропаганды. Приходилось, и не раз, выслушивать «железные», как им казалось, доводы ниспровергателей: «Какой же я буржуазный националист, если я с отца-прадеда крестьянин (или в другом случае: рабочий), сам батрачил у буржуев, помещиков?» И все же буржуазный, ибо идеология украинского национализма — буржуазная, а его программные положения в социальной и экономической областях основываются на неограниченной свободе капиталистического предпринимательства, со свободой эксплуатации наемной силы включительно.

Если удавалось разговориться с такими наци-

оналистствующими бывшими батраками, в большинстве случаев оказывалось, что «голубым цветком» их помыслов является богатство за счет других, власть, положение в обществе, для достижения которого, мол, все средства хороши. Согласитесь, это типичная буржуазная система взглядов и понятий, и она не перестает быть таковой, когда ее носителями выступают выходцы из других, небуржуазных классов.

Что ж, национализм, как и играющий на националистических настроениях фашизм, способен порой одурманить и увлечь демагогическими выкладками не только буржуазию, но и небуржуазные слои населения. Примеров тому в истории немало, и каждый из них — призыв к бдительности, утрата которой смерти подобна и уже привела к миллионам смертей.

Итак, 1914 год. 1 августа, когда кайзеровская Германия объявила войну России, стало началом первой мировой войны. Еще через два дня Германия объявила войну Франции, а 4 августа ознаменовалось ее нападением на Бельгию в соответствии со старым планом генерал-фельдмаршала Альфреда Шлиффена и вступлением Великобритании в войну против Германии. Мировая война набирала темпы. Одними из первых определили свое место в ней украинские националисты, действовавшие на территории, входившей в то время в состав Австро-Венгерской империи. Уже 4 августа националистами-эмигрантами из восточных областей Украины был образован во Львове «Союз освобождения Украины».

Одной из первостепенных забот «союза» на так называемом внутреннем отрезке деятельности стала конкурентная борьба против «Главной украинской рады», также возникшей в начале августа во

Львове, но проводившей работу преимущественно среди украинского населения Галиции и Буковины.

Конкуренция между «союзом» и «радой» разгорелась с новой силой, когда они в 1915 году перебазировались в Вену. Бывший деятель националистической Украинской радикальной партии, практикующий адвокат, а в начале первой мировой войны жандармский помощник австрийской армии д-р Иван Макух в изданной в 1958 году в Детройте книге мемуаров следующим образом охарактеризовал деятельность организации, называвшейся «Союз освобождения Украины»: «Она вела пропаганду против России в заявлениях и мировой печати, а в лагерях для пленных российской армии вела большую национально-просветительскую работу и подготавливала почву для создания украинской армии, которая должна была организоваться из пленных и стать плечо к плечу с австрийской армией».

С другой стороны, националистические деятели «Союза освобождения» с той же долей почтения устремляли свои взоры на главного зачинщика мировой войны — кайзеровскую Германию. В самом начале войны они опубликовали обращение, в котором со всей откровенностью писали: «Мы обращаемся к немецкому императору, немецким союзным князьям и немецкому народу с настоятельной и сердечной просьбой освободить нас от нашей долгой неволи и гнета и обеспечить нам государственную независимость... Дай нам бог, чтобы после полной победы немецкой армии осуществились наши желания...»

Верноподданническое прислужничество германским и австрийским милитаристам, стремление опередить других на малопочтенной ниве предательства

интересов национальных групп, представителями которых они себя называли,— вот то общее, что объединяло деятельность «Союза освобождения Украины» и «Главной украинской рады» и одновременно разжигало соперничество между ними.

«Главная украинская рада» готова была на что угодно, но отнюдь не собиралась уступать «Союзу» преимущественное положение фаворита австро-немецких империалистических правителей. И это не было простым тактическим маневром. Ведь, как свидетельствует Иван Макух, главари «рады» Кость Левицкий, Лев Бачинский, Николай Василько были откровенными австрофилами. Это же полностью подтверждают в своих комментариях составители книги мемуаров. Они, правда, попытались оправдать такую позицию националистических вожakov, заявив, что «политика подавстрийских украинцев в данной международной ситуации должна была занимать доброжелательную по отношению к Австрии ориентацию» и «не могла занять антиавстрийские позиции, так как это означало бы обречь украинские массы на во сто крат худшую резню и на всякий иной австро-польский и мадьярский террор».

Несмотря на такой всепрощенческий настрой, составители книги мемуаров все же вынуждены были признать: «Однако руководство нашей официальной политики, находившееся, по сути дела, в руках председателя «Главной украинской рады» д-ра Костя Левицкого и Николая Василько, было более австрофильским, нежели того требовала ситуация... Особенно ослепленным австрофилом был посол (то есть депутат парламента.—Прим. авт.) Василько, с которым д-р Кость Левицкий проводил всю политическую деятельность, не посвящая членов «Главной украинской рады» и остальных членов президиума».

Барон Николай фон Василько не скрывал свои откровенно австрофильские настроения и поступки. Депутат австрийского парламента, верный слуга монархии Габсбургов, он сам стремился урвать по возможности больше привилегий, и не случайно за ним закрепилась слава как об одном из «некоронованных королей Буковины».

Руководители «Главной украинской рады» всячески стремились продемонстрировать верность возглавляемой ими организации австрийским и германским милитаристам. Так, например, в отчете о своем визите вместе с бароном Николаем фон Василько к высокопоставленным деятелям Австро-Венгерской империи Кость Левицкий писал:

«15 апреля 1915 года принял нас главнокомандующий полевой армии маршал архикнязь Фридрих, а затем пригласил нас к себе наследник престола архикнязь Карл Франц Иосиф. На этих аудиенциях я вначале высказал лояльность и верность украинского народа цесарю и державе, которая сейчас проявляется на полях битвы в храбрости украинских солдат и украинских сечевых стрельцов, и просил принять наших сечевых стрельцов под особо благосклонную опеку главнокомандования армии. Только при австро-венгерской монархии, закончил я, видим мы, украинцы Галиции и Буковины, возможность нашего развития и освобождения. Мы стояли и стоим в эту тяжелую минуту наипреданнейше при цесаре и державе»¹.

Конечно, националисты из «Главной украинской рады» и «Союза освобождения Украины» восхваля-

¹ Цитируется по книге Михаила Настасивского «Украинская эмиграция в Соединенных Штатах», изданной в 1934 г. в Нью-Йорке Союзом украинских рабочих организаций.— *Прим. авт.*

ли Германскую и Австро-Венгерскую империи не без собственной корысти. Желая германской и австро-венгерской армиям «полной победы» на Восточном фронте, они рассчитывали и на свою долю при дележе побежденной России. В частности, они не прочь были бы получить из рук австро-германских покровителей важные посты в «самостийной» (под «высокой рукой» германского и австрийского императоров) украинской державе над Днестром и в автономном государственном образовании для украинцев в составе Австро-Венгерской империи. Дальше раздела Украины между сферами влияния Германии и Австрии украинские националисты не шли.

Такие же верноподданнические чувства по отношению к империалистическим угнетателям многонационального населения Австро-Венгрии проявили иерархи греко-католической (униатской) церкви во главе с митрополитом Андреем Шептицким.

Вспыхнувшая мировая война не вызвала у них ни осуждения, ни сожаления, ни даже простого сострадания к людям, благополучие и жизнь которых приносились в жертву разбушевавшимся враждебным силам. Более того, сам митрополит Андрей без промедления потребовал от своей паствы всемерной поддержки цесаря Австро-Венгрии. Распространенное им 5 августа 1914 года пастьерское письмо полностью соответствовало административным распоряжениям австро-венгерских властей и декларациям их националистических приспешников. В письме, в частности, говорилось: «Настал момент, когда жертвой имущества и крови мы должны доказать нашу верность его освященной особе, династии и престолу».

III. КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ

История, рассказ о которой ведется обстоятельно — и лишь обстоятельно рассказанная история заслуживает внимания, — разворачивается в повествовании не за счет простой последовательности действий, а благодаря связи событий, имевших место раньше или позже, в разных точках времени. Это происходит по воле простой — и все же неумолимой — логики.

Наш рассказ не является исключением из этого правила. Поэтому мы должны вернуться на много десятилетий назад. В ту эпоху накануне первой мировой войны, которая прямо-таки пронизана слухами и легендами. Во времена фраков и цилиндров, первых автомобилей и первых самолетов. В тот самый век (безусловно, этим словом можно определить тот безмерно отдаленный по времени период, от которого нас в действительности отделяет меньше ста лет), когда престол в Вене занимал «Его Апостольское Величество» Франц-Иосиф I Габсбург, а в своей берлинской резиденции закручивал напудренные, агрессивно торчащие усы Вильгельм II Гогенцоллерн, когда в тогдашнем Санкт-Петербурге на Неве сидел на самодержавном троне Николай II по прозвищу Кровавый, написавший во время переписи населения в графе «профессия»: «Хозяин земли русской». В те самые годы, когда на море господствовала Британия, а посетители — следует соблюсти тогдашнее написание — первых Кино-Театров могли лицезреть его превосходительство господина президента Французской республики, обходящего строй почетного караула с той же скоростью, с какой Чарли Чаплин убегал от полицейских.

Так вот тогда или приблизительно в ту пору на политическую арену был выдвинут человек, который позже под духовным именем Андрей потребовал от папсты «жизнь и кошелек» ради спасения «династии и престола» австро-венгерской монархии. С самого начала и до конца судьба отпрыска одного из богатейших помещичьих родов Польши Романа Шептицкого была предметом хладнокровного политического расчета и продавалась, как с аукциона.

Конгрегация пропаганды вероисповедания римско-католической церкви, или же по-латыни "Congregatio de propaganda fidei", остановила свой выбор на Шептицком и вознамерилась с его помощью распространить власть Ватикана как можно дальше на восток Европы. Одним из исполнителей этих замыслов и должен был стать Шептицкий.

Здесь просто необходим хотя бы краткий экскурс в историю.

Введение 1000 лет тому назад христианства в Киевской Руси не ослабило воинственный пыл римских католиков, стремившихся расправиться со схизмой в лице восточной, византийской церкви. К тому же в 1448 году была провозглашена автокефалия (независимость) Русской православной церкви. После Рима и Константинополя Москва, таким образом, стала третьей столицей христианства, «третьим Римом».

Тем не менее Ватикан не прекращал попыток обратить россиян в свою веру. В жены овдовевшему великому князю московскому Ивану III Васильевичу выбрали принцессу Софью Палеолог, и сопровождал ее в Москву кардинал, который вез Ивану III личное папское послание. Как надеялись в Ватикане, обращение святого отца и личное воздействие Софьи Палеолог должны были склонить великого князя к признанию верховенства папы рим-

ского. Однако Россия пожелала идти собственным путем.

Тогда Ватикан попытался отобрать у русской православной церкви хотя бы часть ее паствы. Так в 1596 году родилась уния — союз части украинских, белорусских и литовских священнослужителей с римско-католической церковью, — сопровождавшаяся посланием папы Климента VIII королю польскому Сигизмунду III с просьбой уравнивать в правах униатских и католических священников, предоставить униатским епископам и митрополиту «права сенаторские», ибо «благодаря этому уважение народа к ним возрастет и святая уния глубже запустит свои корни».

Народ правильно оценил действия новоиспеченных униатских иерархов как предательство. На правобережной Украине вспыхнуло восстание против польской шляхты и воинствующих католиков. Это не было стихийным бунтом верующих. Крестьянско-казацкие массы восстали против социального и национального гнета, и их выступление стало прологом освободительной борьбы украинского народа против иностранных захватчиков — феодалов, за воссоединение Украины с Россией.

На большей части украинской земли католические анклавы тают, как снег под жарким весенним солнцем.

Итак, борьба окончена?

Отнюдь, до этого еще очень далеко.

Политический процесс, а именно такой характер имели внешне сугубо церковные события, переместился в новую плоскость, в область насильственной католизации оставшейся под польским господством части населения Украины и Белоруссии. Отбросив теологические споры и дискуссии, Ватикан ориентировался на применение государственно-правовых

мер для достижения своих экспансионистских целей. Узурпаторы в сутанах отбросили «мирные» методы овладения мыслями и чувствами верующих и предпочли им форсированные методы психологического и экономического нажима.

Такими же методами действовал и польский сейм. В 1667 году он под страхом смерти запретил православному духовенству всяческие контакты с патриархом константинопольским. Если к тому же учесть, что униаты, вернувшиеся в православие, оказались лишенными конституционной защиты, то есть поставленными вне закона, становится ясным, что такими мерами ватиканские ставленники рассчитывали отодвинуть православие на второстепенные позиции, дезорганизовать его и лишить политического влияния.

В 1674 году на королевский престол в Польше взошел воинствующий католик Ян Собесский. На Украине он насаждал свою веру почти такими же мерами, как Кортес в Мексике или Писарро в еще более далеком Перу.

Беззаконие становится законом.

Вместо философских, юридических, теологических дискуссий — грубая сила.

Только так и не иначе.

Горят храмы и церковные строения православных. Все, что имеет хоть какую-то ценность, без всякой милости и сочувствия разграблено солдатами и продано лавочникам. Древние иконы изрублены. Горят в кострах древние рукописи. Никто никогда не подсчитает, какой урон понесла мировая культура. Сильные втоптаны в землю сапогом наемника. А слабые? Судьбы слабых и сильных в истории повторяются.

Борцы сражались до конца.

Слабые борьбе и лишениям предпочли фальшь

и покой. Православные епархии, во главе которых стояли находившиеся под влиянием иезуитов священники, принимают униатскую веру. В 1692 году — Пшемысльская, в 1700 году — Львовская, а через два года — Луцкая епархия.

Католизация украинского и белорусского населения, оказавшегося под властью королевской Польши, ведется уже откровенно насильственным путем. В 1714 году иезуиты из утвержденного в XVI веке папой римским «Общества Иисуса» разработали агрессивную программу католизации Западной Украины, в которой, в частности, сказано: «Королевские чиновники и каждый поляк, желающий обеспечить и сохранить целостность своего дома, должны считать своей обязанностью уничтожение греко-православной веры, которая вере римско-католической враждебна...»

Речь уже не идет, да она никогда и не шла, о вопросах теологии или обрядов, а исключительно о власти. Более того, католизация становится формой и содержанием государственной политики, а обращение украинцев в униатскую веру — одним из средств сохранения господства польских владык.

Итак, несмотря на решительное сопротивление униатскому диктату, борьба продолжалась из года в год, вплоть до упразднения униатской церкви на Западной Украине в 1946 году.

В конце прошлого столетия ватиканская конгрегация пропаганды веры с одобрения папы Льва XIII сделала ставку на графа Романа Шептицкого, способного, по ее мнению, подтолкнуть давшую сбой католизацию населения Западной Украины. При этом кардиналы учитывали и своеобразную преемственность. Ведь из этого богатого рода польских латифундистов уже вышли униатский епископ Афа-

насий Шептицкий и даже митрополит Лев Шептицкий.

Не последнюю роль в избрании Романом церковного пути сыграла его мать, воинствующая католичка, мечтавшая о том, чтобы кто-нибудь из ее потомков вознесся на вершину церковной иерархии. Личность неуравновешенная, страдавшая галлюцинациями, видениями, графиня в конечном итоге преодолела сопротивление мужа, которому не по душе была духовная карьера его сына. Графиня то впадала в экстаз, нервировала всех истерическими рыданиями, то часами отрешенно сидела со взглядом, устремленным в никуда. До тех пор, пока граф не сдался.

Наконец, Роман Шептицкий и его отец получили приглашение посетить монастырь василиан — католических монахов, активнейших проводников католизации населения западных областей Украины и Белоруссии. Отказаться от приглашения в то время было бы весьма рискованным делом — это могло быть чревато политическим скандалом, обструкцией со стороны контролировавшихся василианами кругов, а отсюда и до экономического краха — один шаг.

Хозяева-василиане ловко сыграли на болезненном самолюбии Шептицкого-отца. За обильным угощением они всячески превозносили заслуги Шептицких в распространении униатской веры и, наконец, высказали лестное предсказание-предложение, что потомок знаменитого графского рода мог бы занять митрополичий престол и стать главным духовником собора св. Юра во Львове.

Не иначе как растревоженное сладостными видениями самолюбие водило рукой Шептицкого, когда он вскорости обратился с экзальтированным письмом к папе Льву XIII, испрашивая благослове-

ния преемника святого Петра на путь служения Ватикану и католической церкви.

Граф Роман Шептицкий готов служить. Это взяли себе на заметку отцы-иезуиты, и, изменив свое первоначальное намерение вступить в монастырь василиан, будущий слуга божий отправляется на Восток. Прежде чем заняться спасением заблудших душ многомиллионной восточной паствы, графу Роману предстоит любыми средствами выяснить и доложить отцам-иезуитам, а равно и другому заказчику — австро-венгерскому генеральному штабу, как обстоят дела со старыми связями, «чистые» ли они или находятся под колпаком русской охранки и военной контрразведки; с наиболее надежными, с точки зрения заказчиков, контрапартнерами предстоит войти в личный контакт и получить информацию по обширному перечню вопросов; с этой же целью предстоит заводить знакомства, отсеивать балласт, укреплять и активизировать наиболее информированных и перспективных.

Слишком одиозный круг поручений?

Безусловно. Да иначе и не могло быть: миссия, с которой Шептицкий отправился в Россию, по своей сути, форме и технике — шпионская.

Особенно любопытны господа из австро-венгерского генерального штаба. Их интересует не только информация о русской армии в широком диапазоне, но и конкретные темы: «Каково положение с офицерами и вооружением? Как организовано обучение младшего командного состава? Мобилизационные возможности русской армии? Состояние железных дорог? Их пропускная способность? Существует ли сотрудничество между военным и гражданским сектором? Если да, то какое?»

Под силу ли одному человеку осветить такой обширный круг вопросов?

Роман Шептицкий докажет, что он в состоянии сделать то, что мало кому удавалось в истории шпионских служб,— объединит и решит задачи как политического, так и военно-разведывательного характера.

В Вене довольны.

В Риме папа Лев XIII с интересом и удовлетворением читает сообщение графа Романа Шептицкого о положении на левобережной Украине.

Не только потому, что оно подробное и написано старательно, но еще и потому, что в нем сообщаются факты, которые выглядят многообещающими. Так, например: граф Шептицкий раскопал понравившееся ему высказывание буржуазно-националистического деятеля, сторонника коллаборационизма с австро-венгерскими правящими кругами Владимира Антоновича о том, что униатская церковь должна быть признана на Украине как «единственно верный путь к сближению украинского народа с Западом». Это было мнение, опираясь на которое можно если не действовать, то как минимум продавать его на политическом аукционе.

За время своей долгой карьеры Шептицкий встретится со всеми папами, которые сменятся на престоле святого Петра, со многими «сильными мира сего» в светской области. Но прежде чем это случится, прежде чем он взойдет на тот уровень, на котором на него обратят внимание, Шептицкий проявит завидное умение приспособливаться. Он почувствовал, что на противоречивых стремлениях и на двойной позиции, в которой прежде всего оказались украинская буржуазия, крупные помещики и высшее духовенство, можно построить свое политическое будущее, как на стабильном, постоянно действующем факторе.

Но пока он — агент тайной службы, на прак-

тических делах проверяемый на пригодность служения Ватикану.

После возвращения из России Роман Шептицкий наконец удостоился вызова в Рим.

В личных апартаментах его принимает Лев XIII. Что из себя представляет этот папа? Прежде всего это человек, понявший растущую роль социализма в мировой политике. Поэтому он искал тех, кто готов был вступить в борьбу против социализма. Он делает все, чтобы склонить на свою сторону Россию, представленную буржуазией, помещиками, духовенством, генералитетом и царским двором. 30 сентября 1880 года папа издает энциклику "Grande munus" («Великое бремя» — папские энциклики получают название по первым двум словам текста), в которой выражает славянским народам любовь и восхищение и провозглашает православных проповедников Кирилла и Мефодия католическими святыми. Четверть века он ведет сложную, изобретательную, но напрасную дипломатическую игру: хочет повернуть время вспять — вернуться к периоду после наполеоновских войн и возобновить «Священный союз» для борьбы против мирового социализма. Но обстановка в мире уже иная. Капитализм переходит в стадию империализма, и противоречия между империалистическими государствами приводят к созданию иных группировок на основании иных объективных закономерностей. Много внимания папа уделяет социальным вопросам. Он призывает рабочих к классовому примирению и послушанию, хотя и понимает, что на борьбу против рабочего класса могут подняться только силы реакции. Их он и пытается объединить. В его концепции мировой политики главная роль отводится царской России.

Но католическая церковь не могла оказывать

прямого влияния на царя, который исповедовал православие, чья политика в вопросах веры была независимой от Ватикана.

Униатство предоставляло удобный выход из политического затруднения. Оно могло на время дестабилизировать царскую власть, чтобы укрепить в России свои позиции.

Для выполнения этой задачи хорошо подходил Шептицкий, один из тех, кто должен был подготовить плацдарм для дальнейшего проникновения католицизма в Россию.

Поэтому, и только поэтому, папа уделил внимание графскому отпрыску, хотя в то время таких, как он, можно было найти дюжину на пятак.

Шептицкий к своей миссии был готов скорее как романтик-миссионер, чем как политик. Он уже видит Россию католической. Только католической. Потому что униатство считает религией жалких холопов, мелких ремесленников, старьевщиков — словом, чем-то, что может годиться в лучшем случае для выскочек. Но не для графа Романа Шептицкого. И здесь мы встречаемся еще с одним из любопытных противоречий, из которых складывается духовная сущность графа Шептицкого: будущий глава униатства вначале униатство отвергает, считает его неполноценным и для себя неприемлемым. И только глава католической церкви в личном разговоре объясняет ему основу основ: обратить православный Восток в «истинную» католическую веру можно только через униатство. Таков план, так сказать, в общем виде. Но каждой политической акции нужен и политический инструмент. Для пана Шептицкого им станут монахи-василиане.

Кто они такие?

Эти далекие родственники иезуитов появились более чем за двенадцать веков до образования «Об-

щества Иисуса» и накопили бесценный опыт борьбы против еретиков, которым охотно воспользовались иезуиты. И история не помнит случая, когда бы пути этих двух орденов скрестились, хотя василиане ведут свое начало от видного деятеля греческой церкви, то есть, с точки зрения католиков, от преступного схизматика, тогда как иезуиты — от правоверных подданных папы римского.

И вот граф Роман Шептицкий должен пройти через школу ордена василиан.

В 1888 году молодой граф вступает в василианский монастырь в галицийском городе Добромиль. Папская курия, внимательно следящая за каждым его шагом, приказывает монахам создать для него особые условия. Шептицкий не должен проходить полугодовой испытательный срок — он сразу получает в Добромильском монастыре, который с 1882 года по приказу папы Льва XIII стал центром василианского монашества, новое имя, с которым войдет в историю, — Андрей.

Он вступает в орден в тот исторический момент, когда папская курия проявляет к василианам повышенный интерес, потому что, по мнению Ватикана, именно они должны стать непосредственным инструментом католизации России.

Всего два года пробудет Андрей Шептицкий в Добромильском монастыре. В 1890 году он становится игуменом василианского монастыря во Львове. Поближе к митрополиту. В центре униатства. Здесь он основывает журнал «Миссионер», в котором бредовый экстаз уже ориентирован на хорошо продуманный и рассчитанный политический результат. Молодой настоятель стремится овладеть умами верующих, чтобы управлять ими.

Он изучает их с холодным равнодушием, с каким энтомолог препарирует жука.

Он слишком высоко стоит над ними, этот бывший австро-венгерский офицер, замеченный верховным главой христианства. На суету «черни» он смотрит с брезгливостью. Но продолжает изучать их стремления и желания. Шептицкий в чем-то подобен наполеоновскому министру полиции Жозефу Фуше. Любое сопротивление для него — призыв к быстрой ответной акции. Тихой, хорошо продуманной. И никому не придет в голову искать за ней следы церковного правителя. В 1891 году случилась мелкая с точки зрения истории, не стоящая внимания трагедия. В селе Гнилички униатский священник, некто Иван Наумович, вернулся к вере своих предков, к православию. Через несколько дней он был отравлен. И воробьи на крышах чирикали, что руку убийцы направлял Шептицкий. А что молодой игумен? Молчит. Зачем говорить, когда в этом нет необходимости.

Он добился того, чего хотел.

Каждый понял предупреждение: так церковь наказывает предателей. Запомним этот момент, ибо здесь слышен отдаленный мотив, который через полвека зазвучит в трагическом контрапункте. Таким образом, Шептицкий ввел в церковную политику терроризм в самой жестокой его форме.

Но Шептицкий не только преступный отравитель ничтожных слуг божьих. Он делает карьеру. В 1891 году Шептицкий участвует в заседании, которое созвал во Львове митрополит Сильвестр Сембратович. Церковь формулирует принципы борьбы против всех врагов униатства и католичества, и Шептицкий вносит свой весомый вклад в подготовку окончательного варианта этой программы, в разработку тактического поведения, тонких психологических нюансов и концепции жесткого си-

лового давления. Можно даже сказать, что он сделал больше, чем стареющий болезненный митрополит Сембратович, которому остается всего семь лет жизни. Когда в 1898 году Сембратович умирает, Ватикан на два года берет на себя управление униатской церковью, чтобы на много лет не лишиться возможности, на которую рассчитывал.

В чем было дело?

Приведем несколько цифр и фактов из жизни Андрея Шептицкого: 1888-й — монах василианского Добромильского монастыря, 1890-й — игумен василианского монастыря во Львове, 1893-й — священник собора св. Юра во Львове, 1899-й — епископ и, наконец, в 35-летнем возрасте, в 1900 году, становится митрополитом львовским, верховным главой униатской церкви.

Первое, что уяснил себе новый львовский митрополит: планы насильственной католизации Востока были и остаются несбыточной мечтой, иллюзией, миражом. Нужно действовать иначе. Более изощренными методами.

Главный удар был направлен на разжигание вражды против Русской православной церкви и вообще против русских. Униатская пропаганда рисовала их самыми черными красками, изображала врагами других славянских народов.

Это стало политической основой органического союза униатства с украинским буржуазным национализмом, нацеленным прежде всего на удовлетворение империалистических appetитов Австро-Венгрии и кайзеровской Германии.

Едва Шептицкий разместится в резиденции рядом с собором св. Юра во Львове, едва поднимется на ступень, выше которой уже никогда не шагнет, как окажется в противоречивой ситуации.

«Рим посадил нам в епископы польского пана,

магната и иезуита, непримиримого врага всего русского» — так говорили по всей Галиции, Волини, на Буковине и в Закарпатье. Негативная реакция на его назначение настолько сильна — не только у простого народа, но и среди духовенства, — что в своей речи при интронизации Андрей Шептицкий постарался разделаться со своими многочисленными противниками. Контролируемые им типографии извергают брошюры, книги, листовки, газеты, пропагандирующие единение с католической церковью. Униатская церковь призывает к походу против «в блуду ереси погибающих народов России». В том же духе произносят проповеди священники. Кто отступит — того выгоняют. Шептицкому близок терроризм, и он считает его самым надежным способом давления. Отравленный священник, застреленный социалист-агитатор — если правильно объяснить причину их смерти, — этот аргумент сильнее сотни статей.

Иезуиты и василиане могут радоваться: ученик оказался достойным своих учителей. На территории, подпадавшей под юрисдикцию возглавлявшейся им униатской церкви, он сумел охмурить не только верующих простолюдинов, но и распространить свое влияние на часть интеллигенции и политических деятелей. Собор св. Юра еще до первой мировой войны становится не только религиозным центром, но и центром национализма. В планах австро-венгерского генерального штаба, который уже давно разрабатывал операции против России, украинскому буржуазному национализму также отведена своя роль. Он должен сеять рознь между русскими и украинцами и дестабилизировать обстановку на западных границах Российской империи.

Для Шептицкого подготовка к войне — это

повседневная политическая активность. Его агенты проникают в Россию. Правда, контрразведка о многих знает, некоторых из них арестовывают. Там, где русскую военную контрразведку не ограничивают политические интриги германофильского двора, она работает точно и результативно. Но сила клерикально-националистической шпионской сети не в качестве ее агентов, а в количестве. Такая сила более чем сомнительна, но здесь несколько иная обстановка.

Агенты Шептицкого не только занимаются сбором секретных сведений, но и наряду с «классической», шпионской деятельностью создают очаги дестабилизации. Пока все это происходит в местах будущих боев и поблизости от них.

В Риме в возрасте 92 лет умирает папа Лев XIII. Его место занимает Пий X. Это первый папа XX века. Его настоящее имя — Джузеппе Мелчиор Сарто, он родился в семье арендатора в Риэзо, недалеко от Тревизо. В то время, когда он занял престол св. Петра, ему было 68 лет, а умер он в самом начале первой мировой войны, 20 августа 1914 года. Пий X отстаивал колониализм во всех его формах, и его беспокоило развитие событий в России.

После перемен на папском престоле львовский митрополит еще больше активизировал свою деятельность за пределами провинциальной, захолустной австро-венгерской Галиции.

Незадолго до начала войны на основании точных сообщений своих агентов он предоставляет Пию X информацию о положении в России, на Украине и в западных районах Белоруссии, в том числе и о положении униатской церкви. Но не только это. Прежде всего он дает объективную информацию о размахе революционного движения на тер-

ритории, которая должна быть или уже частично католицирована. На информацию Шептицкого Пий X реагирует в бреве, где, в частности, заявляет: «Последние сообщения свидетельствуют об опасной ситуации, сложившейся в России. Не исключено, что для подавления безбожных и революционных сил в России будет неизбежна вооруженная помощь западных держав». Как видим, зреет план интервенции.

«Австрия и Германия готовы к этому. А униатская церковь на русском Востоке должна выполнить беспрецедентную задачу, возложенную на нее святым престолом. Мы многое потеряли во Франции. Надеюсь, что потерянное, и с процентами, получим в России».

Это ко многому обязывающая стратегическая концепция. И в первую очередь — для Андрея Шептицкого.

Последние годы перед началом первой мировой войны насыщены лихорадочной активностью. Шептицкий едет в Ватикан и приходит к выводу, что с Пием X он найдет общий язык, так же как и с его предшественником. После поездки в Италию, на этот раз не афишировавшуюся, Шептицкий продолжает борьбу, которую ведет с тех пор, как переехал в резиденцию рядом с храмом св. Юра. Борьбу с русофильством в униатской церкви. Он делает ставку на тысячелетний опыт монахов-василиан, расширяет в Галиции сеть василианских школ. Приказывает строить для этого ордена новые монастыри. Если во времена его молодости был всего один монастырь в Добромиле, то перед началом первой мировой войны их уже десять.

Почти все время Шептицкий в пути. Буковина, Галиция, Закарпатье... Он объезжает приходы. Встречается со священниками, с представителями

австро-венгерской администрации, государственных органов, с буржуазно-националистическими политиками. Он не надеется на случай, на сообщения из третьих рук — все должен охватить сам. Выяснив расстановку сил в районах, заселенных украинцами, он отправляется за границу.

Нищета, невозможность найти хоть какую-то работу вынудили многие десятки тысяч украинцев покинуть родину, и они оказались разбросанными по всему свету.

Но где бы они ни жили, своими корнями, душой оставались на своей родине.

Поэтому Шептицкий стремится активизировать колонии эмигрантов в Дании, Пруссии и даже Канаде. А когда он возвращается из зарубежного вояжа, к нему, словно дьявол за душой Фауста, является сотрудник разведки австро-венгерского генерального штаба (да, тайные службы умеют хранить секреты, но никогда ничего не забывают). И разговаривает он с ним не как со священником, встречавшимся с двумя папами, политическими воротилами, высшим духовенством, а как с рядовым агентшмой. Митрополит львовский получает приказ: собрать вещички и отправляться в Россию. Цель? Нужно проинструктировать униатскую агентуру на случай войны. Наладить связи. Распределить между агентами вопросы. Это значит, перед всеми и перед каждым в отдельности — в зависимости от его возможностей — поставить конкретные задачи на период подготовки к войне и на случай военных действий. И Шептицкий снова меняет облик.

Он вербует агентов из непосредственного окружения царского двора. На него работают князья Оболенские и другие высокопоставленные особы. Но есть одна трудность, и серьезная, с которой

встречается в России митрополит Андрей, он же шпион Шептицкий: униатская церковь запрещена русским законодательством. Вот если бы удалось открыть приход! Один-единственный приход! Можно попытаться повторить ту игру, которую вели папская курия и венецианские купцы с Иваном IV Грозным.

Но Николай II не Иван Грозный. Он, правда, как ни в чем не бывало может подписывать смертные приговоры, но жестокость — не синоним политической смелости. А ее Николаю II не хватает. Слабый, нерешительный, он наконец послушает шептунов, которые заверяют, что один приход империи не повредит. В конце концов это будет просто забавно.

И царь соглашается.

Работа, проведенная Шептицким в петербургских аристократических кругах, оказалась напрасной. Шептицкий узнал, что из себя представляет Петербург накануне первой мировой войны. Точнее, что из себя представляют буржуазные и аристократические сливки. Это общество, которому уже все надоело, конечно, повалит в униатскую церковь, во главе которой стоит некто Дайбнер. Так же как и Шептицкий — австро-венгерский и немецкий шпион. Дайбнер получает указание, уточняющее, в каком направлении вести работу. Для этой богатой петербургской публики нет ничего более чуждого, чем собственная страна. Говорят и пишут по-французски. По-русски изъясняются неграмотно, со странным, так называемым гвардейским акцентом. Этих людей, владеющих миллионными капиталами, сотнями тысяч десятин пашни, на которой, не разгибая спины, трудятся за нищенскую плату крестьяне-батраки, нетрудно убедить, что Россия только тогда станет мировой

державой, Петербург — настоящим «северным Парижем», а страна избавится от вековой отсталости, когда примет новую веру и соединится со святой католической церковью.

Эту работу должен вести отец Дайбнер.

А чтобы храм зря не простаивал, сделали там еще и шпионскую исповедальню. В ней действует ловкий и изобретательный молодой человек по имени Леонид Федоров.

Еще будучи студентом православной духовной академии, Федоров побывал в Риме, где принял католическую веру. Ватиканская разведывательная служба завербовала его и передала Шептицкому. Вскоре выяснилось, что те, кто поставил на Федорова, имели легкую руку и хорошо разбирались в людях. Он сумел нащупать слабое место в светском обществе. Во время спиритических сеансов, на молитвах тибетских монахов, в салонах, где читались стихи модных поэтов, первые роли играли аристократические дамы. Неврастеничные, жаждущие острых ощущений, петербургские дамы имели доступ к самым большим секретам Российской империи. В их будуарах болтали щеголеватые адъютанты командующих. Их благосклонности искали жандармские ротмистры и полковники, шефы охранки и дипломаты.

Еще не взорвался первый снаряд мировой войны, еще не упал прошитый пулеметной очередью первый солдат, а Федоров уже нанес на карту своих «тихих завоеваний» не только Петербург, но и почти всю Российскую империю. А все потому, что хорошо усвоил мысли Монтеня, говорившего, что тот, кто хочет добиться успеха, должен полагаться не на положительные качества, а на слабости людей.

Можно сказать, что ученик победил своего

учителя. В шпионском искусстве Федоров добился большего, чем Шептицкий.

А чем занят митрополит Андрей? Он решает, что неплохо было бы создать полувоенную организацию, которая будет на содержании австро-венгерского штаба, но в случае необходимости повернет туда, куда ей укажет Шептицкий, глава украинского буржуазного национализма. Этот замысел осуществится в 1914 году. Организация называется «Украинские сечевые стрелки» (далее сокращенно — УСС или сечевики).

Первые дни войны наполнили Шептицкого и главарей националистических организаций большими надеждами. Австро-венгерские войска продвигались вперед. Сечевики маршировали, убивали, грабили дома заподозренных в симпатиях к Москве. Но затем грянула августовская 1914 года галицийская битва. По всему Юго-Западному фронту разнеслась канонада артподготовки. Потом пошла в атаку пехота, в тыл австро-венгерской армии ворвалась кавалерия. Австрийские войска побежали.

«Русские атакуют. Мы потерпели поражение. В районе Гнилой Липы идут тяжелые бои. Твое крестьянское войско, твои УСС бой еще не видели даже издали, но известно, что при первой же возможности они собираются “со славой” сдаться москалям. Никакой надежды, что мы остановим русских, нет. Галиция в любой момент может пасть. Подумайте о себе, ты и Каз (Климент Шептицкий.— *Прим. авт.*). Не теряйте ни минуты и уезжайте из Львова».

Авторитетные слова.

Потому что написал их не кто иной, как родной брат митрополита Андрея Станислав Шептицкий, австро-венгерский полковник, начальник штаба

2-го корпуса. То есть человек, который знал, о чем пишет.

Но может быть, Станислав Шептицкий излишне драматизировал ситуацию? Ни в коей мере. Австрийские войска спешно отступали в глубь Галиции. Пал Львов. Самые громкие крикуны из «Союза освобождения Украины» и «Главной украинской рады» — уж не читали ли они письмо Станислава Шептицкого? — бежали в Вену. А Андрей Шептицкий? Делает один из самых рискованных, но и самых продуманных шагов в своей жизни. Где должен быть пастух, когда стаду грозит опасность? Со своими овечками. Так можно было бы объяснить его поступок. Но вполне вероятно, что оба генеральных штаба — германский и австро-венгерский — настояли на том, чтобы Шептицкий остался во Львове для дестабилизации положения в тылу русский войск и шпионажа.

Когда части Юго-Западного фронта занимают Львов, Шептицкий ведет себя тише воды, ниже травы. Держатся скромно, в тени. Там, где духовное лицо и должно быть, — в комплексе собора св. Юра.

Зато активизировались клерикалы и националисты. Они шныряют по базарам и площадям. Под разными, часто наивными, предложениями пытаются проникнуть в казармы и военные лагеря. Они убеждаются, что рабочие и крестьяне, интеллигенция и часть духовенства считают русских своими братьями и радуются их приходу. Для Шептицкого это большой удар. Он бы должен принять эту весть с рационалистическим прагматизмом, который ему присущ, но в этот раз не может сдержаться. Теряет контроль над собой. Он не может сдержать в себе порыв ненависти.

Шептицкий поднимается на кафедру.

Но не в храме св. Юра, а в Успенском соборе — и в ярости холодный расчет все же не оставил его.

Потому что, если прикрыть оба глаза, его речь можно посчитать личным мнением Андрея Шептицкого, а не официальным выступлением митрополита львовского. Действительно ли Шептицкий рассчитал все так далеко вперед? Все свидетельствует о том, что был он достаточно хитроумным, чтобы продумать свои действия до конца. Поднявшись на кафедру в Успенском соборе, он хорошо поставленным голосом произносит страстную проповедь. Проклинает всех, кто братается с русскими солдатами, и призывает всех украинцев Галиции бороться «против православной ереси, если даже за это придется заплатить собственной жизнью». А в заключение призывает к походу на Восток: «Воспользуемся тем, что пали границы! Они называют себя православными — и мы православные. Наше православие церковное, их — государственное. Они опираются на власть, а мы черпаем свои силы из единства с католической церковью. Держитесь ее и несите ее славу на Восток».

Проповедь Шептицкого преследовала три цели. Во-первых, он, оставшись во Львове, да к тому же выступив с антирусской проповедью, стал ближе к националистам, нежели, скажем, члены «Главной украинской рады», старые австрофилы Кость Левицкий, Лев Бачинский или Николай Василько, сбежавшие в Вену. Это значило не только удовлетворить личное честолюбие, но и обеспечить ведущую роль Ватикана. Другая цель: Шептицкий хотел проверить, до каких пор он может испытывать терпение русской военной администрации. И вы-

яснил, что оперативный простор пока свободен и достаточно широк. И, наконец, третье: его проповедь была открытым призывом к антирусским акциям, к дестабилизации ближайшего тыла сухопутных войск. Призыв не достиг цели. Верность Шептицкому сохранили только его платные агенты. И он их мобилизует.

В соборе св. Юра и в близлежащих церковных строениях собираются священники, монахи, монахини, а также агенты, не принадлежащие к духовенству. Все получают задания. Следует постоянно вращаться среди русских солдат и выяснять состав войск. Прибытие подкреплений. Настроения в частях. Среди рядовых, младшего командного состава и офицеров. Снабжение. Планы. Словом, вести обычную разведывательную работу.

Русская контрразведка быстро обнаружила агентов Шептицкого. Вела за ними наблюдение и давала им такую свободу действий, какую считала возможной. О том, что Шептицкий — агент германского и австро-венгерского генеральных штабов, ей было известно с того момента, как он был завербован. Но русская контрразведка привыкла действовать тактично и осторожно, когда речь шла о высокопоставленной особе.

Вначале контрразведка ограничилась наблюдением за Шептицким, давая событиям развиваться естественным путем.

Наконец, стали приходиться сообщения, которых долго ждали. Командиры жалуются, что агенты Шептицкого своей разлагающей деятельностью могут вызвать волнения в войсках. Так? Хорошо. Этому и высшие инстанции намерены положить конец. Но тактично! Пожалуйста, тактично, чтобы обошлось без шума.

12 сентября 1914 года митрополит Андрей

Шептицкий арестован и определен в «золотую клетку». Высшие офицеры провожают Шептицкого на вокзал, усаживают в вагон-салон и увозят из Львова. В пути митрополита сопровождают его духовник, ректор униатской семинарии Боцян, личный секретарь монах-василианин Гродский и слуги. Поезд направляется в Киев. Там Шептицкий «помещен в тюрьму», то есть ему предоставили целый этаж в лучшей киевской гостинице «Континенталь». Митрополит был скорее царевым гостем, чем заключенным. И здесь Шептицкий делает новый ход, на который способен только прагматичный до цинизма работник разведывательной службы. Шептицкий делает разворот на сто восемьдесят градусов.

В истории Савл часто превращается в Павла.

Подобная сцена разыгрывается и в комнатах «Континенталья», уставленных золоченой мебелью и выстеленных роскошными коврами. Антирусский проповедник пишет письмо Николаю II. В нем он радуется успехам русских войск, которые позволили «Червонной Руси», как говорили в Галиции, снова объединиться с великой Россией. Православно-католический, галицийско-украинский митрополит (так Шептицкий называет себя в письме) торжественно обещает Его Царскому Величеству, что не пожалеет всех своих сил, а если нужно и жизни своей, во благо царя, престола и отечества великой Российской империи.

Царь передает письмо Шептицкого правительству. С резолюцией, которая никого ни к чему не обязывает и которая характеризует его безволие. Но устная рекомендация начальника личной охраны императора, в то время одного из самых влиятельных лиц империи, заставляет министров уделить делу Шептицкого больше внимания, чем

обычно. Хотя бы изучить документы, представленные начальником военной контрразведки. Они были настолько шокирующими, что министры буквально замерли от изумления.

Каждый шаг Шептицкого с того момента, когда он впервые инкогнито перешел русскую границу, был зафиксирован. Контрразведке была известна сеть, которую он создал в России. Короче, Шептицкому в тот момент очень подходила старая латинская поговорка: “*Si tacuioses philosophus mansises*” — «Если бы ты молчал — остался бы философом». О том, чтобы принять его услуги, не могло быть и речи. Никто не отважился и подумать о том, чтобы дать Шептицкому свободу передвижения.

Его перевозят в Нижний Новгород. Митрополит снова разворачивается на сто восемьдесят градусов. Человек, который только что, как милостыню, выпрашивал позволения принести в жертву за царя и отечество свое имущество, положение и саму жизнь, снова становится правоверным униатом. Для местного «избранного общества» он тайно устраивает униатские богослужения, разворачивает антирусскую пропагандистскую деятельность. Но опять совершает промашку. Николай II лично курировал политическую полицию. Поэтому достаточно было одного сообщения, попавшего на глаза императору, чтобы Шептицкого отправили в Курск.

В это время ход партии круто меняется.

Пешки, офицеры контрразведки и работники охраны, отходят на второй план. Круги, близкие к австрийскому императору Францу-Иосифу I и германскому Вильгельму II, подняли крик в «защиту» Шептицкого от «русского варварства». Его Католическое Величество испанский король

Альфонс XIII в личном письме попросил русского императора облегчить судьбу духовного пастыря. Но все это делалось, так сказать, в традиционном русле. Не слишком изобретательно. И если имело какой-то политический отклик, то только связанный с именами и положением защитников Шептицкого, уже давно скомпроментировавших себя в глазах всего мира. Активнее и изобретательнее действовали в Ватикане. Там сказали себе: бог высоко, Курск далеко, русское правительство никто не сдвинет с места, если оно не захочет сдвинуться само. Поэтому надо действовать иначе. И Ватикан разворачивает пропагандистскую кампанию: мол, русские солдаты оскверняют католические храмы, верующие католики подвергаются невиданному притеснению со стороны схизматиков. Пишут газеты. Звучат проповеди. И когда в сознании людей постепенно начинает складываться образ русского солдата-притеснителя и варвара, Ватикан вынимает козырную карту: Андрей Шептицкий в России расстрелян!

Это был выстрел из тяжелого орудия.

Готовилась большая панихида.

Австрийские и венгерские газеты печатают некрологи, в которых сообщают ужасающие подробности мученической смерти львовского митрополита и повествуют о почти святой жизни того, кто вынужден был встать перед взводом русских солдат.

Кажется, петарда, подготовленная мастерской рукой, взорвалась в нужном месте и в нужный час.

Но игра снова меняет свой характер.

И в королевской партии ее исход может решить пешка, забытая на краю доски. На первый взгляд безопасная и неперспективная.

Пешкой этой оказался офицер русской контрразведки, работавший во Львове. Простая и ясная логика привела его к простому и верному выводу. Если Шептицкий, размышлял он, занимался шпионажем и был арестован в тот момент, когда этого не ожидал, то должны где-то остаться улики.

А дальше все развивалось, как в детективе.

Усердный и методичный офицер фронтовой контрразведки со своими сотрудниками буквально сантиметр за сантиметром просмотрел все места, где находился или хотя бы на короткое время останавливался митрополит. Долго ходили вокруг да около, пока в соборе св. Юра за стенными панелями и под полом не нашли собственноручно написанные Шептицким бумаги, которые неопровержимо доказывали, что митрополит основательно занимался шпионской деятельностью, собирая секретную информацию. Был найден также проект, написанный Шептицким, в котором он излагал австро-венгерскому правительству свои взгляды на религиозное, политическое, административное, военное устройство Украины после того, как она будет отделена от Российской империи и оккупирована Австро-Венгрией.

Но храм св. Юра, кажется, скрывает неисчерпаемый клад документов, изоблачающих Шептицкого и раскрывающих игру, которую он вел. Русские контрразведчики находят даже список лиц, которых Шептицкий предлагал для управления Украиной в рамках Австро-Венгрии.

Если бы речь шла о простом смертном, то любой из бумаг хватило бы на смертный приговор за предательство и шпионаж. Но Шептицкий в кругах правящих классов был «фигурой». И только поэтому избежал военного трибунала.

Царское правительство вело переговоры с Ва-

тиканом о судьбе Андрея Шептицкого. Ватикан требовал, чтобы львовский митрополит был освобожден и чтобы ему было разрешено выехать в Рим или любую нейтральную страну.

Министры колебались.

Переговоры затягивались, и в это время с Юго-Западного фронта в Петроград прибыл курьер с тщательно запечатанными пакетами, которые охраняли два специально проинструктированных солдата. От начальника контрразведки доказательства о предательстве Андрея Шептицкого были направлены министрам.

В тот момент, когда представители Ватикана предлагали обменять Шептицкого на одного из журналистов, находившихся в австрийской тюрьме, правительство неожиданно получило неопровержимые доказательства против львовского митрополита.

Проинформировали императора.

Николай II не отличался блестящим интеллектом. Но и он сумел понять, что Шептицкий вел игру против него. Более того: в письме, посланном Николаю II, он насмехается над императором. А это непростительно. Переговоры закончились. О выезде Шептицкого из России не могло быть и речи.

Помимо войны, на Россию наступали призраки голода и эпидемий. В 1915 году русская армия оставила Галицию, часть Белоруссии и Прибалтику. А тем временем Андрей Шептицкий в Курске, а потом в Ярославле произносит проповеди во славу австро-венгерских войск.

Попадет ли он за это хотя бы в тюрьму?

Нет.

Царское правительство выплачивает ему четыре тысячи рублей золотом. Столько, сколько в то время получает высокопоставленный православный свя-

щенник, который чтит «батюшку»-царя и «матушку»-царицу.

В феврале 1917 года самодержавие в России было свергнуто. В своей ставке, в салон-вагоне в Могилеве, император подпишет отречение. Монархия пала, но остались ее сторонники. Один из приближенных царя, присутствовавших при отречении, с горечью вспоминал: «Отказался от Русской империи, как будто отдал кому-то колоду карт».

Власть переходит к буржуазному Временному правительству. Выдвигается лозунг: «Война до победного конца!», а в окопах и госпиталях, в деревнях и рабочих кварталах становится ясно, что Россия попала из огня да в полымя.

Но Временное правительство оказывается в центре внимания западных политиков. Для Запада очень важно, чтобы Россия не вышла из войны и чтобы миллион немецких солдат, которых ценой огромных усилий отлекают на себя русские армии, не был переброшен на Запад против уставших армий Великобритании, Франции и Италии. Временное правительство действует так, чтобы не расстроить Запад, потому что без него не удержится у власти и неделю. И поэтому уже в марте 1917 года тогдашний министр юстиции, а позже председатель Временного правительства Александр Керенский «снимет» символические наручники с львовского митрополита Андрея Шептицкого. Это значит, что он может покинуть Ярославль.

Свободен.

Куда поведет его первая дорога?

На Украину? К покинутому стаду овец?

После всего, что мы знаем о Шептицком, нетрудно предположить, что его поведение будет на первый взгляд нелогичным, но при ближайшем рассмотрении мы найдем в нем неумолимую логику. Итак, пер-

вая поездка — в Петроград. Там он прежде всего ведет долгие и обстоятельные беседы с петроградским резидентом ватиканской разведки бароном Роопом и католическим епископом Цепляком. Потом обходит дворцы, в которых расположены министерства. Поблагодарит за свое освобождение председателя Временного правительства князя Львова, министров Керенского, Милюкова и Терещенко.

И только потом отправится на Украину.

Как всегда, Шептицкий рассчитывал на три хода вперед.

Первую остановку львовский митрополит сделает там, откуда начались его странствия.

Киевская буржуазия, сгруппировавшаяся вокруг контрреволюционной буржуазно-националистической Центральной рады, и ее председатель Михаил Грушевский приветствуют его как мученика. И в один голос твердят, что Шептицкий должен был бы стать митрополитом киевским. Это, конечно, льстит самолюбивому графу. Он с удовольствием выслушивает хвалебные речи, а потом принимается за дела. Нетрудно было понять, что Временное правительство не только слабое, но и слабосильное. И этой ситуацией Шептицкий должен воспользоваться.

Он создает униатские приходы по всей Украине. В Киеве образован генеральный викариат. Шептицкий хорошо понимает, что значит в политике организация. Одним прыжком он махнул туда, куда католическая церковь столетиями не могла проникнуть. Ни у кого не спрашивая и не добываясь разрешения, он основал в Петрограде самостоятельный униатский экзархат, а экзархом назначил уже известного нам немецкого шпиона Федорова.

В Киеве все идет еще легче.

Контрреволюционная Центральная рада выде-

ляет Шептицкому большой земельный участок, на котором в рекордно короткий срок будет построен униатский храм.

Временное правительство уступает ему во всем, в чем только можно. Андрей Шептицкий получает разрешение на создание центров униатской церкви в Одессе, Екатеринославле, Виннице и Каменец-Подольском. Кажется, что все идет как по маслу. Шептицкий получает разрешение на выезд из России. Он останавливается в Риме. Выступает в австрийском парламенте. Но в это время в России происходят события, которые потрясают мир.

Великая Октябрьская социалистическая революция сметает власть помещиков и капиталистов. Впервые в истории возникает государство рабочих и крестьян. С этого момента история разделится на периоды «до Октябрьской революции» и «после Октябрьской революции». И это событие повлияет на жизнь каждого из нас. Революция задаст вопрос, который сегодня так же актуален, как и семь десятилетий назад: «Ты за или против?» Равнодушных нет. Нейтральных быть не может. Есть только борцы за прогресс. И их противники, которые пытаются плыть против течения истории.

Когда Центральная рада в январе 1918 года пошла на сговор с государствами австро-германского блока и в том же Брест-Литовске, где более трех с половиной столетий тому назад была заключена церковная уния, подписала с ними сепаратный договор, который означал начало иностранной интервенции против Украины, униатский митрополит отметил это «событие» торжественной службой в соборе св. Юра.

Но и габсбургская и гогенцоллерновская монархии доживали свои последние дни. В октябре 1918 года Австро-Венгрия распалась. На ее развалинах

образовался ряд самостоятельных государств. Украинский буржуазный национализм оказался в новых обстоятельствах, которые вынудили его изменить как стратегию и тактику, так и организационную структуру.

Андрей Шептицкий также приспособился к новым условиям, но свою антиукраинскую, антисоветскую деятельность отнюдь не прекратил.

IV. В УГАРЕ СТРАСТЕЙ

Для человека, родившегося после описываемых событий, вполне естественно сравнивать их с его временем, находить между ними сходства и различия. Собственно, именно со сравнения и начинается процесс познания.

В большинстве случаев сравнение показывает количественные и качественные изменения в изучаемом объекте. Не является исключением и украинский буржуазный национализм. Сходят с арены старые организации, создаются новые, меняются главари, методы деятельности. И все же сравнение действий националистов накануне отстоящих между собой на четверть века первой и второй мировых войн, да в значительной степени и в период этих войн, показывает не столько перемены, сколько один и тот же почерк, присущий, как известно из криминалистики, каждому преступнику. Применительно к украинским националистам на характер их деятельности и почерк преступлений существенно влияет то обстоятельство, что в системе иностранных специальных служб им отведено определенное амплуа — вести шпионскую и подрывную

работу против преданной ими Родины, устраивать провокации, которые империалистические державы могли бы использовать для экономической, политической, военной агрессии или же для организации антикоммунистических «крестовых походов» в рамках психологической войны.

Вот только некоторые результаты сопоставления действий украинских буржуазных националистов в период подготовки империалистических держав к первой и второй мировым войнам.

Во-первых, перед первой мировой войной украинские националисты заметно активизировали идеологическую обработку и попытки милитаризации украинского населения, входившего в состав Австро-Венгерской империи. Особенно сильному нажиму подверглись молодежные, спортивные организации типа «Лугов», «Соколов» и полувоенной «Сичи», располагавшей к началу войны довольно широкой организационной сетью в местах украинского поселения.

Такая же картина повторилась в 30-е годы. То же пропагандирование культа меча и крови, создание в Закарпатской Украине «Карпатской сичи», которую националистические пропагандисты по сей день расписывают как пусть и неудавшийся, но прообраз «украинской национальной армии».

Во-вторых, «движение сечевых стрельцов», вскормленное на основе «Сичи», привело в 1914 году к созданию организации «Украинские сечевые стрельцы» (УСС), которой австрийское военное командование отводило роль разведывательных и диверсионных подразделений.

В 1940 году многие участники «Карпатской сичи» оказались в созданных германским абвером батальонах «Роланд», «Нахтигаль» и других террористически-диверсионных формированиях, а позже

в составе дивизии СС «Галициен» и «Украинской повстанческой армии».

Сами националисты не прочь представить свои действия, разделенные четвертью века, связанными неким подобием преемственности. Так, например, они всячески пытались представить дивизию СС «Галициен» последовательницей и преемницей традиций австро-венгерских «Украинских сечевых стрелцов». Нашлось немало ретивых борзописцев, которые договорились даже до такой бессмыслицы, будто бы аббревиатура СС в официальном названии дивизии «Галициен» происходит от «Сечевые стрельцы», а не от «Охранные отряды» — Schutzstaffeln, как это было в действительности.

В чем, по существу, есть несомненное сходство между УСС и дивизией СС «Галициен», так это в том, что основу их кадров составляли украинские националисты, что оба формирования использовались чужеземными империалистическими силами для борьбы против украинского и других свободлюбивых народов, не пожелавших стать на колени перед австро-венгерскими и германскими империалистами. Много общего оказалось и в диверсионных, карательных методах УСС и гиммлеровских СС, свирепо расправлявшихся с непокорным гражданским населением Украины и других стран, временно оккупированных войсками Австро-Венгрии, кайзеровской, а во время второй мировой войны гитлеровской Германии.

Уже упоминавшийся Иван Макух не мог не написать о создании УСС, происходившем во время, когда он занимался активной националистической деятельностью на территории Западной Украины. Он писал в своих мемуарах: «Делами «Украинских сечевых стрелцов» руководила Боевая управа... Боевая управа стремилась к тому, чтобы иметь как

можно больше молодежи в рядах УСС, но австрийское верховное военное командование и военное министерство не соглашались с этим и разрешили организовать лишь небольшой легион».

Сущность такого решения австрийских властей легко объяснима. Ведь подразделения УСС создавались ими не как боевые воинские подразделения, а как диверсионные формирования. Для этого массовость была ни к чему.

Первая песня «сечевых стрельцов», которую в 1914 году после перебазирования из Галиции в Закарпатье распевали «усусусы» (так зачастую называли себя «сечевики», по-своему произнося аббревиатуру УСС), была не лишена откровенного бравоирования их своеобразным статусом. В ней, в частности, были такие слова:

Маршируют добровольцы
Через Мезетеребеш,
То ли войско, то ли банда,
Ты никак не разберешь.

В 1940 году военное командование гитлеровской Германии также пошло по пути создания из числа украинских националистов не армейских частей, а формирований специального назначения, которые националисты по привычке называли легионами. Речь идет прежде всего о созданных диверсионным отделом германского абвера батальонах «Роланд» и «Нахтигаль».

Опыт создания УСС был во многом использован гитлеровцами, когда они в 1943 году приступили к формированию дивизии СС «Галициен». Повторялись не только методы вовлечения добровольцев, но были также созданы аналогичные занимавшиеся этим органы. Даже названия их были сходными. Выше говорилось, что вовлечением в подразделения

«Украинских сечевых стрельцов» занималась Боевая управа. В 1943 году для вовлечения добровольцев в дивизию СС «Галициен» распоряжением губернатора оккупационного дистрикта Галициен бригаденфюрера СС Отто Вехтера была создана Военная управа. Эсэсовцы охотно прибегали и к помощи бывших «усусусов». Последние подавали пример, вступая добровольцами в формируемую дивизию СС, разъезжали по городам и селам, разглагольствовали о преемственности «воинских традиций» со времен УСС, Украинской галицийской армии и других контрреволюционных армий.

Угрин-Безгришный

Одним из таких «усусусов», ставшим эсэсовцем, был Николай Угрин-Безгришный. В 1916 году он служил в УСС в неофицерском звании подхорунжего, но впоследствии, уже в послевоенное время, стал называться сотником УСС. Это довольно распространенная в националистической среде картина: неучи присваивают друг другу магистерские, докторские степени, а возжаждавшие власти и почестей фельдфебели вдруг становятся капитанами, полковниками и генералами несуществующих армий.

В дивизии СС «Галициен» Угрин-Безгришный сменил звезды сотника на кубики оберштурмфюрера СС, напоминающие фрагменты тюремной решетки. Что ж, это выразительно иллюстрирует преемственность прислужничества украинских националистов германским империалистам в составе «сечевых стрельцов», а затем и войск СС.

Угрин-Безгришный всячески старался не только держаться на уровне своих младших коллег-эсэсов-

цев, но стремился любым способом утвердить свое первенство в качестве оберштурмфюрера СС, правоверного приверженца униатской церкви и даже стихоплета. Он, в частности, написал слова к песне дивизии СС «Галициен», прославляя ее «силу», «бессмертие» и призывая эсэсовцев в бой против «коммуны, жидов, наследников гуннов».

Характерным является и сообщение, опубликованное в первом же номере газеты «До перемоги» («К победе»), начавшей издаваться в декабре 1943 года для дивизии СС «Галициен». В нем, наряду с информацией о рождественских поздравлениях делегации эсэсовцев губернатору дистрикта Галициен Отто Вехтеру, сообщалось также, что другая делегация в составе оберштурмбанфюрера СС Шрадера, оберштурмфюрера СС Николая Угрин-Безгришного и командира роты Михаила Бригидера 12 декабря 1943 года посетила митрополита Андрея Шептицкого, чтобы поздравить его с праздником св. Андрея. Это лишь один пример трогательного единства фюреров СС с униатским первоиерархом.

Донцов

Современники тех событий отмечают, что значительный вклад в идеологическую обработку националистической части молодежи Галиции и других украинских земель, входивших в состав Австро-Венгрии, внес проповедник украинского национализма и фашизма Дмитрий Донцов.

Дмитрий Донцов, этот, по выражению В. И. Ленина, «националистический мещанин», происходил из помещицкой семьи из бывшей Таврической губернии на Украине. Социалистическая революция

лишила помещика Донцова барских владений и привилегий и сделала его непримиримым врагом рабочих и крестьян. Это одно из немногих, в чем он остался последовательным на протяжении всего своего извилистого жизненного пути.

Сбросив в 1917 году буржуазно-помещичье иго, трудящиеся России, Украины и других вновь созданных Советских республик приступили к строительству собственного государства, потянулись к свету науки, и первыми словами, которые выводили тогда и стар и млад в ликбезах (так назывались созданные после революции кружки и курсы по ликвидации неграмотности среди населения), были «Мы не рабы, рабы не мы». А в это время Дмитрий Донцов злобно твердил: «Народ был рабом и будет рабом». Таким в действительности было отношение пропагандировавшегося Донцовым национализма к социально-политическому строю «самостийной державы», которую националисты хотели навязать на шею украинскому народу.

Возглавив в 1922 году журнал «Литературно-научный вестник», Донцов с первых же статей на его страницах начал убеждать читателей: «Это исторический факт, что ни одна нация не освободилась только своими силами...»

Пренебрежительное отношение к народу, неверие в его способности и возможность собственными силами освободиться от вековой неволи было характерным и для других политиканствующих националистов, в частности из среды УВО — «Украинской военной организации», с которой в то время связался Донцов. Националисты донцовского типа откровенно издевались над теми, кто придерживался противоположной точки зрения, называя их политику «ориентацией на полтора мужицкого кожуха», и цедили сквозь брез-

гливо скривленные уста: «Собственными силами можем только повеситься».

Такая «идеологическая подкладка» использовалась националистическими главарями для обоснования ориентации на чужие, враждебные украинскому народу силы и для вбивания в головы своим воспитанникам идей, что только присоединение Украины к Австрии, Германии или другим иноземным державам является реальным путем для достижения националистами своего конечного «державницкого» результата.

Если добавить к этому интенсивную пропаганду Донцовым культа грубой физической силы и беспощадности, еще более выразительной станет проводившаяся им линия на подготовку украинской эмигрантской молодежи на роль ландскнехтов чужеземных врагов украинского и других славянских народов.

Свою политическую карьеру Донцов начал на переломе XIX и XX столетий в новообразованной мелкобуржуазной националистической Революционной украинской партии, которая вскоре приняла название «Украинская социал-демократическая рабочая партия» — УСДРП. После начала первой мировой войны Донцов вместе с группой деятелей УСДРП стал одним из создателей «Союза освобождения Украины», отстаивал создание на Украине монархического государства под германским протекторатом.

В начале 20-х годов Донцов разработал концепцию заключения с Польшей генерала Сикорского договора ценой уступки украинских земель западнее рек Случь и Збруч. В книге «Основы нашей политики» Донцов пытался доказать, что Украина уступает в пользу Польши «мелкую вещь». Для него, видите ли, Западная Украина — пустяк. Он

готов был продаться сам и продать все, что попадет под руку.

Следующим покупателем на этой ярмарке изменников стала гитлеровская Германия, и Донцов с готовностью пошел на службу дорогому ему фашизму. Ведь не случайно он зарекомендовал себя верным его апологетом, и в этом не было малейших сомнений ни у кого, кто лично знал Донцова. Например, орган буржуазно-националистической Украинской социалистическо-радикальной партии газета «Громадский голос», посвятив Донцову фундаментальную статью, подала ее под выразительным заголовком «Идеолог фашизма».

Преданность фашизму превзошла у Донцова все другие чувства. Она проявилась в поклонении Гитлеру, «Майн кампф» которого Донцов перевел на украинский язык. Отпечаток этого параноического «отче наш» нацистов лежит и на донцовском трактате «Национализм», который на долгие годы стал источником идеологических обоснований националистически-фашистской деятельности. В редактировавшемся Донцовым перед второй мировой войной во Львове «Вестнике» постоянной темой было восхваление итальянских фашистов во главе с дуче Бенито Муссолини, немецкого нацизма, Адольфа Гитлера и других фашистских лидеров. Вместе с тем редактор с сугубо фашистской черной злобой нападал на активистов прогрессивных западноукраинских организаций, оправдывая псевдоним Д. Черный, которым он пользовался в то время.

Посвятив себя служению чужеземным силам, милостью которых он надеялся воцариться в «самостийном» протекторате Украина, Донцов всю свою жизнь слонялся на чужбине и скончался

в Канаде, брошенный самими националистами. Например, филладельфийский бандеровский двухмесячник «Клич нации» в статье, написанной после смерти Донцова, отмечал, что главарь «Организации украинских националистов» Ярослав Стецько отобрал пособие, выплачивавшееся Донцову из средств так называемого «Освободительного фронта», и обрек идеолога национализма на голодную смерть. Весьма показательный, типичный для перманентного перебежчика финал.

Однако это случится в 1973 году, а в течение многих предшествовавших десятилетий Дмитрий Донцов неустанно расставлял националистические ловушки на украинских эмигрантов и на их родившихся уже за границей детей.

У. ЛЬУУ

Рассказ Мирослава

Львовский период моей жизни изобиловал острыми ощущениями. Не скрою, иногда исподтишка подкрадывалась и захлестывала волна гордыни. Как же, сын доктора наук! Мелкое, низменное чувство? Согласен. К тому же осаживало не вырывавшуюся вовне волну гордыни осознание факта, что доктор права использовал свои познания отнюдь не для правого дела. Но с другой стороны... Нет, я не пытаюсь вышибить у вас слезу. Но, по-человечески, ведь можно понять это неопределенное чувство, может быть и неточно названное мною гордыней.

Мое детство, отрочество и взрослая жизнь были отмечены безотцовщиной, и отношение к это-

му вакууму формировалось не только заполнявшей его самоотверженной материнской заботой, но и эгоизмом или бесхитростной непосредственностью моих сверстников, бравировавших общественным положением или человеческими достоинствами своих отцов. Неудивительно, что меня также временами подмывало объявить во всеуслышание, что и я не голь безотцовская.

Осмотревшись во Львове, я в один из осенних воскресных дней поборол вдруг охватившую меня робость и решился воспользоваться оставленными отцом адресами. Логично было бы прежде всего пойти к его матери (даже про себя никак не получалось «бабушка»). Но как воспримет мой приход пожилая, может быть, больная женщина? Как переживет неожиданное явление внука? Следующим в списке был адрес сестры отца. Да и сюда не вдруг решился зайти. Долго присматривался, пытался представить, как ходил здесь отец, как встретят меня, если, конечно, еще живут здесь те, кого я ищу.

Не слушалась рука, чтобы нажать кнопку звонка, а дверь отворилась сразу же, и на меня уставилась широко открытыми глазами сухощавая женщина. Я молчал, не зная, с чего начать, и наблюдал за сменой удивления, испуга, тревоги, завладевшими лицом женщины.

— Кто ты, парень? — первой заговорила она.

Свое полуутвердительное, полувопросительное: «Вы — тетя Янка?», — услышал я как бы со стороны.

— Янка. Ты кто такой? Если бы не столько лет... Откуда ты меня знаешь? Заходи же в квартиру... Господи, вылитый Дорко. Да скажешь ли ты наконец что-нибудь?

— Я сын Вашего брата.

Лавина «кто — что — как — почему?», обрушившаяся на меня, оглушила и вызвала ответную волну невысказанных вопросов. Неужели я так похож на отца? Мать ничего об этом не говорила. Может быть, она помнила каждый день, каждый час моего взросления, и множество сменявшихся образов заслонило то, что бросилось в глаза тете Янке? Не случайно главное зачастую видится лишь издалека, в моем случае — с расстояния почти в два десятилетия.

Мой бесхитростный рассказ, пражская фотокарточка отца, а главное, как утверждала тетушка Яна, поразительное сходство с отцом не вызвали у нее ни малейших сомнений в том, кто я и почему оказался во Львове. И все же она настойчиво и неоднократно возвращалась к деталям моего рассказа. Однажды, уже значительно позже, я не выдержал и прямо спросил, зачем эти «полицейские проверки». Тетя Яна не обиделась, но очень серьезно разъяснила, что к ней и другим близким и дальним родственникам не раз и не два приходили разные люди, интересовавшиеся Дорко, и кто знает, подсылала ли их местная «безпека» (органы безопасности) или же бандеровцы — местные, а то и закордонные.

— Знаешь, Мирослав, — задумчиво проговорила тетя Яна, — скажу тебе как на духу. Вскоре после окончания войны жену и дочь Дорко выселили на Восток как ближайших родственников оуновского бандита. Не обошлось тогда без нареканий на Советскую власть, а теперь, как ни странно это может показаться, мы считаем, что выселение спасло им жизнь. Я уже говорила, разные люди приходили к нам, просили, требовали адрес Дорко, его жены. Мы все сговорились, как отвечать, и хватило нам выдержки не прогово-

риться. Другие наши знакомые, такие же, как и мы, «бандитские пособники», разоткровенничались, а вскоре получили известие, что их дети, внуки убиты или «пропали без вести». Так оуновцы расправлялись с семьями своих соратников, жизнь которых, видишь ли, угрожала организационной конспирации. К счастью, сейчас другие времена, «лесовиков» больше не слышно. Но мы сами ничего не знаем о судьбе Дорко. Его жена, нам кажется, что-то знает, но утверждает одно и то же: «Ничего не слышала, ничего не знаю». Мы и не обижаемся на нее, думаем, что все это ради дочери, ради того, чтобы уберечь ее, уж и не знаю от кого, то ли от «безпеки», то ли от тех резунов из леса, которые и до Львова добирались. Слышал, небось, о Ярославе Галане. Такого человека не уберегли, а что уж говорить о маленьких людях. Наверное, что-то знает и Зорька, твоя, выходит, сестра, но мать ее ни на минуту не оставляла одну, никому не давала заговорить с ней. Ребенком она была шустрая, непоседливая, болтала без умолку, но стоило матери прикрикнуть — замолчит, слова от нее не добьешься, только глазенками на мать постреливает. После возвращения из ссылки они практически порвали с нами родственные отношения — так, мол, будет лучше для Зорьки и всех нас. Зорьке даже фамилию дали не отцовскую, а девичью матери.

— Так и быть, — суммировала свои сомнения тетя Яна, — дам тебе адрес Зорьки, все-таки сестра, грех было бы не встретиться. К матери ее пока не ходи. Живет она вместе с родителями, а те, похоже, просто ненавидят Дорко. Вряд ли им понравится, что законный муж их дочери оказался еще и неверным в супружеской жизни. Из-за него семья достаточно натерпелась и без этого.

Вместо того, чтобы видеть на старости лет свою дочь пристроенной, «пани докторовой», родителям пришлось содержать и дочь, и внучку, пережить их выселение. Нет, сейчас не ходи к ним.

Когда я появился впервые у тетушки Яны, она собиралась навестить свою мать. К ней мы пошли вместе.

Нас встретила сухонькая, крепкая старушка, засуетилась, собирая угощение. Уже за столом тетя Яна наконец спросила:

— Мама, вам никого Мирослав не напоминает? Нет? Ну, похож он на кого-то?

— Ой, доню, мало ли похожих людей. Увидала я вас, и показалось мне, что это мои дети пришли с учебы. Ты, хоть и младшенькая, часто чуть ли не силой приводила Дорко, ему все бы гулять. Вот и нагулял на свою голову.

— А сильно Мирослав похож на Дорко?

— Ой, похож, доню. Да вы, Мирослав, не обращайтесь внимания. Пристала: «Похож, похож». Мало чего в жизни не бывает.

— Мама, Вы не волнуйтесь, но Мирек — сын Дорко, Ваш внук.

— Сын?! — всплеснула руками старушка.— Значит, Дорко жив? Жив?

Именно это я хотел бы знать, но здесь никто ничем мне помочь не мог. Когда раздалось материнское изболевшееся: «Жив?», — я начал опасаться дальнейшего всплеска эмоций. Но слишком много пережила старая женщина, слишком много ударов судьбы выпало на ее долю за семьдесят пять лет. И сейчас она стойко перенесла очередной провал так внезапно вспыхнувшей надежды. Это внешне, а внутреннее беспокойство осталось, оно требовало разрядки, и бабушка Мария заговорила, причем рассказала и такое, о чем

ни с кем раньше не делилась, о чем и тетя Яна слышала впервые.

Вот ее рассказ в той части, которая интересовала меня в первую очередь.

Дед Тодор

— С мужем моим, Тодором, жили мы в мире и согласии. Он не был шибко грамотным, окончил всего семь классов народной школы, но и это по тем временам, при Австро-Венгрии, считалось большой ученостью, да еще для сельского парня. Потянулась я к нему, стала завсегдатаем читальни «Просвиты», участвовала в дискуссиях, но чаще всего принимала сторону своего избранника.

Началась первая война, через месяц родился у нас сын. Дали ему отцовское имя, только, как меньшенького, называли по-иному — Дорко. Затем появилась ты, Янка... А отец все политикой занимался, служил в «Просвите», пропадал вечерами на собраниях, а потом перестал приходить и ночью, втянулся в какой-то колдовской кружок оккультистов. Пришлось серьезно поговорить с ним — дети голодные, раздетые, а у кормильца — ни специальности, ни приличной работы. После рождения нашей младшенькой он наконец поступил на железную дорогу и, хотя политику не бросил, стал хоть немного похожим на главу семейства. Новая работа понравилась ему самому, да так, что из-за нее он и семью разбил.

Было это в 1930 году. Дорко связался с какой-то организацией, говорили — националистической, но как оно было в действительности, не знаю, и как-то во время богослужения вместе со своими дружками разбросал по церкви листовки.

Кого поймали сразу, а Дорко убежал. Приходила полиция домой, но никто Дорко не выдал. Тогда взялись за отца, пригрозили увольнением с работы.

Ты, Янка, наверное, помнишь, какой был скандал. Отец настаивал, чтобы выдать Дорко, а я заявила, что в таком случае он мне не муж и пусть убирается на все четыре стороны. И что вы думаете? Нашел-таки, подлец, Дорко и собственноручно сдал в полицию. Карьеру свою он сберег, а я выставила его за порог и вам всем запретила встречаться с отцом-предателем. Ничего, выжили. Тогда Дорко осудили на полгода тюрьмы. Наказание, правда, он не отбывал, был еще несовершеннолетний. Так отец-националист продал своего сына.

Все-таки я так думаю, не был тогда Дорко националистом. Не стал бы иначе предавать его отец. Было ведь несколькими годами позже, ходил отец, кланялся в ноги прокурору Краевскому, выпрашивал помилование оуновцу Зенону Матле, которому грозил расстрел за убийство министра Перацкого. Вот уж, как говорится, ворон ворону ока не выклюет.

Матла со временем стал большой шишкой у бандеровцев. Он не забыл оказанной ему услуги и отблагодарил Тодора назначением на пост руководителя курорта в правительстве, которое объявили сразу же после оккупации Львова в 1941 году.

Дорко тоже появился тогда во Львове. Он и рассказал, как происходило назначение на министерские посты. Еще шутил, мол, напрасно выгнала я отца, была бы теперь министром. Он проведать и отца. Тот сам удивился. Никто ему ничего не говорил, на собрание, когда провозглашали правительство, его не приглашали. Так и был заочным

министром, пока немцы не прикрыли правительство. А зачем им посредники, какие-то «самостийники», когда вся Галиция была объявлена немецкой землей?

Это министерское кресло боком вышло старому дураку. Его в тюрьму не посадили, но в Сибирь выслали. Помогло и то, что он сам наговорил на Дорко, будто бы тот был гестаповским офицером. Валил на родного сына, а вышло — на себя же. Тогда было такое время, что выселяли даже родственников националистов, скрывавшихся в лесах, а тут — отец гестаповца. Допрашивали и меня, но я честно рассказала о себе, а о Дорко сама ничего не знала. Если он и занимался чем-то плохим, не я учила его, не я заставляла.

Григор Богданович

В секции тканей, где властвовала тетушка Яна, всегда царила сердечная обстановка. Тетушка безошибочно определяла, кому что нужно и что можно предложить, а то и сбыть из обильных запасов довольно-таки неходового товара. А какие консультации она раздавала, на какие невероятные вопросы отвечала! И как пустить в дело залежавшуюся мануфактуру, и когда появится дефицитный тик, куда подевался ситец. Неудивительно, что многие приходили не просто в магазин с незапоминающимся трехзначным номером, а шли к Янке как в своеобразный клуб, несли свои заботы, новости. Янке доставляло удовольствие встречаться с людьми, многих из них она знала издавна. А торговля шла сама собой. Знакомые предпочитали накинуть крюк или проехать трамваем, лишь бы купить именно у Янки, будучи уве-

ренными, что она ничего не припрячет, не обманет, даст дельный совет.

Работа в магазине помогала тете Яне первой узнавать новости, которые обычно передают из уст в уста и только добрым знакомым. Знала же она гораздо больше, чем можно было ожидать от простой продавщицы. С одним из ее знакомых мне пришлось познакомиться довольно близко. В давние времена он настойчиво ухаживал за ее школьной подругой — сестрой оуновского главаря Зенона Матлы. Теперь же не прочь был бы пристать к хозяйственной, да к тому же свободной, давно разведенной Янке.

Григор Богданович после войны стал кандидатом физико-математических наук, но никуда из своего, как он говорил, родного техникума уходить не собирался. Для этого были веские причины. Григор Богданович в прошлом был членом главного Провода¹ ОУН в Кракове, совершил немало преступлений против советских людей, отсидел в тюрьме. Поэтому-то он очень дорожил завоеванным в своем родном техникуме уважением сослуживцев и попросту опасался, что в случае перемены места работы встретят его в новом коллективе прежде всего не как специалиста, а по анкете — как бывшего преступника.

Григор Богданович любил посидеть за рюмкой. С этого и началось наше знакомство. Тетя Яна рассказала, кто я такой, чем интересуюсь, а Григор Богданович помалкивал, не реагировал даже на приглашение выпить за встречу, за знакомство.

— Выпить-то можно, — многозначительно заявил наконец Григор Богданович, — но не буду же я сам наливать, да и тебе, Янка, не к лицу

¹ Руководящий орган ОУН. — *Прим. авт.*

этим заниматься. Пусть уж Мирослав потрудится.

Уже с рюмкой в руке, поднятой для госта, Григор Богданович объяснил, что в том, кто кому наливает, он видит большой смысл.

— Встретились мы однажды в маленькой компании с Николаем Лебедем,— вспоминал Григор Богданович.— Он тогда был референтом оуновской службы безопасности — СБ, и, скажу вам, слава о нем шла нехорошая. Черт, словом. Это один из его псевдонимов в ОУН... Женщины у стола хлопчут, появилась бутылка. Черту выпить хочется, он возьми и скажи: «Наливайте, друг любезный». И такая в голосе язвительность. Ну, я и взбунтовался: чего ради я буду тебе прислуживать? Кто ты такой в этом доме, чтобы помыкать мною? Пусть, думаю, без водки останусь, чем моя рука первой протянется к бутылке. Конечно, виду я не подал, притворился, будто предложение относится не ко мне. А Лебедею деваться некуда: заговорил о бутылке, то и открывай ее. Так весь вечер шеф СБ и ухаживал за мной. Пить дело нехитрое, а вот не уронить свое достоинство — это сложная наука.

Довольный своим остаточным достоинством, Григор Богданович охотно принимал знаки внимания, оказываемые ему за столом. Я же ничуть не чувствовал себя ущемленным, хотя бы из-за более чем вдвое почтенного его возраста. Другое завладело моим вниманием. Григор Богданович знал отца, и не только по Львову, но и по местному пребыванию в националистической организации.

— В тридцатом году, когда Дорко имел неприятности с полицией,— рассказывал Григор Богданович,— пилсудчики проводили на западноукраинских землях жестокие пацификации, и это в свою очередь вызвало большие революционные выступления. Не знаю, с кем был тогда связан Дорко. Сам

он никогда об этом не говорил. Может, были на то серьезные причины. Знаю только, что с ОУН он тогда еще не был знаком. Я вступил в эту организацию раньше, еще в гимназии, а Дорко — только во время учебы в университете. Это было время, когда генерал Рыдз-Смиглы предпринял попытку установить военную диктатуру, чтобы еще более упрочить фашистский санационный режим в Польше. Шел 1936 год. Фашизм протягивал щупальца все дальше от нацистской канцелярии. Это чувствовалось и по обстановке в ОУН. Евгений Коновалец требовал расширения членства ОУН, укрепления организационной сети в европейских и заокеанских странах. Эта волна захватила и Дорко. Вот тогда и втянули его в ОУН.

То ли жизненный опыт, многолетняя работа со студентами, то ли знание разлагающего воздействия националистического угара, а скорее всего, все это вместе помогло Григору Богдановичу разобраться в моих чувствах и невысказанных сомнениях. Как-то он по-отечески посоветовал мне:

— Брось, Мирек, копаться в прошлом. Вижу, тебе хочется ко всему прочему считать себя сыном доктора наук, да еще и внуком министра. Не возражай! Будь честным хотя бы с самим собой. Повидал я таких на своем веку. Сначала, мол, «интересно», а затем мертвечина постепенно разъест душу и, даже если захочешь, не сможешь выкарабкаться, возвратиться к людям.

Григор Богданович, действительно, не зря жизнь прожил — вывернул наружу мои потаенные эгоистические порывы, в которых я сам не решался признаться.

— Не приведет к добру твое копанье в родословной,— продолжал Григор Богданович.— В «самостийном правительстве» были и местные, такие,

как твой дед Тодор, но основных «правителей» привезли с собой гитлеровцы. С ними приехал и твой отец — полицейский шеф. Ни я, ни никто другой их не выбирал. Пришли немцы и поставили у власти, кого им нужно было.

Прислушаться бы к совету Григора Богдановича. Я же не смог отказаться от отца еще до того, как разыщу его, не нашел в себе сил отбросить ласкавшие слух «доктор», «министр». Но и слова Григора Богдановича запали в душу, и впредь при знакомстве с материалами о национализме я не спешил с выводами, стремился к установлению истины. Факты, только факты интересовали меня. Другое дело — их восприятие, толкование. До сего времени они оставались и останутся сугубо индивидуальными, субъективными. Даже рассказывая вам свою одиссею, я не стремлюсь навязывать единственную точку зрения. А может, так и лучше? Один честно расскажет о себе, а другой задумается над собственной жизнью.

* * *

По деятельности ОУН наблюдательный исследователь мог бы практически безошибочно определить направление экспансионистских устремлений нацистской Германии и даже порядок планировавшихся ею захватнических операций. Нужно было только четко уяснить, что под покровом демагогических лозунгов об опоре на «собственные силы» фактически скрывается тщательно маскируемая исполнительская деятельность ОУН и других подобных ей группировок, а спланирована и направляется она из тех же нацистских центров, которые разрабатывают и всю остальную внешнеполитическую деятельность нацистской державы.

Теперь уже, по прошествии многих лет после окончания второй мировой войны, отчетливо осознаешь, к чему вели, чему предшествовали осуществлявшиеся украинскими националистами кампании по разведке и насаждению своей сети сперва на территории Чехословакии, затем Польши, затем концентрация усилий на работе против Советской Украины. Эти всплески активности националистических исполнителей воли нацистских спецслужб не могли, естественно, пройти не замеченными в Чехословакии, Польше, Советском Союзе. Но была ли дана надлежащая оценка первопричин активизации деятельности оуновцев, петлюровцев, гетманцев и прочих националистов? Судя по всему, не полностью и не везде. Наверное, сработала брезгливость, пренебрежительное отношение к «мелочам». Не хватало, мол, еще, чтобы всерьез относиться к националистической возне, голова идет кругом от более важных дел. А призадуматься бы. Ведь самая слабая головная боль может оказаться предостережением, сигналом тревоги о грядущем несчастье.

VI. ПРЕДАЮТ, ПРОДАЮТСЯ

Кто обратит внимание на двух мужчин, которые зашли вечером на бутылку вина в братиславский погребок «У Франтишканов»?

Никто. Или почти никто. Даже если бы видели, как они наклоняются друг к другу через стол из хорошо оструганного дерева, тихо переговариваются, едва открывая уста. Можно было подумать, что это торговцы, договаривающиеся о какой-то сделке. Или старые собутыльники, рассказывающие друг

другу о своих пьяных похождениях. Короче говоря, эти двое, потягивающие потихоньку красное вино, заедая его твердым овечьим сыром и салом с красным перцем, не вызвали никаких подозрений.

И тем не менее один из них был служившим во 2-м (разведывательном) отделении генерального штаба чехословацкой армии майором Дите, а его собеседник, больше говоривший, чем слушавший,— ценнейшим агентом, проникшим в обозначенный тем же порядковым номером отдел генерального штаба польской армии. Был это невзрачный человек в сатиновых нарукавниках и с мизерной зарплатой.

Через руки этого канцеляриста проходят важные документы польской разведки. Он должен их рассортировать и обработать, решить, кому конкретно направить, каллиграфическим почерком сделать выписки для верховного армейского командования. Материалы по завершённым операциям аккуратно подшить и сдать в архив. Ни у кого из оперативных работников нет такого широкого и наглядного представления о всех делах польской разведки, как у этого незаметного канцелярского чиновника.

В этот день, 16 апреля 1935 года, агент сообщил, что генерал Змиенко из петлюровской контрразведки передал польской «двуйке» двести своих бывших агентов и они уже работают на польский генеральный штаб в Чехословакии, Румынии и во Франции.

Майор Дите насторожился. Ему понятна взаимосвязь: Польша идет на сближение с нацистской Германией. То, что известно польской секретной службе о ЧСР, Румынии, Франции, станет полнотью или в важнейших чертах достоянием и секретных служб Гитлера.

Необходимо выйти на этих агентов. Как можно быстрее.

Собеседники расходятся.

Один возвращается в Варшаву. И по его документам никто и никогда не узнает, что он побывал в ЧСР. Другой отправляется в Прагу, чтобы посоветоваться с руководством 2-го отдела генерального штаба, в частности с его начальником полковником Гаеком и шефом так называемой сыскной секции, то есть начальником контрразведки, полковником Франтишеком Моравцем.

Между тем в Прагу стекаются другие подробности. Отделение „N“ министерства внутренних дел установило, что на польские секретные службы работает также Андрей Ливицкий, именующий себя президентом Украинской народной республики. С паспортами на имена Андрэ Корнелиуса и Андрея Полтавского он приезжал в Чехословакию. Побывал в Праге, Ужгороде, Братиславе и Ржичанах, где есть украинская реальная гимназия. Время от времени в ней проходят встречи националистической верхушки, замаскированные под конференции историков, социологов или экономистов.

Польское военное министерство выплачивает ежемесячное содержание Ливицкому, генералам Змиенко, Сальскому и семидесяти пяти другим украинским офицерам. Когда майор Дите узнает об этом от своего агента, за которым ему на сей раз пришлось отправиться в далекий Каунас в Литве, все станет на свои места. Так называемые украинские «полонофилы» располагают достаточно сильным аппаратом, способным обслужить агентурную сеть в двести человек. Списки, клички, конспиративные явки уже известны 2-му пражскому отделу.

Но разведка видит еще глубже.

Так называемая «контора Ливицкого», как ее именуют в документах польского генерального штаба, стоит немалых денег. Зарплата Андрея Ливиц-

кого составляет 2 000 злотых в месяц. Генерал Владимир Сальский обходится польским налогоплательщикам ежемесячно в 1200 злотых. Генералы Змиенко, Куц, Безручко, профессор Лотоцкий и другие получают по 800 злотых. Из фондов министерства иностранных дел центр Ливицкого в Варшаве получает ежемесячно 20 000 злотых, а так называемое Украинское агентство печати и пропаганды и дипломатическая миссия в Варшаве — 80 000 злотых.

Не может не обратить на себя внимание и тот факт, что второстепенный филиал в Париже получает в четыре раза больше средств, чем центр в Варшаве. Деньги предназначены для финансирования шпионской и подрывной деятельности.

Во главе парижского филиала стоит некто Прокопович, внешними связями занимается Александр Шульгин, о прессе и рекламе заботится Косенков, которого агенты пражской политической полиции выследили во время встречи с представителями абвера и гестапо.

Чем же здесь торговали?

Поляки располагали финансовыми средствами, Ливицкий должен был обеспечивать разведывательные данные — и дело в шляпе. Согласно сообщениям чехословацких разведчиков, «контора Ливицкого» вела шпионскую работу не только среди украинцев, осевших в Польше, но и в среде украинской эмиграции за рубежом. А это — еще одно объяснение тому факту, почему польское правительство так щедро финансировало парижский филиал.

Кроме добычи разведанных, «контора Ливицкого» занималась и подрывной работой. «При этом основное внимание уделяется распространению среди украинцев антирусских настроений, формирова-

нию враждебного отношения к СССР и его стремлению закрепить свое положение в мире различными международными договорами.

Главным сторонником и создателем всей этой польской политики в отношении украинцев типа Ливицкого является сам маршал Пилсудский со своим военным штабом», — говорится в сообщении для президиума министерства внутренних дел от 9 апреля 1935 года.

Типичный кадровый дипломат эры Эдуарда Бенеша, посол ЧСР в Варшаве д-р В. Гирса в своих докладах также склонялся к необходимости поддержки «конторы Ливицкого». Он писал в своих докладах в Прагу: «Из всех существующих за рубежом украинских организаций считаю допустимыми и благонамеренными по отношению к чехословацкому государству только организации социалистические и УНР». Более того, Ливицкому и УНР, по мнению В. Гирсы, необходимо было предоставить политическую свободу в Чехословакии уже хотя бы потому, что «... это эмигрантская организация, которая в период большевистской революции в России весьма сильно помогла нашим русским легионам (имеются в виду чехословацкие легионы, воевавшие на стороне белогвардейцев и интервентов против Советской власти.— *Прим. авт.*). Петлюра предоставил нашим легионерам оружие, снабжение и другую помощь в Киеве, а с министром иностранных дел правительства Петлюры в Киеве Шульгиным был в хороших отношениях также президент Масарик».

VII. ПЕРСТ УКАЗУЮЩИЙ

5 ноября 1937 года в своей имперской канцелярии Адольф Гитлер разглагольствовал накануне празднования в Советском Союзе 20-летия Великой Октябрьской социалистической революции о том, как лучше подобраться к восточному колосу. Тогда он заявил, что Германии нужно «жизненное пространство» в Центральной Европе, а для этого необходимо оккупировать Австрию и Чехословакию. Пару недель спустя он рекомендовал правителям фашистской хортистской Венгрии сосредоточить политические усилия против Чехословакии, при этом в качестве приманки поддержал их посягательства на территорию Закарпатья. В марте следующего года дивизии вермахта оккупировали Австрию, а еще через год пришел черед Чехословакии, Закарпатья.

Националистическая агентура переключилась на следующий объект. Бывший начальник I-го (разведывательного) отдела абвера Ганс Пиккенброк заявил на заседании Международного военного трибунала в Нюрнберге, что уже с августа—сентября 1940 года отдел иностранных армий генштаба стал давать абверу все большее количество заданий по СССР. Эти задания, по словам Пиккенброка, были связаны с подготовкой войны против России.

Усиление подрывной деятельности фашистской германской разведки против СССР особенно было заметно на западной советской границе. Количество забрасываемых на советскую территорию шпионов и диверсантов возросло с десятков до сотен, а затем и тысяч человек. Только в 1940 году на западной границе советские пограничники задержали почти пять тысяч агентов абвера, большинство которых составляли участники заграничных украин-

ских националистических организаций. Это почти в четыре раза превысило количество заброшенных в предыдущем, 1939 году немецко-фашистских лазутчиков. И эта эскалация продолжалась, в особенности после утверждения Гитлером плана непосредственной агрессии против СССР под кодовым наименованием «Барбаросса». Уже в первом квартале 1941 года на западной границе СССР было захвачено в 15—20 раз больше фашистских агентов, а во втором квартале в 30 раз больше, чем за соответствующие периоды 1940 года. Более конкретные формы приобрела вся деятельность зарубежных националистических организаций, возглавлявшихся различными атаманами и вождями, запрограммированными в конечном итоге на шпионско-диверсионное обеспечение основного плана агрессии — плана «Барбаросса».

В 1939—1940 годах под руководством нацистской службы безопасности (СД) в ряде городов Германии и оккупированных фашистскими войсками стран была осуществлена подготовка специально отобранных руководством ОУН националистов, которых предполагалось забросить на территорию Советской Украины под видом «повстанцев», а по существу, в качестве руководителей шпионско-диверсионных групп. Подготовкой националистов вплотную занялся абвер, главным образом его 2-й диверсионный отдел. Так, из числа националистов были сформированы диверсионно-карательные подразделения — батальоны «Нахтигаль», «Роланд» и ряд других полувоенных организаций. К началу нападения гитлеровской Германии на СССР было подготовлено несколько так называемых походных групп ОУН. Их назначение маскировалось витиеватыми декларациями об «освободительной миссии», но когда в июне—июле 1941 года они дви-

нулись вслед за войсками гитлеровских захватчиков в глубь Украины, участники групп постепенно оседали в комендатурах полиции и других вспомогательных местных органах правления, предусмотренных системой насаждаемого немецко-фашистскими захватчиками «нового порядка».

Формирование специальных диверсионных подразделений из числа украинских националистов было лишь одним звеном в общей подготовке нацистских предводителей Германии к нашествию на Советскую страну. Такие же подразделения готовились для действий во многих других районах Советского Союза. Комплектовались они из выходцев из этих районов, заслуживших доверие абвера, или из немцев, владеющих языком региона, на территории которого предполагалось их использовать.

Об этом открыто говорилось задолго до того, как гитлеровская Германия развязала войну против Советского Союза. Вот одно из характерных сообщений такого рода:

«Оверсиз ньюс эйдженси
Нью-Йорк
20.1.1941

Нацисты открыто рекрутируют
«Белогвардейский освободительный
легион» для борьбы против Советов.

Лондон, 19 января (ОНЭ). Как сообщили здесь сегодня в чешских кругах, во всей Центральной Европе и во Франции нацисты начали открыто рекрутировать русских эмигрантов в «Белогвардейский освободительный легион», несмотря на официальные заверения Германии в дружественных отношениях к Советскому правительству.

Командующим нового легиона является чешский генерал Сергей Войцеховский, бывший офицер царской российской армии, который после револю-

ции выбрался в Сибирь из России, чтобы присоединиться к чешскому легиону.

Как сообщается, штаб белогвардейских войск находится в окрестностях Праги и по крайней мере 5000 человек проходят обучение. Сообщается также, что недавно организованное рейхсминистром пропаганды Иосифом Геббельсом Украинское бюро в Праге ведет себя чрезвычайно активно и засылает вербовщиков в украинские районы Польши».

Рассказ Мирослава

Сообщение о подчинении пражского Украинского бюро геббельсовскому ведомству пропаганды, признаться, вызвало у меня далеко не приятные ассоциации. Вспомнился рассказ Григора Богдановича о его встречах с моим отцом, когда тот в 1939 году прибыл из Львова в Краков. Тогда он попал в распоряжение референтуры пропаганды центрального Провода ОУН и уже к концу года по заданию члена Провода полковника Романа Сушко уехал в Прагу и там до марта 1941 года работал в референтуре пропаганды краевого Провода ОУН. Он, в частности, занимался отправкой из Праги пропагандистской националистической литературы в другие страны, в том числе и в Польшу. Непосредственным изготовлением литературы занимался тогда Степан Россоха, редактор националистического журнала «Пробоем», бывший референт военизированной фашистской «Карпатской сичи».

Случайного совпадения здесь не могло быть. Действия Провода ОУН, и особенно его референтуры пропаганды, в конечном итоге направлялись из одного и того же пропагандистского центра, из ведомства рейхсминистра Иосифа Геббельса.

Подсознательно поднималась, захлестывала волна презрения и ненависти, вытесняла едва пробудившиеся родственные чувства. Если бы в такую минуту предстал передо мной во плоти собственный отец, я готов был выплеснуть ему в лицо все накопившиеся оскорбления, включая и слово «гестаповец», которое перекочевало из лексикона деда Тодора.

Спадала волна гнева, и становилось стыдно за крайности в оценке поведения отца. Нет, во что бы то ни стало нужно разыскать его, выслушать, а затем уже — судить. Иначе я уподобляюсь деду Тодору, заочно навешивая ярлыки на близкого человека, лишая его права последнего слова, которое предоставляется даже отъявленным злодеям. Дед Тодор по-своему боролся за свое место в жизни и был за это изгнан из семьи, не принят и в новом, послевоенном обществе — нормальные люди не приемлют наговор, подлость, предательство.

Чего же я добиваюсь? Зачем затеял настоящее расследование, результаты которого, это уж точно, могут отрицательно сказаться на учебе, карьере и на всей дальнейшей жизни? Не для того же, чтобы при встрече с отцом наговорить ему оскорбительных слов и гордо удалиться. Чем больше я размышлял над своими поступками, тем яснее становилось главное: все мы должны четко осмыслить прошлое, знать свои корни, чтобы не оказаться человеком без роду и племени, не стать перекаати-полем, оторвавшимся от земли-кормилицы и вынужденным скитаться по воле шального ветра. Знать не ради простого интереса, а чтобы осознать, оценить богатство и разнообразие исторического опыта, отсесть неприемлемое, взрастить новое, необходимое себе, людям.

Фашистские союзы

Под влиянием первых фашистских организаций, возникших в Италии и Германии, начали создаваться группы их последователей также и в среде антисоветски настроенных выходцев с территории бывшей царской России. Например, был создан «Союз украинских фашистов», само название которого красноречиво свидетельствует о политической направленности его деятельности.

Профашистский характер имел созданный еще в 1924 году белогвардейский «Российский общевойсковой союз», всерьез готовившийся «скрестить оружие с советской армией». Однако наиболее сильной и разветвленной фашистской организацией русских эмигрантов стала образованная несколькими годами позже так называемая «Всероссийская фашистская партия» с центром в Харбине, где находился верховный совет ВФП, его исполнительный орган — секретариат, контрольная комиссия, ревизионная комиссия и так далее.

Первая программа русских фашистов была изложена в 1926 году в «Тезисах русского фашистского движения». В следующем году Владимир Родзаевский, будущий глава ВФП, разработал и издал программное «Общее положение русского фашистского движения». Он же, уже в качестве главы ВФП, явился одним из ведущих соавторов проекта программы, представленного на утверждение I съезда российских фашистов, состоявшегося в 1931 году.

С момента возникновения «Всероссийской фашистской партии» основным полем приложения ее подрывных действий явился Советский Союз, а также страны Центральной и Восточной Европы, которым была уготована судьба стать со временем

жертвами гитлеровской интервенции.

В 1937 году ВФП была переименована в «Российский фашистский союз». Насчитывавший около пятидесяти тысяч человек, «союз» располагал разветвленной сетью отделов, ячеек и уполномоченных в большинстве европейских стран, занимавшихся, помимо всего прочего, активным вовлечением новых членов и попытками объединить все российские антисоветские организации вокруг «Российского фашистского союза». В декабре 1937 года в Берлин из Швейцарии перебазировался также Борис Тедли, резидент главы «союза» в Европе и Африке. 15 марта 1938 года он направил Гитлеру приветственную телеграмму по поводу присоединения Австрии к Германии, в которую включил также обращение к фашиствующим эмигрантам: «Призываю всех русских людей: сомкнитесь вокруг нас. Отойдите от «национальных» очагов и клубов. Только в национал-социализме спасение, только фашизм выведет нашу родину из коминтерновского тупика».

Весьма примечателен следующий факт: после осуществления аншлюса Австрии нацистские главарь сочли миссию «Российского фашистского союза» на территории Австрии и самой Германии выполненной и в апреле 1938 года своим распоряжением упразднили отделы РФС в этих странах, порекомендовав российским фашистам продолжить свою работу в других «национальных и социальных» организациях. Само собою разумеется, что основным направлением их деятельности по-прежнему оставалась шпионская и провокаторская работа, проводившаяся всем «Российским фашистским союзом» в целом и каждым его членом в частности.

Характер этой деятельности в определенной сте-

пени раскрывается в приказе № 8 «резидента главы РФС в Европе».

«Секретно

Российский фашистский союз

Приказ № 8

§ 1. При всех отделах, подведомственных мне, учредить секретную информационную секцию, поручив ее наиболее способному и максимально преданному партии соратнику.

§ 2. Информационной секции надлежит следить и доносить в резидентуру о жизни местных политических, общественных и вообще всех организаций, о работе агентов Англии и Франции (сильно развившейся ныне) по привлечению симпатий эмиграции к старым «союзникам», о всех явных и предполагаемых агентах СССР и военных разведок других стран, обо всем, что так или иначе может сослужить службу РФС в его борьбе за наши цели.

§ 3. Начальникам отделов разрешаю допустить начальников информационных секций к шифрам.

По прочтении уничтожить.

Резидент главы РФС в Европе — Б. Тедли.»

Надежной опорой ВФП-РФС на территории Польши был Сергей Львович Войцеховский, организовавший в 1935 году в Варшаве профашистский «Русский комитет» и являвшийся бессменным председателем его так называемого Центрального комитета. Одной из главных тактических целей «Русского комитета» было объединение русских эмигрантов, проживавших в Польше.

После оккупации территории Польши немецко-фашистскими захватчиками и создания ими так называемого генерал-губернаторства, ЦК «Русского комитета» организовал в воеводских городах свои

делегатуры, в уездных городах назначил уполномоченных и вместе с ними пытался воздействовать на лиц русской национальности, максимально использовать их для оказания помощи германским оккупационным властям. С этой целью регулярно издавались и рассылались циркуляры и бюллетени, редактором которых был сам Войцеховский. Возглавлявшийся им «Русский комитет» проводил также активнейшую работу по вовлечению лиц русской национальности в воинские части для совместной с фашистскими войсками борьбы против Красной Армии и советских партизан. Впоследствии многие из этих частей вошли в состав «Русской освободительной армии» (РОА), воевавшей против СССР на стороне фашистов.

В одном из циркуляров ЦК «Русского комитета» было опубликовано весьма характерное выступление Сергея Войцеховского, сделанное им в декабре 1942 года на собрании русских эмигрантов генерал-губернаторства. Войцеховский говорил тогда о переполнявшей его радости при виде того, как русские националисты рука об руку с гитлеровскими войсками сражаются на Востоке и Западе. Он рапортовал присутствовавшим на собрании генерал-губернатору Гансу Франку и представителям командования германской армии:

«Нами создана первая бригада русского освобождения под непосредственным руководством немецкого командования. Бригада уже отправлена на фронт. Формируется вторая бригада, которая в скором времени вступит в борьбу».

Войцеховский еще не раз повторял в этом выступлении, как и во многих других случаях: «Я рад заявить губернатору Франку и германскому командованию...», «Мы будем просить фюрера Гитлера...» Обращаясь к участникам собрания, он па-

тетически провозглашал: «Я призываю весь русский народ объединиться...»

Судьба этих фашиствующих «освободителей» и «спасителей» хорошо известна. От «освободительных легионов», «бригад» и самой РОА осталось только позорное пятно. Бывший председатель «Русского комитета», впоследствии переименованного в «Комитет освобождения народов России», и командующий РОА Андрей Власов, как и один из главных нацистских преступников Ганс Франк, окончил жизнь на виселице. Их подручный Сергей Войцеховский в июле 1944 года, когда началось освобождение Польши от немецко-фашистских захватчиков, отправил свою семью в Равенсбург, а сам перебрался в Берлин. Для Войцеховского это было концом.

VIII. MADE IN...

В процессе работы с документами и публикациями поражает, что даже солидные исследователи, ученые с академическими званиями и докторскими степенями допускают самые различные, иногда взаимоисключающие суждения об украинском буржуазном национализме.

Для одних это только лишь идеология, причем идеология ничтожной части бежавших за границу последышей украинской буржуазии. Прочтешь такое и поневоле ощутишь эйфорическую атмосферу стремления одним росчерком пера отмежеваться от жизни, а реально существующий национализм, пусть даже только лишь в его заграничном варианте, заключить в рамки исключительно идеологической борьбы, перенести из жизни на стол академического исследователя.

Из-под пера других публицистов украинский национализм выплывает вездесущим, могущественным и беспощадным, от которого, мол, не было спасения не только за границей, но и на территории Советского Союза, так как приговор националистического подполья — «настигал в любом месте, рано или поздно». Такие публицисты запросто жонглируют термином «оуновское движение», описывают националистические подпольные «арсеналы, подземные гарнизоны», оставленные на советской территории после бегства немецко-фашистских оккупантов. Зато с другой стороны зачастую изображались «фактически брошенные на произвол судьбы, запутанные ложью и страхом западные украинцы», из которых, мол, «как-то никто и не заметил», приходила ли в 1939 году на Западную Украину Советская власть.

К счастью, социально-политические идеалы западноукраинских мужчин и женщин были значительно возвышеннее приписывавшихся им высших радостей «притоптывать чоботами с подковками и мочить ус в пенной браге» — для мужчин, да «лепить вареники, вышивать крестиком и ухаживать за скотиной» — для женщин. Именно эти изображавшиеся в таком нелестном свете «западные украинцы» проявили сплоченность, высокую организованность и стали решающей силой, положившей конец разбойному разгулу обитателей фашистско-националистических «подземных гарнизонов».

Как можно видеть в «Организации украинских националистов» целое движение, наделять ОУН и украинский национализм вообще «ультрасамостийническими» качествами? Как можно не заметить в украинском буржуазном национализме ничего, кроме идеологии? Пожалуй, больше всего в этом

повинно некритическое отношение к собственным выкладкам, стремление рассмотреть какой-либо один аспект национализма вне обязательной взаимосвязи с другими. Может быть, наконец, и простое добросовестное заблуждение.

В то же время сами националисты то ли в пылу спора, то ли преследуя другие сиюминутные цели, не раз отбрасывали завесу демагогии и делали откровенные, циничные заявления о сути и характере украинского национализма и националистического движения.

Один из ведущих националистических журналов, издававшихся в 20—30-е годы в Праге, «Розбудова нации» («Развитие нации»), убеждал читателей, что для достижения «высшей цели» все средства хороши, и писал: «Украинский национализм не считается ни с какими общечеловеческими принципами солидарности, справедливости, милосердия, гуманности».

С «Розбудовой нации» перекликалась клерикально-националистическая газета «Мета» («Цель»), издававшаяся во Львове под руководством униатского митрополита Андрея Шептицкого. 17 апреля 1932 года в «Мете» была напечатана следующая сентенция, которая вполне обоснованно может быть признана за кредо фашиствующих украинских националистов того времени: «Украинский национализм должен быть готовым ко всем средствам борьбы с коммунизмом, не исключая массовой физической экстерминации, хотя бы даже при этом должны были пасть миллионы человеческих экзистенций».

Еще одна характеристика принадлежит перу известного националистического хамелеона д-ра Матвея Стахова. Это бывший офицер контрреволюционной Украинской галицийской армии, юрист, редак-

тор, бывший радикал, социалист, в период второй мировой войны нацистский коллаборационист, после войны проживал в США. Он откровенно написал в 1934 году: «Буржуазно-националистическое движение — это всегда была если не явная, то скрытая реакция, пренебрежение к народу. Новейшая форма буржуазного национализма — послевоенный фашистский национализм — это еще худшая реакция, пренебрежение к массе и стремление к диктатуре над народом. В действительности такой национализм выходит на пользу иностранной буржуазии. Все узкие националисты и клерикалы — это, сознательные или несознательные, жандармы чужой собственности. Эти буржуазные националисты без конца меняли названия своих партий, чтобы легче подобраться к народу, но всегда оставались такими же»¹.

Чем бы ни было продиктовано признание Матвея Стахива, нельзя не обратить внимание на его определение антинародной сущности буржуазного национализма, и в особенности его крайне реакционной разновидности — по выражению Стахова, фашистского национализма, сформировавшегося в период после первой мировой войны. Все названные Стаховым отрицательные черты буржуазного национализма полностью относятся и к украинскому национализму. Как видно из приведенной выше цитаты, это весьма существенные черты: реакционность, антинародность, стремление занять ведущие посты, демагогическое манипулирование лозунгами и, главное, деятельность на пользу иностранной буржуазии, неизменная сущность жандармов чужой собственности. Этим перечислением далеко

¹ Стахив М. Проти хвиль. (Против волн).— Львов, 1934, с. 135.

не исчерпывается характеристика украинского буржуазного национализма, многоликого явления, включающего в себя различные течения — от монархистов-гетманцев до авторитарников из ОУН.

IX. ВЫХОДКА ИСТЕРИЧНОЙ ДАМЫ?

В ночь с 12 на 13 августа 1923 года часовой, как всегда, обходит казематы крепости в чехословацком городе Йозефове. Он светит себе фонарем, потому что в подземелье полно всевозможного хлама. Вдруг луч света замирает на одном месте. Часовой цепенеет. Потом делает несколько шагов вперед. Фонарь освещает скрюченную фигуру мужчины, который судорожно сжал руками живот и смотрит невидящими глазами на луч фонаря.

Как позже расскажет часовой командиру крепости капитану чехословацкой армии Ярославу Жаку, старшему жандармскому стражмистру Ржегаку и начальнику сыскной группы Алоизу Кудлаку, первое, на что он обратил внимание, — это большая лужа крови, увеличивавшаяся в направлении, которым часовой намеревался следовать дальше. Тут он поворачивает и бежит за командиром.

Первый свидетель в этой большой афере, Степан Нестеренко, — ровесник века, ему двадцать три года. Был стрелком в Украинской галицийской армии, в бригаде, которой командовал генерал Антон Кравс.

Когда битые части УГА добрались до Чехословакии, они были интернированы в Либерец и Йозефов.

Интернированные ждали.

Ждали, когда им сообщат о возможности полу-

чить работу. Когда кому-нибудь улыбнется счастье в образе полицейского комиссара, и он получит или вид на жительство, или — даже! — чехословацкое гражданство. Некоторые надеялись поступить в высшее учебное заведение и получить стипендию.

Они ходили на лесные работы. Строили полигоны для чехословацкой армии. Делали все, что скажут. Так жил и Степан Нестеренко до той ночи на 13 августа 1923 года.

Сейчас он сидит и дает показания. Ни мертвого, ни каких-либо предметов рядом не касался. Может быть, в темноте оперся о стену или какой-нибудь хлам, набросанный там. Этого точно сказать не может. Сразу же, как только обнаружил тело, побежал докладывать.

И здесь возникло первое осложнение. Никто из чехословацких офицеров не знал украинского языка. Нестеренко добавлял в свой украинский некоторые чешские слова, которые успел узнать, кое-какие русские выражения. Так что разговор шел на «славянском» языке, который, конечно, позволял составить общее представление о происшествии, но мог исказить существенные детали.

Судебно-медицинский эксперт заявил, что «жертве было нанесено одиннадцать ранений острым предметом, скорее всего ножом, имеющим форму кинжала, каждое из которых было смертельным».

Начальник сыскной группы записывает: «На месте, где был найден труп, не было обнаружено никаких следов, кроме следов Нестеренко Степана, который в рамках исполнения своих обязанностей прибыл туда первым и первый сообщил о случившемся местному военному командованию. Можно предположить, что убийство было совершено

в другом месте, а в каземат труп был перенесен. Что касается личности убитого, то, по утверждению свидетеля Нестеренко Степана, речь идет о некоем Юлиане Васильевиче.

И вот тут незнание украинского языка сыграет со следователями злую шутку. Появилась первая ошибка, которая позже еще более усугубится,— в документах следствия жертва будет проходить под именем Юлиан Васильевич. Никто никогда уже не узнает, идет ли речь об отчестве жертвы или о фамилии, которая могла звучать как Василевич или Базилевич.

Итак, есть жертва, опознание которой проведено с ошибкой, но неизвестны ни мотив убийства, ни место совершения преступления. А это странно, более чем странно. Ведь Йозефов в то время был маленьким гарнизонным городишком, где каждый знает каждого, где соседям известно, что ты варишь к обеду и сколько у тебя денег в кармане. Где всем уже до смерти надоели местные сплетни.

Как в такой обстановке, в городке, где действительно всем все видно и слышно, может быть не замечено убийство?

Как вообще возможно откуда-то перенести труп в каземат и не столкнуться с патрулем, который капитан Жак каждую ночь направляет в город?

Нет ли здесь изначальной ошибки?

В медицинском заключении ничего не говорится о следах борьбы. Сведений о них нет и в протоколе осмотра места происшествия, но в обоих документах говорится о кровавой луже. И, кажется, здесь зарыта собака. Поручик Кудлак, видимо, не продумал все до конца. Потому что если бы Юлиан Васильевич был убит где-то в другом месте, около трупа не могло быть «лужи крови в форме почти круглой капли радиусом 20 см, возникшей в результате

сильного кровотечения из перерезанной аорты и шейной артерии». Если бы этот неизвестный был убит в другом месте, там он и истек бы кровью.

Но такое место никогда не было найдено.

Более правдоподобным было другое объяснение: убийца и жертва хорошо друг друга знали. Юлиан Васильевич не имел оснований быть настороже с человеком, которого, видимо, хорошо знал, а если и были такие основания, то защищаться он уже не мог. «Каждая из ран была смертельной и лишала жертву возможности сопротивляться», — написал доктор Франтишек Кржистек.

Что же дальше?

Но вначале мы должны задать другой вопрос: стоит ли вообще заниматься убийством, которое произошло более шестидесяти лет назад в захолустной старой крепости в Чехословакии?

Все дело в том, что это убийство стало тем пресловутым камешком, который вызвал лавину, обнажившую вероломство и коварство украинских националистов. Здесь было начало событий, которые вышли далеко за рамки провинциального Йозефова.

Сысской группе предстоит большая работа. Заполняются первые протоколы, которые не приносят никаких результатов. Проходят три дня. Степан Нестеренко получает стипендию для обучения на юридическом факультете Карлова университета в Праге и с разрешения капитана Жака исчезает из лагеря для интернированных.

Но вот наступает 16 августа. В 16.30 в кабинете начальника лагеря капитана Жака появляется женщина. Она, как записано в протоколах, «роста ниже среднего, волосы светло-каштановые, лицо удлиненное, нос ровный, уши прилегающие. Без особых примет. Названная ярко накрашена. Говорит высоким голосом (так называемым фальцетом)».

И этим фальцетом она заявляет капитану Жаку, что хочет сделать важное сообщение. Звать ее Магда Притоцкая. Родилась в Стрые, не замужем, вероисповедания униатского, под судом не была...

Когда Притоцкая закончит свое сообщение, капитану Жаку, вероятней всего, покажется, что мир перевернулся вверх ногами.

В 17.46 протокол написан и подписан. Местное жандармское начальство дает мотоциклиста, который увозит запечатанный пятью печатями пакет с оригиналом и копией показаний Магды Притоцкой. Еще в тот же вечер оторвали от домашних дел полицейского комиссара, жандармского генерала Сазавского из министерства внутренних дел, майора Ярослава Дите из 2-го отдела Генерального штаба «чехословацких сил обороны».

Притоцкая заявила капитану Жаку, что в его лагере находятся не лояльные эмигранты, а заговорщики, создавшие нелегальную группу, которая называется «Черный легион». Допустим. Организаторы тайных обществ, выбирая их названия, никогда не отличались изобретательностью. Что еще? Может Притоцкая привести какие-то конкретные доказательства? Конечно, может. Одним из руководителей этой организации является бывший поручик украинской армии Илько Мадзий, который сейчас, когда Притоцкая в Йозефове беседует с капитаном Жаком, находится в Братиславе. Вместе со своими сообщниками он тайно переправляет из Вены в Братиславу, а оттуда в Закарпатскую Украину оружие, патроны, взрывчатку и другое военное снаряжение. Для этого используются тайные тропы контрабандистов.

Более того: Илько Мадзий вместе с сообщником Пасыком убил Юлиана Васильевича, потому что тот был агентом польской разведки.

Бомба взорвалась! Есть не только убийца, которого Притоцкая, можно сказать, «преподнесла на блюдечке», но и нелегальная организация, о которой никто ничего не знал.

Не знали агенты разведывательного отдела полиции-президиума в Праге.

Ни о чем не догадывались сотрудники отдела «N» министерства внутренних дел.

Ничего не сообщали агенты жандармских и полицейских отделений.

Ничего не обнаружили работники 2-го отдела Генерального штаба.

А тут какая-то Магда Притоцкая, провинциальная актриса, которая говорит крикливым голосом и вообще, по мнению уравновешенного капитана Жака, похожа на истеричную шлюху, знает не только организацию, но и маршрут, которым тайно перевозится оружие.

Кроме того, капитан Жак получает большой пакет с письмами, в которых, по утверждению Притоцкой, содержатся доказательства, уличающие Илько Мадзия и его сообщников. Когда Притоцкую заполучили специалисты в Праге, им сразу стало понятно: с некоторыми обстоятельствами она знакома, на удивление, подробно. Но Притоцкая ничего не может сообщить об организационной структуре «Черного легиона». Не может назвать ее руководителей, членов. Возможно, ей не доверили важную тайну, работают в условиях строгой конспирации. И здесь нет противоречия: одни секреты Притоцкая может знать, другие нет.

Вот это нужно срочно выяснить.

Полицейский комиссар Сазавский ставит на ответственное распоряжение, печать: „HODIE!“ В переводе с латинского это значит: «СЕГОДНЯ!» То есть весьма срочно.

А в это время всю работу переводчики. Письма, переданные Притоцкой, были написаны в 1921 и в 1923 годах. Прямых доказательств какой-либо антигосударственной деятельности в них не обнаружено. Кажется, дело можно закрыть.

Но проходит пятнадцать дней с того момента, когда Степан Нестеренко нашел труп Юлиана Васильевича, и происходит новое событие. Вечер 28 августа, примерно половина одиннадцатого. В лагерь для интернированных возвращается украинская театральная труппа, которая часто выезжает с представлениями в другие лагеря, особенно в Либерец. И сразу же после того, как артисты отнесли домой свои чемоданчики с костюмами и гримом, к капитану Жаку приходит Магда Притоцкая.

Ее комнату кто-то ограбил.

Буквально обчистили. И главное, по словам Притоцкой, исчезли все материалы, разоблачающие членов организации «Черный легион». Ночью приезжает сыскная группа жандармерии. Обнаружены осколки оконного стекла, но не в комнате, а на улице. Значит, тот, кто разбил стекло, находился в комнате. Двери выломаны. Сделано это непрофессионально. Дверная рама расколота. Здесь явно поработал непрофессиональный грабитель. Специалисты по квартирным кражам такого бы не сделали. После них и соринки не останется. Поручик Кудлак знает, что говорит. Вывод готов.

Ограбление кто-то инсценировал.

Кто?

Притоцкая с пяти вечера находилась в поездке с театральной труппой. Вернулась вместе с другими после десяти вечера, а уже в половине одиннадцатого сообщила об ограблении. У нее просто не было времени, чтобы выломать дверь, разбить окно, разбросать содержимое ящиков, разрезать подушки

и перины. Поручик Кудлак не доверяет показаниям Притоцкой. Эта неуравновешенная провинциальная актриса явно раздражает его. Он снова ее допрашивает. На этот раз Притоцкая называет одиннадцать имен.

Это члены организации «Черный легион».

В Йозефов из Градец-Кралове приезжает подмога. Ночью все одиннадцать арестованы. Кажется, осталось только собрать доказательства и предъявить обвинительное заключение. Затем их ожидают суд и тюрьма. И хотя самому старшему из обвиняемых 33 года, никто из них не может рассчитывать на то, что выйдет из тюрьмы прежде, чем у него в волосах появится первая седина.

Ну а где же один из главных зачинщиков? Бывший поручик Илько Мадзий?

Братиславская полиция довольно легко находит его. Живет он на одной из главных улиц города. Поселился у модистки, которая, помимо женских достоинств, правда, уже слегка увядших, имеет хорошо налаженное хозяйство, приличную «библиотечку» из сберегательных книжек и главное — чехословацкое гражданство. А это Мадзия привлекает больше всего. Если он женится на ней, то получит чехословацкое гражданство и, возможно, сумеет вернуться в армию. Пусть и в чехословацкую — Илько Мадзий военный и мечтает им остаться.

Мадзия препровождают в Йозефов.

Уже на первом допросе становится ясно, что больше, чем результатов очной ставки, бывший поручик боится самой встречи с Магдой Притоцкой. Боится ее истерики, обвинений, слез. Но полиция есть полиция, она мало считается с желаниями подозреваемых.

3 сентября проводится очная ставка Притоцкой и Мадзия.

Бывший поручик все отрицает: свое участие в убийстве, обвинение в нелегальной переброске оружия. Не видел. Не слышал. Не желает ничего знать. Пусть его вернут в Братиславу к его шляпнице.

А Притоцкая?

Настаивает на своем. Юлиана Васильевича убили Мадзий и его сообщник Пасык. А где Пасык? Его допросить невозможно. Уехал в Берлин. Очная ставка заканчивается. Вывод следователей: «Черный легион», нелегальную переброску оружия и обвинение в убийстве Притоцкая выдумала. Зачем? Причина хорошо известна с давних времен. Хотела отомстить неверному любовнику.

Поезд увозит Мадзия в Братиславу, одиннадцать подозреваемых тоже выпущены на свободу.

В протоколе допроса одиннадцати задержанных записывается такой вывод: «С политической точки зрения и с точки зрения здравого смысла было бы непонятно, зачем горстке безоружных людей, которые не хотят возвращения ни в Польшу, ни в Советскую Украину, устраивать заговор против государства, которое оказывает им гостеприимство и поддержку».

Да, действительно, было бы непонятно.

Но Эрих Мария Ремарк когда-то написал, что логичны только хорошо написанные романы. Нелогичной бывает жизнь.

Так что зададим вопросы, с которых начинается много сказок: Было? Не было?

Существовала ли в Йозефове подпольная группа? Кто убил Юлиана Васильевича и почему? Были ли показания Магды Притоцкой всего лишь выходкой истеричной дамы или в них скрывалось рациональное зерно? Начинать надо всегда с начала. Что представлял из себя лагерь для интернированных

в Йозефове? Скопище националистов. Молодых людей, которые привыкли к смерти, и многие из них убийство считали чем-то обычным, что не только не наказывается, но даже не противоречит обычным жизненным и моральным нормам. Как каждое сборище политических беглецов, лагерь в Йозефове был заражен страшной эпидемией параноидной подозрительности, шпиономании. Достаточно было анонимного обвинения, что тот или иной человек — польский или советский агент, и смертный приговор можно считать вынесенным.

Так, скорее всего, случилось с Юлианом Васильевичем.

Следователи, прежде чем сдать дело в архив, сделали, по их мнению, все, что могли, чтобы его раскрыть. Но действительно ли было сделано все?

В то время, когда был убит Юлиан Васильевич, Мадзий находился в Йозефове. Это подтвердили три свидетеля, некие Богумен, Решетинский и Фиртас. Труп Юлиана Васильевича найден в ночь с 12 на 13 августа 1923 года. А 14 августа сообщник Мадзия Пасык выезжает в Берлин. Но чехословацкая полиция не только не попросила его выдачи Чехословакии до завершения дела, но даже не обратилась к берлинской полиции, чтобы та хотя бы допросила его. И еще одна деталь: после убийства Пасык выехал в Берлин, который был тогда главным центром украинских буржуазных националистов.

Не слишком ли много совпадений, чтобы считать их случайными?

Все говорит о том, что свидетели на допросах выгораживали Мадзия. Стремилась вызвать недоверие к показаниям Притоцкой. А она утверждает, что Юлиан Васильевич был агентом польской разведки. Поэтому Пасык и Мадзий его убили. Сведений о Юлиане Васильевиче настолько мало, что

невозможно даже выяснить, о ком же шла речь. В лагерной картотеке, которую вел националист Роман Лисович, никаких сведений о нем не оказалось. Можно предположить, что перед или сразу после убийства Лисович их уничтожил. Возможностей для этого у него было более чем достаточно.

Таким образом, дело о жертве убийства, которое осталось нераскрытым и через три месяца было отправлено в архив, мы не знаем ничего. Не знаем даже, настоящими ли были его имя и отчество или фамилия. Поэтому мы можем лишь высказать предположение. Можно с уверенностью сказать, что во все лагеря для интернированных засылались польские агенты. Трудно сказать, был ли таким агентом Юлиан Васильевич, был ли он жертвой фальшивого доноса или мести.

И, наконец, самый важный вопрос.

Притоцкая могла выдумать название подпольной группы — «Черный легион». В чехословацких материалах об украинских националистах это название не появляется ни разу — ни до 1923 года, ни позже.

Но было ли все это — подпольная группа, переброска оружия — только плодом воображения обманутой любовницы?

Какой бы она ни была, факты говорят о том, что Притоцкая не могла все выдумать. Прежде всего маршрут, который совпадает с опорными центрами украинских националистов. Она явно говорила то, что слышала, о чем в ее присутствии велись разговоры как при человеке, которому поручик Илько Мадзий доверял.

Есть еще одно важное обстоятельство, которое имеет решающее значение. На допросе Притоцкая точно назвала место перехода австрийской границы

с грузами оружия. Это была тропа контрабандистов, о которой знали чехословацкие органы.

Попадание в десятку!

Итак, можем заканчивать.

В 1923 году, сразу после того, как украинские националисты были приняты буржуазной Чехословакией, они показали свое лицо. Началась кровавая драма.

Но это была всего лишь увертюра.

А фуриозо этой исторической композиции неумолимо приближалось.

Х. СЛИШКОМ МНОГО ИСТОРИКОВ

В середине мая 1922 года тихий городок Подебрады готовился к приезду курортников. Дорожки в парках посыпаны песком. Улицы выметены. В павильонах, где сестры милосердия продают фарфоровые кружки для целебной воды, до блеска начищены медные ограждения вокруг источников. Садовники подстригли кусты в форме шаров, пирамид, кеглей. В садиках цветут сирень и ирисы, в зарослях бегонии отмеряют время часы, стрелки которых указывают на римские цифры, выложенные из мелких кактусов редких сортов. Эти цветочные часы относятся к достопримечательностям городка.

Сюда едут все, кому беспомощные или почти беспомощные врачи предписали: «Только спокойствие. Главное — спокойствие, это то, в чем нуждается ваше сердце!» Ибо курорт в Полабской долине имеет свой рекламный лозунг: сердцу нужны Подебрады! А более черствые остряки утверждают, что единственное здоровое сердце в Подебрадах —

это то, что стоит возле цветочных часов. И это так, потому что сердце это — из гипса.

Никогда здесь не происходило ничего, что бы нарушало привычный ход жизни городка, неуклонно богатеющего с помощью болезней и надежды. Подебрады жили старомодным, рассудительным темпом до 16 мая 1922 года, пока тишину города не огласил тяжелый топот подкованных военных сапог. На улочках между одноэтажными виллами, на берегу медленно текущей Лабы, в парке и колоннаде зазвучала речь, которая почтенным подебрадским обывателям показалась как будто бы слегка знакомой. Вдруг поймешь слово, из неизвестных звуков порой возникнет вразумительный отрывок фразы.

Со скоростью степного пожара в городке распространилась новость: «Это украинцы!»

«Население серьезно встревожено за свой покой с появлением украинских студентов, которые ходят в военной форме, здороваются на военный манер (салютуют), галдят в общественных местах и трактирах и этим, по мнению местных ремесленников, снижают их выручку. У населения есть страх и опасение, что украинские студенты что-то предпримут в городе, так как есть сведения, что они относятся к террористической организации под названием «Украинские сечевики». Требуется увеличить число жандармов или прислать военную помощь в город.

*Районный жандармский начальник
в Подебрадах (подпись)*

*Исполнительный капитан Йозеф
Ржегак*

*Для сведения: Областной жандармский генерал
в Чехии*

*Президиум министерства внутренних
дел, отделение „N“*

*Президиум полицейского управления в Праге
Генеральный штаб чехословацких
вооруженных сил 2-е (информационное) отделение
Министерство иностранных дел,
секция II»*

Почему столько шума?

К чему такой обширный список адресатов, будто речь идет чуть ли не о раскрытии заговора против безопасности государства? Что, собственно, произошло? В тот первый день второй половины мая 1922 года по приказу министерства сельского хозяйства была переведена из Табора и обоснована в Подебрадах украинская хозяйственная академия как «частный сельскохозяйственный институт с вузовской организацией». Решающую роль в поддержке ее существования сыграло министерство иностранных дел, из бюджета которого министр Эдуард Бенеш выделял ежемесячно 17 000 крон на преподавательский состав академии. Кроме того, первые двести слушателей получали стипендию в сумме 600 тогдашних чехословацких крон.

Впрочем, не они одни.

В период, когда буржуазная республика не успела еще твердо встать на ноги, бывшие денкинские поручики, врангелевские подполковники, офицеры, боровшиеся против Советской власти под знаменами Юденича, Колчака, получают вместе с австро-венгерскими, немецкими и другими интервентами предпочтительные места в чехословацких государственных учреждениях. Если они хотят учиться, чешский и словацкий студенты должны уступить места бывшим «их благородиям» и «их превосходительствам». А 600 крон — это стипендия, которую русский, украинский, кавказский, среднеазиатский

белый эмигрант получает в Подебрадах так же, как в Праге, Брно и Оломоуце.

Откуда такой прилив щедрости? Действительно ли в чехословацкой буржуазии пробудилась всеславянская любовь? Чтобы поверить этому, надо было бы быть чересчур наивным. Бескорыстно буржуазия не выложит ни копейки.

В Чехословакии поддержка русской, украинской и другой эмиграции была более ощутимой, чем в любой другой стране Европы и вне ее. Это были не только высокие стипендии и оклады. Например, хозяйственная академия в Подебрадах имела возможность снимать один из самых больших отелей города. Студенты Карлова университета русской и украинской национальностей жили тогда в самом современном студенческом общежитии. На Слупи, в то время как чешские студенты должны были довольствоваться колониями временных деревянных бараков, вдова начальника царского генерального штаба генерала Духонина, который поддерживал организацию чехословацких легионов в России, получила даром замок, и прислугу ей оплачивало государство. Она получала содержание, которое равнялось жалованию чехословацкого бригадного генерала, несущего службу. Мы не намерены копаться у людей в кошельках и заглядывать в их частную жизнь. Но в данном случае речь не идет о делах частных.

Чтобы ответить на вопрос: почему так случилось, почему враждебная Советскому государству эмиграция находилась в Чехословакии буквально в тепличных условиях, мы должны понять, что это была за республика. Во главе ее стоял старый университетский профессор, социолог, философ Томаш Гарриг Масарик. Он был родом с моравско-словацкого пограничья, происходил из бедной семьи и с са-

мого начала знал, что будет иметь только то, что сам заработает. Был трудолюбив. Упорен. Талантлив. Научное звание получил за работу под названием «Самоубийство», которая поразила методической новизной социологических исследований. Как политик поступил на службу буржуазии. И служил ей верно, находчиво и преданно. Женат был на американке. Встречался с Л. Н. Толстым и доказывал философскую, политическую и моральную несостоятельность его идеи «непротивления злу». Написал, кроме прочего, книгу «Россия и Европа». Мировая революция и русский вопрос интересовали его как категории экономические, политические, философские и этические. Был принципиальным врагом социализма. Не был согласен ни с К. Марксом, ни с В. И. Лениным.

Он отдал приказ чехословацким легионам ударить в спину молодому Советскому государству. Из-под его пера вышла доверительная памятная записка правительствам Германии, Франции, Великобритании и Соединенных Штатов, в которой Масарик впервые предложил то, что сегодня называется «разрушением социализма изнутри». Предвосхитил Бжезинского и антисоветчиков наших дней на целых полстолетия.

Томаш Гарриг Масарик был гарантом антисоветской линии для всей мировой буржуазии. Это был высокий статный старик с бородкой клинышком и висячими усами. Фотоснимки сохранили вдумчивый упорный взгляд глаз, скрытых под пенсне. Не курил. Не пил. Был умерен в еде. Сумел притупить остроту классовой борьбы в освобожденной Чехословакии тем, что внушал в сознание людей: теперь, после трех столетий габсбургского владычества, когда у нас есть свое государство, мы сумеем договориться. Бедные с богатыми. Эксплуатируемые

с эксплуататорами. Он ходил в русской фуражке, украшенной красно-белой лентой. Носил полувоенный френч. И в старости ежедневно при любой погоде совершал прогулки верхом на своем любимом жеребце Гекторе. В его честь дети пели в школах: «Дедушка наш, седая наша головушка». Его звали «Старый пан». Его называли «Наш пан профессор». А так как Т. Г. Масарик, будучи истинным моравином, любил пение и его любимая песня начиналась словами: «Течет вода, течет вода», — то чешский народ, всегда обладавший неповторимым юмором, дразнил его: «Старый Течетвода».

В период, о котором идет речь, то есть в начале 1920-х годов, чехословацкой армией командуют французские офицеры. Французские эксперты сидят и в разведывательных подразделениях министерства внутренних дел.

Такая республика была самостоятельной лишь с оговорками и в очень узком смысле. И как таковая могла и должна была стать базой для будущих антисоветских походов. Так должно было быть по расчетам английских, французских, американских, немецких, итальянских монополистов.

Чехословакия была базой белой эмиграции, а также эмиграции украинской. Считалось, что в столь консолидированном и промышленном и, более того, имеющем традиционные симпатии ко всему, что исходит из великой страны на Востоке, в таком вот государстве белая эмиграция будет иметь наилучшие условия, чтобы объединиться и стать ударной силой мирового антикоммунизма.

Под присмотром чехословацких служб безопасности в республике создавались антисоветские организации.

Но теперь вернемся назад, к хозяйственной академии в Подебрадах.

Восторга у обитателей Подебрад она не вызвала. Академия заняла крупнейшее заведение в городе — отель «У короля Иржи», и его владелец Й. Е. Грейса подсчитал, какой он понесет на этом убыток, поскольку наемная плата академии была многим меньше, чем те прибыли, которые услужливый пан умел выжимать из курортников.

Число курортников, приезжавших в Подебрады, снижалось. Отель «У короля Иржи» не мог разместить всех студентов, профессоров и технических работников академии. Поэтому они заняли частные квартиры в небольших городских виллах. Аудиториями служили канцелярии в тогдашнем районном управлении, в городской ратуше и в подебрадском замке. Таким образом, все — от владельцев гостиницы и частных квартир, врачей и до коридорных, которые чистили господам ботинки,— все подсчитывали свои убытки. В августе, когда курортный сезон обычно бывал в зените, большие уезжали, и приезжали украинские националисты, желающие изучать сельскохозяйственные науки. К середине августа 1923 года в Подебрадах находились двадцать два преподавателя и четыреста шесть студентов.

Это было слишком большим скоплением иностранцев, чтобы органы безопасности и разведки могли оставить его без внимания. В первую неделю августа сотруднику политической полиции в Подебрадах удалось завербовать некоего Николая Билоуса. За неделю своего пребывания в городке он приобрел в местных трактирах негласную, но твердую репутацию некредитоспособного, так как его большой стипендии хватало всего на три дня. Ему предложили три сотни в месяц и намекнули, что устроят так, что в трактирах он сможет порой пропустить рюмочку. Но только правду, иначе будет плохо!

Однако этот Билоус знал, с кем имеет дело. Он идет к Алексу Козловскому, секретарю академии, и без обиняков выкладывает, что его завербовала чехословацкая тайная полиция. Билоус предполагал, и в этом не ошибался, что в круг забот секретаря входят и вопросы безопасности.

Козловский быстро договаривается с Билоусом. Чехам они будут сообщать то, что найдут нужным, по принципу: и волки сыты, и овцы целы. Правду, но правду отобранную, заботливо очищенную. Препарированную.

И тут Билоуса осеняет, что рано или поздно его игра раскроется и в этом случае он может потерять не только свои тридцать десятков крон. На следующей же встрече он сознался, что «открылся секретарю Алексу Козловскому, обещал ему сотрудничество со здешними органами и они договорились...» Затем националист по своей политической окраске, человечешко с проспиртованной совестью клятвенно заверил, что всегда будет сообщать тайной службе то, что ему приготовит Козловский, и одновременно рассказывать о действительном положении вещей.

В Подебрадах, как и везде в тогдашней республике, агенты носят жесткие шляпы и казенные ботинки, по которым их может узнать даже малый ребенок. Но их ни в коем случае нельзя упрекнуть в профессиональной некомпетентности. Билоус и представить себе не мог, что его деятельность контролируют не связанные между собой агенты чехословацкой политической полиции Дорош, Староселец и Баранкович, служба которых оценивается по 150 крон в месяц.

Стоил ли Билоус таких усилий? Это удивительно, но стоил. Он умел перевоплощаться и входить в доверие к людям. Именно благодаря этой способ-

ности он может явиться в органы чехословацкой тайной полиции с донесением: «В Подебрады приехал под чужим именем генерал Иван Омелянович-Павленко». Агент Билоус знает даже больше. Омелянович-Павленко поселился в доме № 519/111. Этот дом стоит и по сей день. Одноэтажный маленький особняк с двумя окнами над входом по фасаду, крытый ныне серым шифером и окруженный садиком с калиткой, над которой из железа сделана арка, выкрашенная белой краской и увитая розами.

После революции, в период, когда Украину оккупировали немцы, Омелянович-Павленко принадлежал к близкому окружению гетмана Павла Скоропадского, дослужился у него до кошевого атамана казачества Слободской Украины, а с конца 1920 года отсиживался в лагерях на территории Польши.

Чехословацкая разведка, как военная, так и гражданская, знала, что Иван Омелянович-Павленко находился в контакте с немецкими офицерами разведки, заново возрождавшейся в так называемом Труппенамте новой Веймарской республики.

Как только донесение агента Билоуса о том, что Омелянович-Павленко находится в Подебрадах, дойдет до Праги, оно попадет в руки одного из лучших специалистов в буржуазной республике по политической разведке д-ра Сазавского. С этого момента Омелянович-Павленко не сможет сделать шага, о котором бы не знала чехословацкая служба госбезопасности.

30 мая 1923 года Омелянович-Павленко выезжает в Ужгород, встречается там с «сечевиками» и снова возвращается в Подебрады. Здесь к гетманской организации «хлеборобов» примкнули пятьдесят три студента и четыре профессора хозяйственной академии. «Хлеборобы» находятся под

опекой чехословацкой аграрной партии. Самой влиятельной и самой реакционной буржуазной партией, чьи представители скоро займут места председателя правительства, министра внутренних дел, министра обороны. Понятно, что Омеляновича-Павленко радует «подебрадский прирост» пятидесяти семи «хлеборобов».

Неутомимый Николай Билоус продолжает давать информацию. «Хлеборобы» сотрудничают не только с аграрной партией. Это легальная, внешняя сторона дела. В Подебрадах они собираются тайно в доме № 268/11 и, помимо связи с берлинским гетманским центром, более чем правдоподобно, что работают на немецкую армию в качестве шпионов. В Праге у них есть отделение, которым руководит генерал Бубнов вместе с бывшими старшими офицерами австро-венгерской армии Штефановичем, Ходоровичем, Леонтовичем и Тимощенко. Последний чехословацкой контрразведке не безызвестен. В 1921 году он в сопровождении жандармов, по этапу, от одного жандармского отделения до другого, был доставлен к границе и выпровожен в Германию. Однако то, что сообщает Билоус, является новостью: Тимощенко возвратился в республику с хорошо подделанными документами на имя Белопольского.

Весь визит Омеляновича-Павленко — это поездка руководящего агента, который контролирует и «налаживает» работу разведывательной сети и террористических групп. Есть чем заняться и тайной полиции. От районного жандармского начальника в Подебрадах капитана Йозефа Ржегака поступил сигнал: «В Подебрадах среди украинских студентов существует Войсковое товарищество, которое является абсолютно тайным, а члены его — в большинстве монархисты и «хлеборобы».

Тогда д-р Сазавский, которому приезд Омеляновича-Павленко вполне ясно показал, что украинскую хозяйственную академию в Подебрадах нельзя выпускать из поля зрения, насторожился.

Опытному работнику политического шпионажа ясно то, что недоступно жандармскому капитану. Прежде всего, этот господин перепутал термины. Войсковое товарищество — это название ничего не говорит д-ру Сазавскому, не проходит по оперативным сводкам. Видимо, речь идет об «Организации украинских сечевиков».

Ее деятельность в Подебрадах подтверждает местная агентура, прежде всего незаменимый Николай Билоус, который стал популярной личностью в подебрадских пивных и винных погребках и знает о городе все, что стоит знать.

20 сентября в президиуме полицейского управления в Праге был заслушан один из организаторов УСС образца 1914 года д-р Владимир Старосольский, «профессор Украинского университета в Праге, проживающий на Виноградах, Фохова ул., 83».

Адрес привлекает внимание. Фохов проспект, так правильно звучит название, ныне Виноградская улица, берет свое начало от Вацлавской площади и проходит по самому центру города, и плата за самые роскошные по тому времени квартиры в домах по этому проспекту равнялась трем месячным окладам квалифицированного рабочего. Уже одно это говорит о социальном положении и финансовых делах преподавательского состава Украинского вольного университета, как он назывался официально.

Старосольский на допросе, продолжавшемся не более часа, коротко рассказал об истории УСС, об их деятельности в составе австро-венгерской армии, но утверждал, что после интернирования в ЧСР

целью УСС был «только сбор исторических памятников прошлого, учет членов и оказание помощи нашим инвалидам».

Далее он продолжал: «Как председатель УСС, утверждаю, что эта организация абсолютно не политическая и не имеет другой цели, кроме как по мере возможности заботиться о членах украинских легий, собирать исторический материал, который мог бы служить дополнением к архиву УСС, находящемуся в Вене со времени образования «союза».

Но в Вене, как мы знаем, с момента основания УСС архив этой организации находился в ведении австро-венгерских секретных служб и в высших инстанциях его обработкой занимался австро-венгерский генеральный штаб. Об этом пан профессор как-то позабыл. Или хотел обойти этот факт, что ему на допросе частично удалось. Свои показания он закончил заявлением: «Все эмигранты сознают, что их прибежище — в Чехословацкой республике и что только здесь они могут свободно и спокойно продолжать свое образование и подготовку к труду во имя своего народа и родины. Это — всеобщее убеждение и тех представителей украинского народа, которые находятся в Галиции и в Великой Украине».

Под «Великой Украиной» профессор Старосольский подразумевает Советскую Украину. Полицейский чиновник, изучавший протокол допроса, записанный младшим полицейским Якубеком, подчеркнул эти первые два предложения лояльного заявления председателя УСС.

За пять дней до заявления профессора Старосольского в Братиславе были допрошены поручик Илько Мадзий и его сообщник. Оба дружно показали, что являются членами организации, называемой «Украинские сечевики», и утверждали, что это абсо-

лютно невинный «союз», который занимается историей своей собственной организации, учетом украинских эмигрантов, сбором их воспоминаний для дальнейшей обработки.

И опять же: они вполне невинные люди, лишь простые историки.

Известный американский автор детективных романов назвал свою книгу, героями которой были Неро Вульф и Арчи Гудвин, «Слишком много поваров».

А не появилось ли вдруг и здесь «слишком много историков»?

Несколько иной была специализация в пражских вузах. 2 октября 1922 года 2-е отделение министерства национальной обороны запросило министерство образования, чтобы оно представило основные данные на двести восемьдесят семь студентов-слушателей Карлова университета и Чешского технологического института.

В карточках приведены: имя, год, месяц и дата рождения; образование, полученное до поступления в чешский вуз, область обучения, воинское звание.

При анализе этих карточек (первоначально они служили разведке для учета офицерских резервов) обращают на себя внимание несколько фактов. Средний возраст слушателей первого года обучения — 23,5 года, то есть значительно выше, чем у обычных студентов, но вполне нормальный для так называемых «послевоенных» курсов. 87,3 процента слушателей были в звании от поручика до капитана, причем преобладали поручики (79,3 процента от общего числа), 10,2 процента составляли сержанты, ротмистры, а остаток, 2,5 процента,— рядовые. 63 процента слушателей закончили до войны гимназию, 35 процентов имели незаконченное среднее образование (прерванное вой-

ной), и остаток, 2 процента, имели лишь начальное образование, а среднее получили на ускоренных курсах в Чехословакии. Простое сравнение говорит, что с разницей в полпроцента число студентов с начальным образованием совпадает с числом солдат. Таким образом, в чешские вузы дорога была открыта для выходцев из тех семей, которые буржуазные социологи причисляют к «высшему среднему слою». Что касается специализации студентов, то мы имеем такую картину: 69,3 процента составляли изучающее право, далее шли 12,3 процента экономистов. Медицину изучали 5,5 процента. 1,9 процента слушателей занимались естественными науками, в первую очередь геологией и химией, и 11,0 процента — студенты инженерных направлений, в основном машиностроительного, электротехнического и горного.

Если принять за гипотезу предположение, что целью переподготовки бывших поручиков было создание экономическо-управленческой структуры для «самостийной державы», можно сделать логический вывод, что эта «державка» была заранее запланирована как государственное образование со значительно ограниченной независимостью, которому была уготована судьба полуколонии, отданной на произвол капризам монополий.

Вернемся на минуту опять в Подебрады.

Украинская хозяйственная академия готовится отметить первое рождество на новом месте. В отеле «У короля Иржи» устроен праздничный стол для преподавателей и студентов. Президент республики Томаш Гарриг Масарик в качестве частного подарка прислал 10 000 крон. Из своего личного фонда. Пусть молодежь повеселится.

Как только все уселись за стол, встает ректор академии и вынимает из нагрудного кармана ре-

вольвер. Кладет оружие на стол и, как сказано в донесении жандармского управления, заявляет: «Еще до приезда сюда я слышал, что здесь на меня готовится покушение. Я не боюсь. Никого не боюсь. Кто сейчас пошевелится, кто попытается сунуть руку в карман, того я застрелю на месте».

Прелестное начало рождественского ужина. Так мило. Непосредственно. Удачно. Вузовский ректор выражается с неотразимым шармом ковбоя с Дикого Запада и, уж во всяком случае, с откровенностью террористов, многие из которых собрались «У короля Иржи» в предвкушении праздничного угощения.

Наконец все успокаиваются, и ужин при жандармском содействии проходит вполне тихо.

XI. УВО — ОУН

Благожелательное отношение чешских властей к националистам-контрреволюционерам проявилось также в том, что им была предоставлена возможность провести в Праге в 1928 году так называемую вторую конференцию украинских националистов. Первая конференция проходила 3—7 ноября 1927 года в Берлине. Они предшествовали так называемому первому конгрессу украинских националистов, созванному в начале 1929 года в Вене и ознаменованному созданием ОУН — «Организации украинских националистов».

Прежде всего обращает на себя внимание заграничное происхождение ОУН, и это является одной из ее существенных особенностей. За десять лет своего существования ОУН создала организационную сеть в Галиции, Волыни, Закарпатье, Бу-

ковине, а после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз в 1941 году пыталась перенести свою деятельность на временно оккупированную фашистскими войсками территорию других областей Украины. Из этого, кстати, ничего не вышло, так как украинское население в прибывших вместе с оккупантами оуновцах распознало фашистских прислужников и отвергло их провокационные заигрывания. Весьма симптоматичным был выбор даты для созыва первой конференции украинских националистов. Именно тогда советские люди отмечали первое десятилетие Великой Октябрьской социалистической революции. Враги Страны Советов всячески старались хоть что-нибудь противопоставить этому празднику или хотя бы ослабить его влияние на зарубежную общественность. В противовес празднику Октября была проведена и берлинская конференция украинских националистов.

К этому времени на территории Чехословакии, Польши, Германии и других европейских государств имелся ряд националистических организаций, объединявших бежавших с Украины членов контрреволюционных организаций и военных. Наиболее активной среди них была «Украинская военная организация» (УВО), созданная в 1920 году в Чехословакии из числа бывших вояк «Украинской галицийской армии», «Украинских сечевых стрельцов» и других военных и полувоенных формирований, служивших «правительствам» буржуазно-националистической Украинской народной республики.

При образовании УВО разгорелась острая борьба за руководящие посты. Однако вскоре все стало на свои места, когда по настоянию влиятельных кругов Веймарской республики неожиданно для многих во главе организации были поставлены полковник Евгений Коновалец и Андрей Мельник, ко-

торым пришлось для этого возвратиться из-за границы. Однако Коновалец недолго пробыл на территории Польши: в 1922 году вскрылась его причастность к организации террористического акта, и он счел за благо уехать за границу, где и пребывал до самой своей смерти в 1938 году.

Тем не менее Коновалец остался во главе УВО и принял меры к расширению ее террористической деятельности. Главным объектом террористических актов специально созданного в УВО «боевого отдела» стали польские почтовые кассы и отдельные кассиры. Ценой их крови «боевики» добывали средства для дополнительного подкармливания окопавшегося за границей руководства главного штаба УВО и «Краевой команды», действовавшей в Восточной Галиции. УВО активно занималась своей кровавой деятельностью вплоть до вхождения в ОУН в 1929 году и за эти годы взрастила достаточно многочисленную группу «боевиков»-террористов, которые наложили свой отпечаток и на весь личный состав «Организации украинских националистов».

Современник тех событий Иван Макух писал в своих мемуарах: «Польская полиция наводнила организацию УВО провокаторами и конфидентами. Полиция знала все ходы планируемой работы. Если бы она не знала, что творится в организации УВО, то она ее бы уничтожила. Печатным органом УВО «Сурма» пользовалась и сама полиция для расправы с неудобными ей украинцами — «неувистами». Так, например, Богдану Билинскому в Городенке полиция во время обыска подбросила журнал УВО «Сурму» и арестовала его по обвинению в государственной измене».

Помимо УВО, во вновь созданную ОУН вошел также ряд других националистических организа-

ций, в том числе и «Союз украинских фашистов», привнесший в ОУН свой фашистский «колорит».

Возглавил ОУН Евгений Коновалец. Как и в УВО, его заместителем стал Андрей Мельник. Таким образом, сам собою решился вопрос о местонахождении Провода штаба ОУН — он оказался в Вене, а после установления в Германии фашистской диктатуры перебрался в эту страну, поближе к главным хозяевам украинских националистов 30—40-х годов — абверу, гестапо, нацистской службе безопасности СД.

Теснейшие отношения с ними украинских националистов обуславливались, помимо всего, близостью идеологии и принципов организационного построения, заложенных еще в период подготовки к созданию ОУН.

Националисты только готовились провозгласить образование ОУН, но уже имели свой руководящий орган — Провод украинских националистов. Член этого Провода Дмитрий Андриевский выступил на пражской конференции 1928 года с откровенным изложением фашистской системы, предлагаемой в качестве основ построения ОУН и тоталитарной украинской державы. В его реферате, опубликованном органом Провода украинских националистов журналом «Розбудова нации», № 6 за июнь 1928 года, говорилось по этому поводу следующее:

«Единоличная власть наиболее показана для Украины нынешнего периода...

Во внутренней политике авторитет и послушание, централизм и твердая власть являются необходимыми для укрепления украинской державы...

Основы нашей организации уже не раз обсуждались, и общее мнение о них довольно четкое. Должны раз и навсегда покончить с «демократическими принципами»: выборами руководителей, правлением

волей большинства, проявлением воли путем голосования, коллегиальностью мышления, действий и решений. Практика доказала, что на все это массы только тратят попусту время и силы. Обязательной предпосылкой общественной работы является послушание, иерархия, твердость и определенность решений. Это можно обеспечить только единоличным руководством на всех ступенях, решением важных дел по воле одного проводника, назначением соответствующих людей на различные посты».

Дальнейшие события подтвердили, что ОУН довольно последовательно придерживалась идеологических и уставных принципов, изложенных в цитированном выше реферате Андриевского.

ХII. УБИЙСТВА С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

23 декабря 1933 года в цитадели львовской крепости холодно и хмуро.

Особенно для тех, кто должен умереть на виселице.

В 3 часа 50 минут откроются двери двух одиночек, где доживают свои последние мгновения террористы Василь Билас и Дмитрий Данилишин. Раздастся голос старшего надзирателя, потом к каждому арестанту подойдет униатский священник и пробормочет молитву.

Ровно в 4 часа со связанными за спиной руками оба будут стоять под виселицами. Палач завяжет им глаза черными повязками. Потом затянет петли. В 4 часа 20 минут тюремный врач констатирует, что пульс повешенных остановился. По всем известным тогда признакам наступила смерть.

Что же привело этих оуновских «боевиков» на виселицу?

В обвинительном заключении военно-полевого суда, заседавшего 17—22 декабря 1933 года, они обвиняются в вооруженном нападении, повлекшем человеческие жертвы. Просьбу о помиловании тогдашний президент Польской республики маршал Юзеф Пилсудский отклонил.

По иронии судьбы в то время, когда Пилсудский решал вопрос о жизни и смерти террористов, напавших на почту в польском захолустном городке, на прилавках польских книжных магазинов среди рождественского книжного товара почетное место занимало богато иллюстрированное фотографиями издание, прославлявшее президента Польской республики за то, как бесстрашно грабил он в молодости австро-венгерские почты и почтовые кареты!

Имена Биласа и Данилишина фигурировали в полицейских документах Польши и Чехословакии также в связи с убийством депутата сейма от Польской социалистической партии Тадеуша Голувко.

В августе 1931 года депутат сейма прибыл на лечение в модный и тихий прикарпатский курорт Трускавец. Остановился в монастыре униатских сестер, который и стал его последним приютом.

О прибытии в униатскую обитель польского политика сразу же пошло донесение по иерархической линии ОУН. Оно исходило от восемнадцатилетнего привратника Буния, имя которого Голувко постоянно путал, называя его то Иваном, то Александром. Голувко, конечно же, не имел ни малейшего представления, что привратник является членом оуновской пятерки «боевиков», возглавлявшейся Михаилом Гнативым. Входили в нее также девятнадцатилетний гимназист Николай Мотыка, помощник продавца двадцатилетний Василий Би-

лас и двадцатитрехлетний сапожный подмастерье Дмитрий Данилишин.

Позже националистические главари всех рангов будут всячески стараться откреститься от причастности к убийству Голувко. Но именно по приказу своего командира «пятерки» Билас и Данилишин проникли в униатскую обитель и шестью выстрелами из старых «Смит энд Вессонов» 9-го калибра с расстояния трех шагов расстреляли занятого чтением депутата сейма.

Специалисты-баллистики определили, что стреляли из двух пистолетов. У одного из них было большое рассеивание, и пули летели чуть вверх и влево. Другой тоже было легко идентифицировать: в стволе справа была царапина, и на пуле оставался довольно глубокий след в виде разветвленной вилочки.

Опознать это оружие труда не составляло.

Но польским криминалистам оно не было знакомо и не проходило ни по одному делу — ни раскрытому, ни нераскрытому.

Итак, нет ничего. Ни показаний свидетелей, ни следов, ни отпечатков пальцев. В бумажнике, лежащем на столе, нетронутые 2000 злотых. На пальце убитого — перстень-печатъ, цену которого полицейский эксперт по ювелирному делу определил в 6000 злотых. Время отмеряли часы «Лонжин» — дорогой швейцарский механизм. Цена — 1000 злотых. Ни до чего этого преступники не дотронулись. Речь шла не о грабеже, а о политическом убийстве.

Сотрудники польской контрразведки — дефензивы, депутаты сейма, журналисты единодушно заявляли, что это убийство — дело рук националистических экстремистов из ОУН. При этом высказывалось мнение, что первопричиной террористического акта могла быть осуществляемая польским прави-

тельством 30-х годов так называемая «пацификация» (умиротворение), жертвами которой стали, в числе других, и некоторые украинские националисты.

Об этом, в частности, говорится в дипломатической депеше чехословацкого консульства во Львове: «В низших слоях организации ОУН возникло мнение, что инициатором пацификации был депутат Голувко. Этому же мнения придерживалась и трускавецкая организация».

Не раскрытое вовремя преступление привело к новому.

30 ноября 1932 года. Мрачный дождливый день клонился к вечеру. Вдруг провинциальную тишь Городка-Ягеллонского нарушили выстрелы. Одиннадцать оуновских «боевиков» совершили нападение на почтовое отделение. Однако почтовые служащие показали себя настоящими мужчинами. Вместо того чтобы поднять руки, они выхватили служебные пистолеты.

Под огнем нападающих падает один из почтовых служащих. Убит и оуновский «боевик» Михаил-Юрий Березинский.

В письме к Коновальцу накануне нового, 1933 года член Провода ОУН Евгений Онацкий писал по этому поводу: «Самое неприятное в этом выступлении было то, что Березинский и второй (не припоминаю в данный момент его фамилию) погибли, вне сомнения, от пуль своих же товарищей, которые то ли с перепугу, то ли из-за неумения стреляли как попало».

Жандармский патруль подоспел, когда грабители уже успели затолкать в мешок всю наличность, находившуюся в ящиках и старом сейфе фирмы «Вертгейм и сыновья». Темнота озаряется вспышками выстрелов. Один из жандармов убит. Другой

тяжело ранен. Большая часть нападавших исчезает. Василий Билас и Дмитрий Данилишин — схвачены. Их помещают в следственную тюрьму, что их ожидает — известно. За террористическое нападение в Польше существует одно наказание: смерть через повешение по решению военно-полевого суда.

Они сидят в своих одиночках. Считают минуты. Охваченный смертельным страхом, Василий Билас хватается за последнюю надежду: продлить, а может быть, и сохранить свою жизнь.

Он стучит в дверь камеры и просится к следователю. Без колебаний, обдуманно, Билас рассказывает, как они с Гнативым и Данилишиным спланировали убийство депутата сейма Тадеуша Голувко. Следователи приказывают отвести его обратно в камеру. Перечитывают стенограмму. Потом снова вызывают Биласа. Требуют, чтобы он описал подготовку к убийству и нападению. Потом ему дают тарелку гороха, оставшуюся от обеда стражников, сигарету, стопку водки — хотя это против правил. Отправляют его отдохнуть, а на следующее утро вызывают снова. Только теперь они сами задают ему вопросы, составленные на основании его собственных показаний. Билас опять получает сигарету и стопку водки. Потом его уводят в камеру. Сравнивают все три показания. Сходятся. До мельчайших подробностей!

Каждая деталь ясна. Сравнивая результаты следствия, полученные телефонограммой из Варшавы, с тем, что знал или, лучше сказать, мог знать нападавший, приходят к выводу, что в их руках те, кого они не ожидали. Убийцы депутата Тадеуша Голувко.

Когда со временем Билас осознал, что для вынесения ему смертного приговора вполне достаточно одного разбойного нападения на почтовое

отделение, он на суде отказался от своих показаний о причастности к делу об убийстве Голушко.

Руководитель «пятерки» Гнатив скрылся за границей. В октябре 1933 года польская тайная полиция арестовала подчиненных ему «боевиков» Ивана Буня и Николая Мотыку. Они предстали перед судом вместе с Романом Барановским, оуновцем, братом члена Провода украинских националистов Ярослава Барановского. Именно он вручил Биласу и Данилишину «Смит энд Вессоны», оборвавшие жизнь Тадеуша Голушко. Буня и Барановский получили по десять лет тюремного заключения, Мотыка — шесть.

Осуждение Барановского, известного своим тесным сотрудничеством с польской дефензивой, казалось, выбило почву из-под ног тех следователей, журналистов и дипломатов, которые склонялись к мнению, что в убийстве Голушко основную роль играла дефензива. Однако, когда через два с половиной года Барановский снова появился в Городке как якобы бежавший из тюрьмы, все заговорили о причастности к делу Голушко польских правящих кругов, которые стремились решать внутренние дела на привычном для них полицейско-административном уровне.

Учитывая теснейшую связь украинских националистов с польской дефензивой, это ничуть не противоречит утверждениям, что непосредственный приказ убить Голушко исходил от националистических главарей. Так, например, много лет спустя бывший руководитель службы безопасности ОУН Мирон Матвиейко писал в своем «Слове к молодежи», что приказ убить Тадеуша Голушко исходил от одного из главных террористов из националистической среды — Романа Шухевича.

А в компетентности и осведомленности Матвиейко сомневаться не приходится.

В год, когда был застрелен Тадеуш Голувко, министерство юстиции ЧСР получило телеграмму, которая в переводе с польского звучит так: «Польские граждане Роман Кучак, Юзеф Кучак, Владимир Терешко, обвиняющиеся в убийстве с целью ограбления, ныне находятся в полицейских тюрьмах Либерца. Просим обеспечить экстрадиционное заключение. Документы высылаем одновременно.

Министерство юстиции».

Дело, казалось бы, простое и ясное. Между Чехословацкой и Польской республиками 6 марта 1925 года был подписан договор «Об оформлении внешних связей по делам гражданским, уголовным и неспорным». И теперь, в соответствии с этим договором, Роман и Юзеф Кучаки и Владимир Терешко должны быть выданы польским властям.

Какое преступление они совершили?

Вечер, 30 июля 1931 года. На чердаке, в конспиративной квартире в предместье Перемышля, восемнадцатилетний студент Роман Кучак читает своему брату Юзефу и сообщникам Терешко и Цебеняку приказ вышестоящих оуновских главарей: напасть на почтовый дилижанс между Бирчей и Перемышлем. Деньги «реквизировать» в пользу организации.

Акция назначена на полдень июльского дня, и начиная с 11 часов все четверо находятся в засаде, в лесу между Бирчей и Перемышлем. Роман Кучак вынимает из портфеля три пистолета и карабин с обрезанным стволом. Если полуавтоматические пистолеты марки «Стейер» считались в то время «последним криком моды», то карабин на своем веку повидал много.

Роман Кучак, самый молодой, но и самый энергичный, раздает оружие, отдает приказы. Карабин он дает своему брату Юзефу. Себе оставляет пистолет и сует в карман бумажный пакетик с молотым перцем, пропитанным раствором аммиака. Им Роман Кучак собирается посыпать следы, чтобы отбить нюх у полицейских собак, если вдруг жандармы нападут на след. Остальные пистолеты получают Цебеняк и Терешко. Приказ однозначен: «Стрелять только в жандарма!»

Минуты бегут незаметно.

Волнение исчезает, его сменяет оцепенелое спокойное ожидание. Часы на башне в Бирче пробивают половину двенадцатого. Раздается скрип колес. Легкий, едва заметный ветерок доносит теплый запах лошадей, табака и колесной смазки. Минута. Другая. И вот появляется повозка. Роман Кучак выскакивает из-за деревьев и стреляет.

Жандарм даже не успевает поднять ружье, которое стоит у него между колен. Кучак с расстояния трех шагов не промахнулся. Тут открывают стрельбу Цебеняк и Терешко. Грянул карабин с обрезанным дулом, который сжимает Юзеф Кучак. Жандарм осел. Четырнадцать пуль оборвали его жизнь. В ходе этой, уже ставшей бессмысленной стрельбы, возница незаметно исчезает. Задыхаясь, он добегает до ближайшего жандармского отделения и сообщает о нападении.

В лесу дело подходит к концу. В соответствии с приказом Роман Кучак «конфискует» польскую почту. В его портфеле исчезают 50 000 злотых. Несколько банкнот сообщники рассовывают по карманам. Они опьянены стрельбой, кровью, множеством денег, какого они никогда не видели, и едва ли кто из них может представить, что можно было бы на них купить. Потом Роман Кучак по-

сыпает следы перцем, и все четверо убегают. Это не опытные трускавецкие «боевики», которые хладнокровно убили Тадеуша Голувко и напали на почту в Городке-Ягеллонском. Когда после примерно километрового бега они натываются на лесника, четверо вооруженных мужчин приходят в смятение — Юзеф Кучак отбрасывает ружье, которое забрал у жандарма. Никому даже не пришло в голову, что они могли бы сменить обоймы в пистолетах, поэтому у них в карманах лежат безобидные куски железа. Роман Кучак бежит, прижимая к груди портфель с деньгами. Цебеняк исчезает где-то в лесу и позже будет арестован польскими жандармами, которым даже не окажет сопротивления.

Остаются трое. Роман и Юзеф Кучаки и Владимир Терешко.

Вечером 31 июля 1931 года они пробираются в Перемышль. У них есть несколько адресов, о которых они знают, что на пароль «Рынок» откроется дверь и прозвучит отзыв «Ранка». Там они будут в относительной безопасности.

На конспиративной квартире Роман Кучак отдал пистолеты, обрез и, разумеется, деньги. С парой грошей в кармане, взятыми на дорогу, он пытается исчезнуть из Польши. Если мы сегодня сравним показания Романа и Юзефа Кучаков и Владимира Терешко, которые были записаны в полицейском управлении в Либерце старшим полицейским комиссаром Виничем, мы найдем в них временные противоречия. Но кажется, что они вызваны просто тем, что тройка террористов утратила представление о времени. Более того, различия нигде не превышают двадцати четырех часов. В остальном подробности их путешествия сходятся. Около 2 августа (Юзеф Ку-

чак приводит 1 августа) они вышли из родной деревни братьев Кучаков по направлению к чехословацкой границе. «Дорога от Серокосца до Ужгорода заняла три недели», — рассказывает Владимир Терешко. 25 августа 1931 года в 15.00 они садятся в скорый поезд, который привезет их в Прагу.

Роман Кучак, руководитель группы, признает: «Из Ужгорода мы приехали на поезде в Прагу, где шесть дней жили в отеле «Либуше» на Белградском проспекте, на Виноградах. В отеле этом мы, однако, были записаны под вымышленными именами. Я записался как Богдан Чайка, Юзеф Кучак — как Стефан Недоля, а Владимир Терешко на имя Зиновия Купченко. Эти имена мы взяли без всякого умысла, просто из легкомыслия».

Верил ли Роману Кучаку старший полицейский комиссар Винич, этого мы не знаем.

Прежде чем попасть к нему в руки, беглецы встретились со своими сообщниками и были вывезены ими к некоему Дубу в Горни-Ружодол под Либерцем, где дожидались оформления документов на выезд в Бельгию.

11 сентября 1931 года ежедневная газета чехословацкой социал-демократической партии «Право лиду» сообщает о награде в 50 000 польских злотых за выдачу Юзефа и Романа Кучаков и Владимира Терешко. «Право лиду» читают некий слесарь Франтишек Шварц с женой, живущие в Горни-Ружодоле, на Ештедской улице, 50, то есть в том же доме, где украинец по прозвищу Дуб укрывал убийц.

Пребывание трех украинцев здесь так же трудно утаить, как слону станцевать на балу.

Прельщенный огромной суммой обещанного вознаграждения, Франтишек Шварц отправляется

на следующий день в либерецкое отделение полиции. Там еще день раздумывают. И лишь 14 сентября посылают полицейских, которые арестовывают братьев Кучаков и Терешко.

Однако министерства в то время гораздо легче давали обещания, чем их выполняли. Уже 1 февраля 1932 года обращается нижеподписавшийся Франтишек Шварц, слесарь, проживающий в Горни-Ружодоле, в «министерство юстиции Республики Чехословацкой» и пишет: «Поскольку обещана награда тем, кто наведет полицию или жандармерию на след этих грабителей, на эту награду претендую я, а вовсе не полиция. Я твердо надеюсь, что министерство юстиции ЧСР решит дело в мою пользу и посодействует, чтобы обещание о награде, опубликованное в прессе, было соответствующими державами выполнено, и проследит за правильным исполнением этого».

Но ожидание Шварца оказалось напрасным.

Итак, политическая полиция арестовала Кучаков и Терешко. Районный суд в Либерце закатал им четырнадцать дней заключения за «паспортное нарушение», то есть за то, что они явились на территорию Чехословацкой республики без соответствующих паспортов.

А потом они должны были попасть в так называемое экстрадиционное заключение, то есть заключение перед выдачей. Из него была одна дорога: на польскую границу, затем их ожидал польский суд и виселица, которую бы им обеспечила юстиция Пилсудского. Однако через месяц их перевезли из Либерца через всю республику в Кошице. Суд над Кучаками и Терешко в Кошице вынес приговор о передаче их польским властям. Это решение было по инстанции отправлено в Прагу. Теперь дело оставалось за приказом: когда, где

и как оуновцы будут выданы польским органам безопасности.

Министерство юстиции по делу братьев Кучаков и Владимира Терешко принимает решение: «боевики» будут выданы Польше. Место выдачи — жандармский пункт Тешин.

Однако не пройдет и недели, как решение будет отменено.

Игра пошла по-крупному. 1 мая 1932 года в предписании президиума областного управления в Праге президиуму министерства внутренних дел сообщается, что «переговоры по дипломатическим каналам об их выдаче за совершенное ими нападение на почту и убийство жандарма Юзефа Чипчинского до сих пор не завершены».

Наконец, будет принято соломоново решение. Оуновцев отведут на границу и выпроводят в Германию. Там их следы теряются. Однако открылась новая страница в польско-чехословацких отношениях. Напряженность между двумя странами возрастает. Каждое убийство жандарма, каждое нападение на почтовую машину, а их были десятки ежегодно, приводят к тому, что преступников ищут в Чехословакии, хотя их следовало бы все чаще искать в Германии.

XIII. КАЖДОМУ СВОЕ МЕСТО

Вначале появилась небольшая заметка в московской газете «Известия». В ней говорилось, что в феврале 1934 года главарь ОУН Евгений Коновалец встретился с Германом Герингом, вторым после фюрера лицом в нацистской Германии.

В секции 11-ц чехословацкого министерства иностранных дел, где, помимо всего прочего, обрабатывали мировую прессу, как говорится, запрядали ушами. Дело в том, что, по данным отдела „N“ министерства внутренних дел и 2-го отдела Генерального штаба (а это подтверждала и информация секции 11-ц министерства иностранных дел), в то время, когда по сообщению «Известий» Коновалец встретился с Герингом, тот должен был бы находиться далеко от Берлина.

В Праге задавали вопрос: «Может быть, агенты ошиблись?» Это могло означать, что в момент, когда и без того ситуация в Европе осложняется, Чехословакия, оказывается, не сможет положиться ни на одну из своих разведывательных служб. А небольшому государству, каким является Чехословакия, необходимы хорошие и сильные разведывательные службы. Или возможно... Или возможно, корреспондент «Известий», как говорится, клюнул на удочку и для этого были какие-то веские основания.

В Праге решили: проверить. Где был Коновалец, с кем встречался. Это было немного странно, но в течение двух недель брненская точка представляла точный и исчерпывающий ответ.

Встречи Коновальца с Герингом не было, но главарь ОУН встретился с полковником фон Рейхенау и Рудольфом Дильсом в бывшей шикарной квартире Геринга на Рейхсканзлейплац.

Геринг сравнительно недавно перебрался в свою новую роскошную резиденцию Каринхолл. В то время об этом знала лишь верхушка нацистской партии, полиция и боссы из военного министерства на Бендлерштрассе. И, естественно, охрана и прислуга. А они предпочитали молчать. Так что получалось все просто и понятно: посетитель ста-

рой квартиры Геринга для корреспондента «Известий» стал гостем самого Геринга.

Брненскому агенту политической полиции удалось узнать не только кто и где принял участие во встрече, но выяснить и предмет разговора в доме номер три на Рейхсканцлейплац.

Здесь собрались Коновалец, введенный в состав Провода ОУН агент нацистов Рико Ярый, известный также под кличкой Карпат, полковник фон Рейхенау — серый кардинал военного министерства на Бендлерштрассе. И, наконец, новый хозяин бывшей квартиры Геринга Рудольф Дильс, в прошлом мелкий служащий прусской полиции, а во время встречи — шеф зарождавшегося гестапо.

Согласно сообщению брненской точки, по совету шефа разведслужбы нацистского министерства пропаганды де Савари, также проявившего интерес к встрече с Коновальцем, главарю ОУН дали возможность изложить программу действий возглавлявшейся им организации. Когда же Коновалец начал было распространяться о планах создания «самостийной державы», Рейхенау прервал его. Судьбу Украины будет решать фюрер. Однако Коновалец и его сообщники могут помочь в этом, если будут искренне и честно сотрудничать с нацистскими разведывательными органами, собирать и поставлять необходимую им секретную информацию.

Дильс по-деловому холоден. ОУН — это сборище доносчиков. Господин полковник не согласен? Пожалуйста. Оуновцы работают платными осветомителями полиции в Праге, Брно, Берлине, Братиславе, Варшаве, Львове, Люцерне, Берне, Женеве, Париже, Лионе, Мадриде, Лондоне. Дильс мог бы продолжать и дальше. Но это ни к чему.

Нужно поставить всех членов организации на

службу Германии. Фон Рейхенау обязывает Коновальца сотрудничать с нацистской армейской разведывательной службой, которую в тот период возглавлял бригадный капитан Ратзиг из абвера.

Дильс конкретизирует задачи, которые нужно решать в интересах разведслужбы нацистской партии: использовать организационную сеть ОУН, чтобы внедрить агентуру в полицию и секретные службы Литвы, Латвии и Эстонии, Чехословакии, Румынии и Югославии, Балканских стран, Швейцарии и Австрии.

За это ОУН получит месячный гонорар в размере 50 000 рейхсмарок. Гонорар по усмотрению Коновальца может быть выплачен через курьера в Женеве или получен в немецком представительстве в Берне.

Таким образом, ОУН официально превратилась в то, чем была всегда, то есть в платную осведомительную службу. И никакие пропагандистские речи не могут изменить этот факт.

Коновальцу предстояло активизировать работу — нацисты не намеревались выбрасывать деньги на ветер. В лице подчиненных Коновальцу оуновцев им нужны были не заумные политиканы, а шпионы, диверсанты, осведомители, наподобие тех, кто подслушивает, какие анекдоты рассказывают о Гитлере в мюнхенских или дуйсбургских пивнушках.

Итак, отношения ОУН с нацистами приобрели четкие очертания.

Специальные службы нацистской Германии с самого начала стремились объединить разрозненные украинские националистические организации в единый кулак с тем, чтобы использовать их в подрывной работе против Советского Союза и других государств.

В результате уже в 1934 году в среде украинских националистов развернулась бурная деятельность по созыву Всеукраинского национального конгресса, на котором были бы представлены все националистические группировки из стран поселения украинской эмиграции. Предполагалось, что на конгрессе должен был быть создан Всеукраинский конгрессовый комитет, с помощью которого можно было бы использовать по своему усмотрению если не всю украинскую эмиграцию, то по крайней мере ее националистическую часть.

Практическая подготовка конгресса не случайно оказалась в руках одиозных деятелей контрреволюционной эмиграции. Наибольшую активность среди них проявлял Виктор Приходько, бывший министр юстиции Директории. Кстати, после окончания второй мировой войны Приходько нашел прибежище в Нью-Йорке и многие годы выступал как представитель «правительства Украинской народной республики в изгнании». Благодаря его стараниям к организационной работе по созыву конгресса подключились проживавшие в Чехословакии бывший министр внутренних дел и председатель совета министров Украинской народной республики (УНР) Исаак Мазепа, представлявший Украинскую социал-демократическую рабочую партию, а также главарь эсеров из Украинской партии социалистов-революционеров, бывший министр просвещения УНР Никифор Григорьев. Все трое были известны как активные прогерманские, профашистские деятели украинской националистической эмиграции, все трое именовались «профессорами», все были послушными исполнителями распоряжений германских шпионско-диверсионных служб.

Принадлежность Виктора Приходько, Исаака

Мазепы к карательным органам контрреволюционных правительств УНР до некоторой степени объясняет особые симпатии к ним германских специальных служб. Архивные документы проливают свет и на третьего участника этой тройцы, которая, по замыслу германских специалистов по тайным операциям, должна была обеспечить внешнее прикрытие и создать видимость созыва Всеукраинского конгресса по инициативе снизу, то есть по инициативе националистических партий и организаций.

Григорьев

Что касается самого Никифора Григорьева, перечисленные ниже факты весьма показательны для его характеристики и роли, которую он играет в настоящее время.

1. В течение многих лет ближайшим другом и сотрудником Григорьева был отъявленный антисемит Никита Шаповал. Оба они распространяли множество антисемитских пропагандистских изданий. В Праге они издавали под собственными именами журнал «Суспильство» («Общество»), содержащий такие типичные пассажи, как в № III—IV, 1926 г.:

«Как свидетельствуют факты, евреи всегда примыкали к господствующей расе и вместе с нею эксплуатировали угнетенную расу. Когда угнетенная раса восставала, евреи вставали на сторону угнетателей... Большая борьба против евреев предстоит на территории Украины, Белоруссии, Литвы и Польши... Поскольку как Советская Россия, так и Советская Украина в политическом отношении находятся в руках евреев, проблема свержения советского режи-

ма логически превратится в антиеврейскую акцию...»

2. В Европе Григорьев специализировался на распространении нацистских пропагандистских изданий, нападавших на Соединенные Штаты и Великобританию. Многие из этих материалов появлялись в периодическом издании «Трудова Украина», публиковавшемся в Праге Григорьевым и Шаповалом и называвшемся ими «центральным органом Украинской партии социалистов-революционеров»...

3. Когда в 1938 году Григорьев прибыл в Соединенные Штаты, он развернул энергичную кампанию среди американских украинцев за создание антисоветского блока и поддержку идеи «независимой Украины».

4. Когда в ноябре 1941 года на Кубе была вскрыта украинско-нацистская шпионская группа, гаванская пресса заявила, что «активный агент гестапо» Никифор Григорьев приезжал на Кубу в 1940 году и совещался с руководителями «пятой колонны». Кубинская пресса опубликовала фотографии Григорьева, сопроводив их заголовком, из которого было ясно, что он привез инструкции для ведущих нацистов-украинцев в Гаване. Один из участников «пятой колонны», встречавшихся с Григорьевым, Юрко Федорко писал своему другу: «Нацистская Германия поможет нам. Она поможет нам, так как помогает каждому доброму делу, отвечающему ее и нашим интересам». Когда Григорьев возвратился в Соединенные Штаты после поездки на Кубу, он написал статью, в которой хвастался своими встречами с нацистами-украинцами в Гаване.

5. Григорьев писал статьи для выходящей на украинском языке в Детройте подрывной газеты

«Батькивщина» («Отечество»). Из-за пронацистского содержания эта газета была запрещена в Канаде. Публикации готовились немецким шпионом, капитаном Леонидом Клименко, одним из сотрудников Григорьева. В «Батькивщине» имена Клименко и Григорьева появлялись вместе.

б. Среди нацистов-украинцев, с которыми сотрудничал Григорьев в США, находился Джон Кус из Детройта, штат Мичиган. Кус являлся профессиональным промышленным шпионом и лидером гетманцев на Среднем Западе; в 1938 году он телеграфировал Адольфу Гитлеру, поздравляя его с разрешением «проблемы меньшинств».

* * *

Концентрация в Чехословакии таких рафинированных пронацистских исполнителей, как Мазепа, Приходько, Григорьев, сыграла немаловажную роль в том, что именно в националистической среде на территории Чехословакии первоначально проявилась «инициатива снизу» по поводу созыва объединительного Всеукраинского национального конгресса. С тем чтобы подключить к подготовке конгресса националистические организации в Галиции и других украинских областях, находившихся в то время в составе Польши, Приходько лично совершил поездку во Львов. В результате в Чехословакию для встречи с Мазепой и Григорьевым приехал Матвей Стахив, который от имени представлявшей им Украинской социалистическо-радикальной партии (УСРП) принял на себя функции организатора подготовки Всеукраинского национального конгресса.

Вскоре после этой встречи, летом 1934 года,

во Львове был создан Временный инициативный комитет, от которого его создатели рассчитывали получить проект платформы Всеукраинского национального конгресса и устава планируемого Всеукраинского конгрессового комитета.

В состав Временного комитета вошли представители ряда местных националистических партий и организаций, наиболее активными из которых были:

— Матвей Стахив — от Украинской социалистическо-радикальной партии (УСРП);

— Дмитрий Левицкий — председатель Украинского национально-демократического объединения (УНДО), известного своим соглашательством и откровенным прислужничеством профашистскому режиму панской Польши. Печатный орган УНДО газета «Дило» стала главной трибуной В. Приходько и Временного инициативного комитета для пропаганды созыва объединительного конгресса;

— Осип Назарук, бывший министр прессы и пропаганды в правительстве Украинской народной республики, — от клерикальной «Украинской народной обновы», находившейся под патронатом епископа Станиславской епархии греко-католической церкви Григория Хомишина, того самого епископа Григория, который в 1943 году обратился к верующим Станиславской епархии с призывом вступать добровольцами в эсэсовскую дивизию «Галициен».

Обязанности секретаря комитета выполнял Любомир Макарушка, известный нацистский коллаборационист, назначенный позднее, в 1943 году, на пост заведующего отделом офицерских кадров Военной управы дивизии СС «Галициен». В самой дивизии гауптштурмфюрер СС Макарушка до апреля 1945 года состоял в качестве советника при

командире дивизии бригаденфюрере СС Фрице Фрайтаге.

В соответствии с замыслом инициаторов объединительного конгресса на нем должен был быть образован единый руководящий центр, распоряжения которого были бы обязательными для всех организаций-участников. Эта идея нашла свое отражение в пункте третьем проекта платформы конгресса, предложенного на рассмотрение Временным инициативным комитетом. Им предусматривалось, что каждая партия, принимающая участие в конгрессе, обязуется в том, что она перед каждым своим важным политическим шагом или политическим заявлением проведет консультацию с другими находящимися на данной территории партиями, которые являются участниками Всеукраинского национального конгресса.

Предлагавшийся проектом порядок согласования действий оказался неприемлемым для ряда националистических организаций, копировавших авторитарные принципы организационного построения итальянских фашистов и германских нацистов. Например, ОУН стремилась к безраздельному господству в националистической среде, даже если для этого понадобится физическое устранение противников. Лидер соглашательского УНДО Дмитрий Левицкий лично встречался с Евгением Коновальцем, пытаясь склонить его к принятию платформы, предложенной Временным инициативным комитетом. Встреча окончилась безрезультатно — главарь ОУН отверг саму возможность стать на один уровень с остальными националистическими группировками.

Не считая возможным снизойти до принятия «демократических» принципов третьего пункта платформы и «Союз гетманцев-державников», при-

знававший правление гетмана Павла Скоропадского единственно возможной формой социально-политического устройства.

В то же время были предприняты попытки использовать усилившиеся в националистической среде профашистские настроения и на этой основе создать объединение, способное противостоять организаторам созыва Всеукраинского национального конгресса. Так начал формироваться авторитарно-националистический «Фронт национального единства» (ФНЕ) во главе с Дмитрием Палиевым. К нему примкнули монархисты-гетманцы, часть членов ОУН и Украинского национально-демократического объединения, личных сторонников Палиева в период его пребывания в УНДО. Естественно, ни о каком сотрудничестве с организаторами конгресса у сторонников ФНЕ не могло быть и речи.

Палиев

Свой длинный путь измены и предательства Дмитрий Палиев начал со службы в австрийских «Украинских сечевых стрельцах», дослужился там до звания подхорунжего. Позже он был четовым (по-украински «чотар» — соответствовало званию «лейтенант») в Украинской галицийской армии, входил в состав ее штаба. В «Украинской военной организации» Палиев стал уже членом «Начальной команды» — Центрального военного комитета.

Позже он проходил по делу о покушении на диктатора буржуазно-помещичьей Польши Юзефа Пилсудского, был осужден к тюремному заключению. С 1923 года начался период его «сменовеховства», перескакивания от одной национа-

листической группировки к другой. Он входил в состав центрального комитета Украинского национал-демократического объединения и в 1928 году даже был избран от УНДО в польский сейм.

В 1933 году, вдохновленный установлением в Германии фашистской диктатуры, Палиев занялся сколачиванием своего «Фронта национального единства».

Организационно ФНЕ оформился на своем конгрессе в конце сентября 1936 года, и тогда стало окончательно ясно, что его структура и программа действий скопированы с нацистской национал-социалистской партии. Так и закрепилось за «Фронтом» мнение как о мини-копии нацистской партии. Действия «Фронта национального единства» и его «вождя» Дмитрия Палиева еще до официального организационного оформления ФНЕ оказались на некоторое время в центре внимания украинской националистической печати. Так, например, львовская газета «Дило», резко выступавшая против несогласных с проведением Всеукраинского национального конгресса, не преминула дать бой и Дмитрию Палиеву. Статья под названием «На дне (по поводу высших подвигов палиевщины)», опубликованная в газете «Дило» 18 марта 1936 года, лишней раз убеждает, что ФНЕ, как и другие копировавшие фашистские методы националистические организации (например, ОУН), ради достижения своих целей готовы были на любые поступки, вплоть до устранения противников пулей или доносом.

Когда в 1943 году гитлеровское командование СС приступило к формированию эсэсовской дивизии «Галициен» из числа украинских националистов и других нацистских коллаборационистов, нашлось дело и «украинскому Гитлеру»

Дмитрию Палиеву. В Военной управе дивизии он занимался подбором офицерского состава, обеспечивал его надежность и соответствие требованиям, предъявлявшимся к офицерам войск СС.

Имея определенный опыт службы в контрреволюционных войсках периода 1917—1920 годов, Палиев активно включился в подготовку рекрутов, главным образом в области формирования у них нацистского мировоззрения. Не случайно нынешние историки из числа участников дивизии СС «Галициен» совершенно серьезно называют его «духовным наставником» и даже «идеологом дивизии».

Редко какое сборище националистов и тем более эсэсовцев обходилось без выступления гауптштурмфюрера СС Дмитрия Палиева. Он клялся в верности третьему рейху, выступая 15 февраля 1944 года во Львове на похоронах вице-губернатора дистрикта Галициен Отто Бауэра, преступления которого против польского и украинского народов были прерваны карающей пулей народного мстителя, легендарного советского разведчика Николая Кузнецова.

15 мая 1944 года Палиев написал для использования пропагандистами из так называемой «Информационной службы» дивизии СС «Галициен» реферат под названием «Наши обязанности и задачи», в котором предрекал «полную гибель некоторых народов», судьбу которых «определит результат войны. К тем народам, которым угрожает полное физическое уничтожение,— кошунствовал Палиев,— относимся и мы».

Тем не менее положение «духовного наставника» обязывало, и Палиев в заключение своего реферата начертал: «Немцы дают нам возможность создавать дивизию, помогают нам в этом

специалистами, материалами, опытом. Наша обязанность доказать, что мы действительно заслуживаем того, чтобы немцы помогли нам создать не одну, но десять дивизий».

Через два дня в дивизию СС «Галициен» прибыл ее верховный главнокомандующий, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, выступивший перед командным составом с речью, изобилующей требованиями о беспрекословном подчинении приказам командования войск СС. И здесь «идеолог дивизии» не удержался, чтобы не выступить с заверениями, что только что полученный от Гиммлера приказ о выступлении на Восточный фронт будет исполнен галицийскими эсэсовцами с должным рвением.

Палиева, как послушного исполнителя воли рейхсфюрера СС, красочно характеризует его речь, произнесенная в июне 1944 года перед выступлением дивизии СС «Галициен» на Восточный фронт. Отрывки из нее публиковались в журнале «Вести комбатанта» (орган «Братства бывших воинов» дивизии СС «Галициен»), № 5-6 1968 года. Журнал, в частности, цитирует такой фрагмент его речи: «И наконец, мы учимся наибольшему в жизни искусству, являющемуся предпосылкой любого успеха: солидарности и послушанию... Нигде так, как в армии, мы не учимся, что жизнь построена на следующих пяти принципах: 1. Армия не политикует. 2. Армия сохраняет лад и порядок. 3. Армия держится на послушании и дисциплине. 4. Основой армии является товарищество. 5. Армия верна присяге».

Обращает на себя внимание, что Палиев почти дословно повторил требования, изложенные Гиммлером при выступлении перед командным составом дивизии СС «Галициен». Тогда Гиммлер убеж-

дал своих эсэсовских подручных, что «на приказах и послушании зиждется благополучие народа», и требовал от них:

Первое, в дивизии не должно проводиться никакой политики...

Второе, что я от вас требую, это порядка, порядка в большом и малом...

Третье, что я требую, это послушания...

Четвертое, что я требую, это товарищества... Будьте товарищами в этой дивизии Европы, в этой дивизии, принявшей святую присягу на верность мужу, который является фюрером нас всех...

И пятое, и последнее, ожидаю от вас: верности этому мужу, о котором я говорил вам и который станет спасителем Европы и творцом вашего будущего...

Вот классический пример того, как требования одного из главных нацистских военных преступников, рейхсфюрера Гимmlера, выдавались гауптштурмфюрером СС Палиевым и сотнями других фашиствующих украинских националистов за свои собственные мысли. Кстати, сентенции, подобные содержащимся в процитированной речи Палиева, теперешние националистические «духовные наставники» пытаются истолковывать как «самостийницькие» и свидетельствующие о якобы имевших место антигитлеровских выступлениях со стороны националистов.

В июле 1944 года, в первых же боях против частей Советской Армии под древним украинским городом Броды, дивизия СС «Галициен» была разгромлена. Не вышел из «Бродского котла» и Палиев. На этом оборвалась карьера гауптштурмфюрера СС, так и не дождавшегося осуществления своей мечты стать «украинским Гитлером».

Из-за таких, как Коновалец или Палиев, воинствующих претендентов в националистические мини-фюреры, планировавшееся в берлинских кабинетах объединение разрозненных украинских националистических организаций не состоялось. Самое большее, на что оказались способными сторонники объединения,— это провести во Львове 24—28 декабря 1934 года так называемое предконгрессовое совещание, которое официально подтвердило, что об объединении в полном смысле этого слова не может быть и речи. На совещании не было представителей ни ОУН, ни ФНЕ, ни гетманцев, а объединение представленных на нем организаций не могло удовлетворить инициаторов «консолидационной акции».

Действительно, на львовское совещание собрались фактически уже бывшие, пережившие самое себя «деятели», выступавшие от имени таких же бывших политических организаций. Их было всего семь:

- Партия социалистов-революционеров,
- Социалистическо-радикальная партия,
- Национально-демократическое объединение,
- Социал-демократическая партия,
- Социал-демократическая рабочая партия,
- «Народная обнова»,
- Радикально-демократическая партия.

Все они к своим названиям прибавляли слово «украинская», «украинское», хотя от этого ничуть не становились ближе к украинскому народу, против которого, по существу, вели свою подрывную работу.

Сами наименования этих организаций, среди

которых преобладали «партии», свидетельствовали о том, что они являлись пережитком начала XX века, когда ряд вопросов еще пытались решать так называемым «парламентским» путем, путем межпартийных соглашений. Но уже к середине 30-х годов украинская националистическая среда за границей перестроилась и стремилась во всем следовать примеру итальянских фашистов и германских нацистов, отвергавших парламентаризм, демократию и любыми средствами утверждавших тоталитаризм.

Последующие события только подтвердили, что ни одна из перечисленных выше «партий» не имела ни малейших перспектив на политическую реанимацию, хотя на совещании во Львове они еще по инерции говорили о консолидации, образовали даже Подготовительный комитет Всеукраинского национального конгресса.

Полицейские службы европейских государств внимательно следили за попытками гитлеровских спецслужб собрать воедино зарубежные антисоветские организации или хотя бы загнать их в несколько укрупненных автономных политических гетто. 19 марта 1935 года начальник пражской полиции направил в президиум министерства внутренних дел Чехословакии специальный секретный доклад, озаглавленный «Попытка консолидации украинцев». В докладе указывалось, что «24—28 декабря 1934 г. в гор. Львове в Галиции состоялось совещание или конференция нескольких украинских политических партий, целью которого было подготовить почву для окончательной реализации идеи объединения всех украинцев...».

Перечислив участников львовской встречи, полицейский шеф обратил внимание также на следующее:

«В свете этих событий приобретает значение прием, устроенный Гитлером, в честь украинских руководителей в первые дни февраля. Много раз был принят Коновалец, не менее часто принимали Скоропадского, проф. Дорошенко, князя Сапегу и д-ра Мациевича.

...После приема у Гитлера состоялась встреча с Розенбергом. Здесь в основном говорилось о возможностях военных осложнений в Европе. Было подчеркнуто, что украинцы должны закончить свою подготовку за границей и на территории Украины до осени 1936 года. Именно тогда можно будет решить украинскую проблему...»

Что это? Отголосок намерений гитлеровского руководства «расправиться» с СССР еще в 1936 году? Не потому ли так торопились инициаторы созыва объединительного Всеукраинского национального конгресса и семеро их представителей в Подготовительном комитете?

Вскоре, однако, и эта семерка распалась, и началось это сразу после завершения «предконгрессового совещания». Уже 30 декабря 1934 года по инициативе эсеров четыре партии (Украинская партия социалистов-революционеров, Украинская социалистическо-радикальная партия, Украинская социал-демократическая партия и Украинская социал-демократическая рабочая партия) пошли на сепаратное соглашение и провозгласили об объединении во вновь образованном ими «Украинском социалистическом блоке».

С другой стороны, глава Украинского национально-демократического объединения и депутат от него в польский сейм Дмитрий Левицкий, выступая 5 февраля 1935 года в сейме, декларировал свои полонофильские чувства и отрицательное отношение к попыткам из-за границы каким-либо

образом влиять на политику возглавляемой им организации. Летом 1935 года во время выборов в польский сейм УНДО уже открыто выступило в поддержку шовинистической политики правительственных кругов буржуазно-помещичьей, быстро фашизирующей Польши.

Тем не менее германские спецслужбы продолжали пытаться собрать в единый кулак разрозненные антисоветские группировки. То одна, то другая заграничная организация поднимала вопрос об объединении, публиковала воззвания, обращалась к различным германским ведомствам с призывом употребить власть в отношении непослушных, подчинить их авторам очередной «инициативной» кампании. Вот одно из таких обращений, в котором указывается, какую пользу могли бы извлечь германские власти из будущего объединения и на что рассчитывают сами авторы письма:

*«Господину
рейхскригерфюреру
и группенфюреру СС
генералу пехоты
Рейнгарду
Берлин В-30,
Гейсбергерштрассе, 2.*

...Мы просим вас, если это возможно, поговорить в этом смысле с министром г-ном фон Риббентропом и рейхсфюрером СС Гиммлером.

1. Германия имеет возможность и историческое право на объединение всех украинцев под одной крышей и на едином жизненном пространстве, установить для украинцев единое и единственное политическое руководство. Пусть это будет единое национальное или единое монархическое руководство...

4. Незначительные в количественном отношении организации можно распустить и создать или единую украинскую организацию, или три таких организации: а) националистическую, б) монархическую и в) организацию фронтовых бойцов.

Таким образом, исходя из причин административно-контрольного характера, можно будет осуществлять единый надзор за деятельностью всех украинцев. Того же хотят и украинские фронтовые бойцы в Польше, с которыми мы поддерживаем тесный контакт.

Хайль Гитлер! Слава Украине!

*Подписал Омелянович-Павленко,
генерал-поручик и вождь украинских фронтовых бойцов.*

Прага XI, Томкова, 8.

Прага, 8 июля 1939 г.

Инж. А. Галька

Заместитель Дзюбенко, инженер-полковник.

В «Союз украинских фронтовых бойцов», вождем которого называл себя Омелянович-Павленко, входили организации бывших участников контрреволюционных армий украинских буржуазно-националистических правительств. Письмо вместе с Омеляновичем-Павленко подписали руководители двух таких организаций: Дзюбенко возглавлял «Украинский союз гетмана Мазепы», а Антон Галька — «Коллегию памятного военного знака отличия Украинской галицийской армии», основанную в 1924 году с участием Омеляновича-Павленко.

Петлюровский генерал, бывший «начальный вождь УГА в Галиции» Михаил Омелянович-Павленко некоторое время активно использовался правителями панской Польши для непосредственной вооруженной борьбы против Советской

Украины — в 1919 году был одним из руководителей так называемого «зимнего похода» петлюровцев на территорию Украины. За границей возглавлял также «Клуб украинских командиров», а 22 июня 1941 года принял участие в съезде «украинской политической эмиграции» в Кракове, в июле того же года был принят генерал-губернатором Гансом Франком, в беседе с которым просил оказать помощь в организации воинской части из числа украинских националистов для борьбы против СССР. Тогда же он вместе с «вождем» ОУН Андреем Мельником и другими нацистскими коллаборационистами поставил свою подпись под обращением к нацистскому руководству Германии с той же просьбой о создании воинской части для использования в интересах Германии совместно с «легионами Европы, плечо к плечу с ...немецким вермахтом». Письмо было сдано в краковский отдел абвера для отправки по адресу.

В январе 1942 года Омелянович-Павленко снова, на этот раз совместно с митрополитом униатской церкви Андреем Шептицким, Андреем Мельником и другими нацистскими коллаборационистами, подписал верноподданническое письмо Адольфу Гитлеру, подтверждая неизменное стремление содействовать установлению на территории Украины фашистского «нового порядка».

Когда в 1943 году рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером было объявлено о решении создать дивизию СС «Галициен», Омелянович-Павленко воспринял это как воплощение его неоднократных ходатайств и обратился в Военную управу этой эсэсовской дивизии со следующим письмом:

*«Коллегия памятного военного знака отличия
Украинской галицийской армии
Прага, 5 мая 1943*

*В украинскую Военную управу
во Львове.*

Известие о создании «СС стрелковой дивизии Галичина» преисполняет нас неопишущей радостью, а особенно факт, что связывается с традицией нашего похода против большевиков в 1918—1920 годы и что украинским комбатантам предоставляется возможность продолжать начатое ими великое дело.

Примите наши наисердечнейшие пожелания наилучших успехов.

Хайль Гитлер!

Слава украинской армии!

За капитулу П.В.З.УГА:

Ген.-поручик М. Омелянович-Павленко.

За коллегия П.В.З.УГА:

председатель поруч., инж. А. Галька, секретарь чотар Я. Олексенко».

Публикуемые здесь письма Омеляновича-Павленко и его сообщников свидетельствуют об их непреходящей последовательности в восхвалении Гитлера. Именно на таких послушных исполнителей рассчитывали нацистские фюреры и лейтеры, когда ставили перед ними задачу собрать разрозненные националистические организации воедино или хотя бы в нескольких объединительных группированиях. Тезис о «трех организациях» поддерживали в конце 30-х годов и другие нацистские коллаборационисты. Об этом, а также об очередной попытке консолидации антисоветских эмигрантских групп говорилось в газете «Нью-Йоркские листы» от 11 апреля 1940 года в статье под выразительным заголовком «Русские монархисты на службе гестапо»:

«Гестапо привлекло в Праге к себе на службу

ряд русских монархистов. Возглавляет их бывший царский полковник Лимонд. В соответствии с постановлением немецких властей все русские и украинцы на территории третьего рейха должны объединиться в трех основных организациях. Кто не запишется ни в одну из них, будет наказан. Руководителем этой эмиграции в Германии является бывший царский генерал Бельский».

За пару месяцев до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, в апреле 1941 года, один из наиболее доверенных агентов германского абвера, значившийся в картотеке под псевдонимом Консул Первый,— главарь Провода украинских националистов Андрей Мельник вновь заговорил об «объединении» зарубежных националистов. В распространенном им среди националистов воззвании содержался также явный призыв готовиться к предстоящей «решающей битве». В воззвании, в частности, говорилось:

«Националисты!

...Современные события диктуют ускорение мобилизации всего украинства. Речь идет не о старых «объединениях» групп и партий, с которыми ОУН никогда не найдет общего пути, а о присоединении к националистическому движению и сосредоточении вокруг этого всех здоровых сил украинской нации.

...Ибо пора великая есть, и от вашей способности к борьбе и творчеству будет зависеть на долгие годы быть или не быть украинской державе. Верю, что вы выдержите все трудности и испытания! Ожидая, что сохраните равновесие духа и хладнокровие, так необходимые в нынешнее время. Знаю, что в нужное время вы железной лавиной двинетесь со мной в решительный бой!..»

Как видно из текста приведенного выше звания, главарь ОУН ратовал за объединение националистических организаций вокруг возглавляемой им ОУН. Более того, он открыто заявлял, что будущее объединение он представляет себе в виде «присоединения к националистическому движению», во главе которого, конечно же, видел себя — «вождя ОУН». В который уже раз повторялась старая история — стремление к безоговорочному верховенству в националистической среде, что и было первопричиной срыва объединительной акции, затеянной гитлеровскими специальными службами.

Тем не менее гитлеровцы стремились пунктуально выполнить запланированное, если не ради собственной консолидации разрозненных антисоветских группировок, то хотя бы для достижения определенного пропагандистского эффекта. Не исключено, что немаловажную роль в определении их поведения играло банальное стремление пусть формально, но «закрывать дело», поставив канцелярскую галочку в графе «исполнение».

Так, в фашистских печатных изданиях появилось сообщение, что 22 июня 1941 года, то есть в день нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, в оккупированном польском городе Кракове состоялся съезд «украинской политической эмиграции», созванный с целью «устранения внутренних междоусобиц и объединения украинской эмиграции». На этом съезде был также образован координационный «Украинский национальный комитет», который в тот же день провел свое первое заседание. В протоколе этого заседания указывалось в частности:

«1. 22 июня 1941 г. в Кракове состоялся съезд украинцев, проживающих за границей, на кото-

ром был избран Украинский национальный комитет.

2. Украинский национальный комитет объединяет представителей всех признанных украинских групп, примыкающих к национальному движению, а также все профессиональные группировки, находящиеся в областях вне территории Советской России...

5. Украинский национальный комитет, как результат объединения всех украинских национальных групп, являет собой единое и независимое представительство украинского народа за границей...

7. На заседании было решено направить телеграмму вождю Великогерманского рейха Адольфу Гитлеру (см. приложение).

8. Украинский национальный комитет выражает правительству Великой Германии через генерального губернатора министра рейха д-ра Франка свои самые сердечные чувства и готовность к сотрудничеству в деле завоевания свободы Украины и установления нового порядка в самостоятельной государственной жизни Украины.

9. Украинский национальный комитет проявляет готовность уничтожить большевизм во всех областях...

10. Исходя из тех же доводов приказано проводить в отношении УНК соответствующую пропаганду в печати, как в украинской, так и в немецкой и другой печати...»

Созыв и проведение съезда «украинской политической эмиграции», создание «Украинского национального комитета» — все это было проделано в течение первого дня гитлеровского «похода на Восток». Ближайшие дни и последующие события явили такой же образец сверхскоростного

выполнения заранее спланированных в берлинских кабинетах мероприятий, дополнявших план «Барбаросса».

Взять хотя бы 30 июня 1941 года, первый день оккупации гитлеровскими войсками Львова. В этот день абверовский диверсионно-террористический батальон «Нахтигаль» приступил к уничтожению львовских прогрессивных общественных деятелей, ученых, писателей, начал продолжавшийся долгие дни, месяцы, годы еврейский погром. Вечером того же дня в помещении бывшего общества «Просвиты» (того самого, где долгие годы служил дед Мирослава Тодор) было инсценировано провозглашение «возобновления украинской государственности».

Собрались в здании «Просвиты» привезенные гитлеровцами националистические коллаборационисты, наспех собрали подвернувшихся под руку статистов, не удосужившись пригласить даже будущих «министров» из числа местных жителей. И все это было представлено как «великое», «национальное» собрание украинцев западных областей Украины, далеко не вся территория которых, кстати, оказалась к этому времени оккупированной фашистскими захватчиками.

Немецко-фашистская машина старалась не отстать от заданного темпа — важно было зафиксировать выполнение плана, а там дело геббельсовских подпевал, как объяснить происшедшее, как и в какой степени довести его до населения, от имени и вопреки воле которого декларировались «объединение», «возобновление государственности» и другие подобные акты.

Макогин

29 июня 1935 года.

В 8.30 утра в Ужгород въезжает черный «бьюик» с номером GB 36—46, который нельзя было не заметить. За рулем — шофер-профессионал, швейцарский подданный родом из кантона Во Г. Ковин. На заднем сиденье разместились Яков Макогин (по другим источникам проходит под именами Макгонин, Махонин, Мак-О-Гон или Макгоген.— *Прим. авт.*) со своей женой Сюзии. Рядом с водителем — племянник Макогина Кинг К. Болтон, студент университета в Кливленде.

Автомобиль останавливается перед лучшей, а в то время, собственно, единственной гостиницей Ужгорода, хотя бы частично отвечавшей европейским стандартам.

Гостиничные служащие вносят багаж, свидетельствующий как о богатстве хозяина, так и том, что владелец всех этих кожаных чемоданов, сумок и несессеров большую часть своего времени проводит в пути.

Макогин едва успевает привести себя в порядок после дороги и выпить чашечку черного кофе, а служаки из государственной полиции Ужгорода уже начеку, уже готовы вести слежку. Полицией-президиум успел связаться по телефону с отделом „N“ министерства внутренних дел и выяснить, что гость, прибывший из Швейцарии через Австрию и Венгрию, на несколько дней задержался в Будапеште.

Разъяснений не требовалось.

Каждый полицейский знает, что в Будапеште действуют центры, планирующие захват Закарпатской Украины, входящей в состав Чехословацкой Республики.

С этого момента Макогин не сможет сделать ни одного шага, о котором тут же не стало бы известно полиции.

Господа в котелках и казенных ботинках общаются, что в молочной лавке на улице Ракоци, 17, Макогин встретился с представителем местных националистов инженером Иваном Янишевским, а затем долго беседовал с ним за ужином в гостинице «Коруна».

Следующий день начался с посещения настоятеля монастыря василиан Калинича. Макогин впервые посетил Ужгород, и не надо было быть гением, чтобы заметить: на сей раз он не встретился с инженером Мурашко — своим постоянным информатором. Дело в том, что Мурашко оказался под наблюдением полиции: на него пало подозрение, возможно и ошибочное, что он укрывал убийцу польского министра внутренних дел Перацкого. Его несколько раз допрашивали.

Макогин, следовательно, поменял информаторов. Место Мурашко занял Калинич. В конце концов для братьев василиан всюду были открыты двери.

То, что Макогин занимается разведывательной деятельностью, не составляет секрета.

А ужгородская полиция даже знает против кого: «... так же, как Коновалец и К⁰ в Германии и Польше, — против Советского Союза». После установления дружественных отношений между ЧСР и СССР он приехал сюда для сбора информации о том, какая сложилась ситуация и есть ли возможность работать в его прежнем политическом ключе. Перед отъездом Макогина в ЧСР у него состоялась важная встреча с послом Яном Масариком (с сыном первого президента Чехословацкой Республики Т. Г. Масарика). Макогин спросил у него, имеются

ли теперь в Чехословакии — после установления дружественных отношений с СССР — возможности работать против Советского Союза. Посол Масарик заверил Макогина, что политическая ситуация, в общем-то, не изменилась, а поэтому дальнейшая деятельность против СССР в ЧСР вполне возможна. Посол убеждал его и в том, что Франция, Англия и Италия также добиваются ослабления СССР и его позиций на международной арене.

Чехословакия, окруженная со всех сторон государствами с фашистскими или, в лучшем случае, полуфашистскими режимами, заключает договор с единственной страной, которая может гарантировать сохранение ее государственного суверенитета, национальной независимости и демократических прав, — Советским Союзом. И одновременно она открывает зеленую улицу для недружественных действий против этого своего единственного и надежного союзника.

Макогин доволен.

А Ян Масарик?

Он должен будет еще пережить мюнхенское предательство, горечь оккупации, эмиграцию, ад гитлеровских бомбардировок Лондона и других английских городов, должен будет еще убедиться в героизме народа, который для чехословацкого народа является самым близким, чтобы еще до завершения войны, в 1944 году, заявить в передаче Би-би-си: «Для нас нет народа дороже, нет иного пути для нас, для нашего будущего как нации и государства, чем путь с Россией, Россией Советской».

Но это все еще впереди. Это понимание еще только начинает вызревать.

Сразу же возникает вопрос: каким образом ужгородские полицейские пронюхали о вещах из области высокой политики и высокой политической

стратегии? Ответ очень прост. Инженер Янишевский был не из молчаливых, а полицейские агенты не были туги на ухо.

1 июля 1935 года в 4 часа 10 минут утра черный «бьюик» с номером GB 36—46 выезжает в направлении чехословацкой государственной границы.

После отъезда Макогина полицейское управление Ужгорода сообщает президиуму министерства внутренних дел в Праге: «Посещение Макогиным ЧСР, очевидно, преследовало цель усилить дальнейшую антисоветскую деятельность здешних украинцев».

Так кто же такой Яков Макогин?

Прежде всего это сионистский агент, который после войны упоминался в материалах по делу одной из сионистских террористических организаций. То, что он связался с украинскими националистами, достаточно логично. Ведь сионизм — явление не национальное, а классовое, как и украинский буржуазный национализм.

«Внешне он похож на американского морского офицера, — пишет о нем чехословацкий посол в Варшаве доктор Гирса. — Элегантен и на первый взгляд ненавязчив. Именно это и помогало ему в его деятельности. Он присвоил себе титул князя и подписывался „Макогин-Разумовский“». Это создало много проблем для сыщиков в Подебрадах, которые перепутали графа Разумовского с рядовым «боевиком» Владимиром Разумовским, обучавшимся в хозяйственной академии в Подебрадах.

Макогин-Разумовский был одним из тех авантюристов, которыми кишела Европа 30-х годов. Да, княжескую фамилию он себе присвоил. Ибо хорошо знал снобизм американцев, в особенности американцев английского происхождения. Благодаря этому ему удалось жениться на дочери хозяина

судовладельческой компании «Куңард лайн» — одной из крупнейших в то время.

Затем Макогин перебирается в Женеву. На берегу Женевского озера он построил шикарную виллу. Здесь, в спальне жены, обставленной мебелью в стиле Людовика XV, на ночном столике красовалась фотография генерала Першинга. Американский генерал, не блиставший ни умом, ни способностями, переборол себя и сделал на ней дарственную надпись: „A la princesse Razoumovski“. Написал по-французски своей же соотечественнице, отличавшейся редким снобизмом, от американца — американке.

Макогин содержал в Женеве политический салон, который посещали многие известные американские и английские деятели. Практически в каждой европейской стране он имел свое личное представительство. В Праге его возглавлял полковник Антончук из «Общества им. Мазепы и друзей освободительной борьбы», в Лондоне — В. Киселевский, в Черновицах и Бухаресте на Макогина работал депутат румынского парламента Л. Когут, а в Женеве — некто Троцкий.

Когда все это стало известно, начали искать ответ на вопрос: откуда же такие баснословные деньги? Возникло несколько догадок. Их, собственно, обобщил в одной из своих реляций чехословацкий посол в Варшаве доктор В. Гирса. Кроме всего прочего, он написал, что Макогин-Разумовский «имеет ориентацию антибольшевистскую, антипольскую, а что касается Подкарпатской Руси — и античехословацкую».

Макогин-Разумовский в разное время симпатизировал УВО—ОУН Коновальца, монархистам из окружения гетмана Скоропадского. Потом своей симпатией, довольно непостоянной, он одарил

франкофильскую Украинскую народную республику (УНР).

«Бывший министр иностранных дел Украины Шульгин, который является представителем этой группы в Женеве, смотрит на все попытки Макогина достаточно сдержанно, несмотря на его тактичность, щедрые финансовые дары украинским политическим и культурным учреждениям за рубежом.

Украинские эмигранты в Румынии утверждают, что Макогин является агентом английской «Интеллидженс сервис» и одновременно информатором государственного департамента Соединенных Штатов», — следует из сообщения 2-го отделения румынского Генерального штаба, которое командование румынской армии передало 9 мая 1935 года чехословацкому послу в Бухаресте Шебу.

Приведенное выше утверждение румынской разведки о том, что Макогин был агентом английской «Интеллидженс сервис», кажется вполне логичным. Все представительства Макогина, его пресс-центры, информационные бюллетени, связи на Буковине, в Румынии, Польше, Закарпатской Украине и Югославии указывают на то, что он мог быть резидентом богатой, мощной и опытной секретной службы, который возглавлял агентурную сеть с двоякими задачами — собирать разведывательную информацию и проводить подрывную работу. В этом, в частности, виден почерк британской разведки. Она была мощнее и опытнее, чем разведывательные службы нацистской Германии, поэтому не сотрудничала напрямую с украинскими буржуазными националистами, а осуществляла надзор над ними с помощью агентуры Макогина.

17 апреля 1936 года, то есть менее чем через год, Яков Макогин снова появляется в Ужгороде. На сей раз с бывшим штабс-капитаном царской

армии, а впоследствии полковником украинской контрреволюционной армии Диомидом Антончуком.

В Ужгороде этот резидент Макогина по Чехословакии (полицейский протокол его прямо так и называет — «уполномоченный по ЧСР») долго не задержится. На следующий день, 18 апреля, он уезжает в Прагу. Через неделю появляется в хозяйственной академии в Подебрадах. Тем временем Макогин встречается со своим информатором Иваном Янишевским. Инженер Янишевский выдает Макогину достаточно обширную, но отнюдь не исчерпывающую информацию. Он умолчит о самом главном, о том, что поступил на службу в чехословацкую политическую полицию, а ее интересует все, что связано с Макогиным. Продался он недорого. Ему простили кое-какие долги в местном филиале пражского Промышленного банка. Закрыли глаза на недоплату налогов, договорились, что его постоянными клиентками будут жены полицейских чиновников. Но Макогин об этом не знает, а поэтому с Янишевским разговаривает совершенно откровенно, строго доверительно и даже секретно. Какое в Ужгороде сложилось впечатление от недавнего визита английского подданного Артура Нита? Что шептали о нем друг другу жены полицейских чинов? Ничего? Это хорошо. Даже прекрасно. Потому что (это чтобы инженер Янишевский мог ориентироваться) Нит является майором английской армии в отставке. Но работает он на английскую разведку. Он проехал по Балканам и странам Центральной Европы, чтобы выяснить, как эти государства отнесутся к плану военного укрепления Дарданелл как первому шагу к блокаде советского Черноморского флота. Из Ужгорода Нит отправился в Турцию, где должен провести переговоры о Дарданеллах с представите-

лями турецких разведывательных служб.

А это уже прямое доказательство того, что Макогин-Разумовский был не просто сотрудником «Интеллидженс сервис», а сотрудником на довольно высоком уровне. Ему доверяли и важные тайны.

На этот раз ему не повезло?

Случается. В то время как утром 18 апреля Макогин уезжает через Будапешт в Бухарест для традиционной «инспекции» агентуры на Балканах, Янишевский спешит к своему патрону из полицейского президиума, чтобы поделиться свежими новостями о доверительном разговоре с агентом «Интеллидженс сервис».

Одиозное имя Якова Макогина еще многие годы мелькало в скандальных репортажах и описаниях политических интриг.

Весьма примечательно упоминание о нем в книге С. Андре «Украинская проблема и мир», изданной в 1939 году в Париже. Автор цитирует заявление Макогина, опубликованное 5 декабря 1938 года лондонской газетой «Дейли экспресс», которое свидетельствует отнюдь не о политической прозорливости «князя Лео Разумовского», как его величает английская газета, а о том, что он был осведомлен о некоторых аспектах подготовки агрессии гитлеровской Германии против Польши и Советского Союза и не удержался, чтобы не выболтать ставшие ему известными факты, даты, обстоятельства.

В заявлении Макогина, в частности, говорилось:

«Через несколько месяцев, не позже июня, 43 млн. украинцев потребуют себе независимость. Это будет поддержано 200-тысячной национальной армией и Адольфом Гитлером. Если СССР и Польша откажут в автономии Украине, мы будем воевать».

Многие годы мы ждем справедливости. Мы ве-

рили демократическим странам. Они не дали нам ни помощи, ни надежды. Сейчас Германия предлагает нам и помощь, и надежду».

Макогин заявлял это менее чем через месяц после кровавой «хрустальной ночи», устроенной гитлеровцами и окончательно развеявшей остаточные надежды на возможность демократизации в нацистском третьем рейхе.

Аферист, иностранный шпион Макогин закономерно оказался в фашистской компании, прославляющей Гитлера, его агрессивные войны и погромы, вскоре переросшие в откровенный геноцид.

К сказанному следует добавить, что в хранящемся в архивах ЧССР справочнике на наиболее заметных нацистских агентов и пособников из числа украинцев, проживающих в США (по данным на август 1943 г.), Яков Макогин значится как «очень важный агент оси».

XIV. В ГУЩЕ СОБЫТИЙ

Рассказ Мирослава

Многие мои сокурсники-студенты успешно освоили практическую учебную методологию: не утруждали себя работой с первоисточниками, зато аккуратно посещали занятия, по возможности полнее конспектировали установочные лекции, как губка, впитывали все, на чем преподаватели акцентировали внимание во время предэкзаменационных консультаций. Это обеспечивало минимум знаний, необходимых для получения проходного балла. Научился такой студенческой «премудрости» и я, и это помогло выкраивать время для углубленного поиска

ответа на мучивший меня вопрос, что же такое украинский буржуазный национализм.

О нем говорилось и на лекциях, и в политических информациях, заходил об этом разговор и среди студентов. Здесь, как и во всем остальном, сталкивались противоположные мнения: кое-кто утверждал, что украинский национализм на определенной стадии своего развития имел положительное значение и сыграл свою роль в национально-освободительном движении; были и максималисты, готовые видеть националиста в любом, говорившем на украинском языке. В выступлениях на политзанятиях все, конечно, приводили формулировки из учебных пособий, цитировали определения известных государственных, политических, общественных деятелей. Другое дело — спонтанная студенческая дискуссия, в ходе которой не только высказываются убеждения, но зачастую попросту запускаются «пробные шары», когда сомнения облекаются в утвердительную форму определений, чтобы в реагировании других собеседников получить ответ, который, может быть, восполнит личную неосведомленность или рассеет непонимание.

В любом случае все мои сокурсники сходились в одном: национализм — горе и несчастье украинского народа, а между националистами и фашистами всегда стоял знак равенства. Каждое гневное слово больно ранило, будто все это говорилось о моем отце — националисте, полицейском, гестаповце (а вдруг дед Тодор имел основания называть его так?).

Вряд ли отец остался на Украине, вряд ли скрывается так искусно, что даже мать не знает, где он и что с ним. «Сидит, наверное, твой отец где-нибудь за океаном, — поделился своими соображениями Григор Богданович. — Если бы поймали здесь

и судили, уже было бы известно, а тут — как в воду канул».

И все же у меня теплилась надежда разыскать его здесь, на Украине, тем более что не все возможности были использованы. Следовало идти до конца. Поэтому я решился пожертвовать мамиными пирогами и во время каникул побывать в Ужгороде, где работала моя так неожиданно объявившаяся сестра Заряна. Заряна — Зорька — Зоренька... Красивое имя. Интересно, кто именно — мать или отец — дал ей такое звучное, ясное имя? Хотелось надеяться, что именно с ее помощью удастся зацепиться за недостающие звенья поиска.

Тетушка Яна сделала все, чтобы наши пути не разошлись, что-то писала Заряне, не упоминая, конечно, обо мне. Заряна ответила, что работает, в отпуск пока не собирается, никуда не уезжает. Таким образом, встреча с нею должна состояться. Спасибо тете Яне за помощь. Она к тому же написала для передачи Зорьке письмо, в котором назвала меня «пристойным хлопцем» и просила быть со мной откровенной.

Сестра

Позже я не раз бывал в Ужгороде, и всегда меня охватывало трудно объяснимое состояние возбуждения от приближения к границам родного края и одновременно заторможенности на грани полудремы, которая охватывает человека, казалось бы, в самый неподходящий момент, в минуту наивысшего психического напряжения. Сквозь такую пелену и воспринималось все окружающее. Редкие прохожие, встречавшиеся на извилистой улочке, лениво взбиравшейся в гору, казалось, не замечают

меня, идут себе, занятые самими собой. Вот на крыльце одноэтажного домика расположилась молоденькая блондинка, загорает, подставив лицо горячим лучам предполуденного солнца, и нет ей дела до окружающих, до замедлившего шаг прохожего.

— Добрый день,— непроизвольно вырвалось у меня, когда я почувствовал на себе пристальный взгляд белокурого чуда.

— Добрый.

— А что, оно все же упало? — какой-то бесенок настроил меня на игривый тон.

— Что упало?

— Солнце. Вы же слышали, осколок должен был упасть на землю.

— Не вы ли, случайно, свалились оттуда? — И чудо показало пальцем в сторону светила.

— Я думал, что вы оттуда...

— Я-то отсюда, а вот вы что здесь ищете?

И правда, что я здесь ищу? Дом под номером, названным мне тетей Янкой. Тем самым номером, который значится на табличке рядом с крыльцом.

— Вы Заряна? — выпалил я, пораженный внезапным совпадением.

— Заряна, но не оттуда,— и снова тот же жест, указывающий вверх,— не звездная, а земная.

Необычная судьба свела двух полуродственников, необычной оказалась встреча, но чувство симпатии к Зорьке осталось на всю жизнь. Не голос ли родственной крови?

Зорька оказалась счастливее меня. Она видела отца, когда ей было пять лет, и казался он ей большим, сильным и... злым.

— Да, да, именно злым,— рассказывала впоследствии Заряна.— Уж не помню, где и как встретились мои родители. Мама сказала: «Это твой

отец», но до меня не дошел полностью смысл этого слова. Если отец, так почему он все время говорил только с мамой? Мы все же поговорили с ним, когда я уже завелась, как чертенок. Отец взял меня на руки и спрашивает: «Ты чья девочка, ты — жидовочка?» А я возьми да и выпали: «Нет, я не жидовочка, а внучка Сталина, а за то, что ты так говоришь, я скажу, чтобы тебя посадили в тюрьму». Это мне потом не раз рассказывала мама. Сама я, конечно, запомнить такую «политическую» отповедь не смогла бы. Зато отлично помню, как рассердился отец и как обидно надавал мне шлепков. Маме тоже досталось за плохое воспитание дочери... Затем были переезды, редкие встречи с дедушкой и бабушкой, наконец, бегство матери из родного города, где одни называли ее бандитской пособницей, другие, трусливо оглядываясь, нашептывали злобные слова.

— Знаешь что, братец,— произнесла Заряна и замолчала, прислушиваясь к незнакомому слову,— не надо ничего говорить маме. Она и так натерпелась за свою жизнь, а тут еще ты и другая жена. Она у меня какая-то сломленная, что ли. Может, и я виновата — издергала ее своими чудачествами, все что-то требовала, а подумать о ней так и не удосужилась.

Несколько лет тому назад,— продолжала Заряна,— я такое натворила... Взбунтовалась, прибежала в «безпеку», мол, или сажайте меня в тюрьму, если я в ответе за отца, или не ломайте мне жизнь.

— Как это, ломать жизнь?

— Это я тогда сгоряча. Дружила с одним парнем, влюбилась даже, забросила из-за него учебу, а он... Словом, бросил. Чем-то, значит, не подошла ему. Он из благополучной семьи был, отец и мать занимали высокие посты. Я же — бандитское отродье... Сейчас мне кажется, все было не так.

Просто наговорили моему избраннику мешок пакостей: и гулящая, и сумасбродная. Потом уж рассказали подружки, как расписывали меня мои завистницы. Но это было потом, а тогда я готова была выместить зло на первом встречном. Даже, видишь ли, Советскую власть обвинила в измене подлеца.

Мое счастье,— продолжала Заряна,— попала я к умному человеку. Выплакала ему горе горькое, наговорила грубостей. Когда опомнилась, готова была сквозь землю провалиться. Ожидала и худшего. Ничуть не удивилась бы, если бы вдруг пришли за мной, взяли под белы ручки и бросили за решетку. И, знаешь ли, все же пришли, усадили в черную машину и повезли к Ужу, в здание безопасности. Вот тогда я уж по-настоящему рассвирепела, и, как только привели меня к начальнику, знакомому по первой беседе, я набросилась на него, мол, и сухарей не разрешили взять, на полном пансионе будете содержать, что ли? Начальник не стал ни кричать, ни воспитывать, как-то так по-домашнему объяснил, что ни в чем меня никто не обвиняет, а разговор касается устного заявления, сделанного мною при предыдущей встрече. «Устное заявление» — так он назвал мое полухистерическое поведение, за которое мне самой потом было стыдно.

Заряна внимательно, изучающе посмотрела на меня, как бы оценивая, способен ли я выслушать ее до конца, и тихо промолвила:

— Начальник рассказал, что мой отец занимал видное положение в ОУН, руководил националистическим подпольем в Чехословакии, а уже после войны нелегально побывал на Украине. Тогда-то я и увидела его впервые. А затем случилось самое страшное. Он перешел дорогу кому-то из мюнхен-

ских главарей. Давно уже, Мирек, нет нашего отца. Его убили оуновцы и распространили молву, что он якобы был давнишним агентом советской разведки.

— Когда же это случилось, кто убил его?

— Кто именно, мне не говорили, но дали прочесть коротенькое сообщение, напечатанное в западногерманской газете. Много лет спустя и в нашей печати появилось упоминание, что в баварском Миттенвальде находился один из бандеровских застенков, в котором служба безопасности — СБ — пыталась и убивала своих жертв. Среди жертв СБ, чьи останки закопаны в Миттенвальде, названа и фамилия нашего отца. Кто же он сам? Преступник или жертва преступников? Начальник сказал тогда, что таким отцом гордиться не приходится, но и отвечать за его преступления (а они у него были, подчеркнул начальник) дети не должны. Так вот я и живу, никто меня не преследует, не трогает, а я сама об отце помалкиваю.

Каким бы страшным ни было только что услышанное, желание докопаться до истины не улетучилось. Остались вопросы: «Кто же мой отец?», «За что его убили?», «Кто убийцы?»

Предстояло еще многое узнать, во многом разобратся, в том числе и в том, что собою представляла националистическая среда, в которой находился отец и которая в конце концов погубила его.

Центр Европы

Закарпатская Украина известна не только тем, что на ее территории находится географический центр Европы, она сама сплошь и рядом оказывалась в центре политических интриг соседних государств.

Закарпатская — Карпатская — Подкарпатская — Серебряная Украина, Карпатская — Прикарпатская — Подкарпатская — Закарпатская Русь, Закарпатье — одна и та же древнеславянская земля. Отторженная в XI столетии от Киевской Руси, она в течение девяти веков переходила из рук в руки Венгрии, Австрии и других держав и все это время не прекращала борьбу за сохранение своей национальной идентичности, за освобождение из-под иноземного ига. Стремление к воссоединению с Советской Украиной нашло свое наиболее яркое выражение в заявлении Всенародного собрания представителей украинского населения Закарпатья, состоявшегося в Хусте 21 января 1919 года. Однако этим чаяниям суждено было сбыться только в 1945 году, когда в соответствии с советско-чехословацким договором Закарпатская Украина была включена в состав Украинской Советской Социалистической Республики. Это стало возможным в результате разгрома фашизма, победы стран антигитлеровской коалиции.

Экспансионизм гитлеровской Германии проявился сразу же после установления в стране фашистской диктатуры. Сейчас, когда многие секретные документы 30-х годов стали достоянием гласности, можно с научной достоверностью классифицировать практические действия нацистского руководства Германии по подготовке к захвату тех или иных стран и к нападению на Советский Союз.

Анализ фактов свидетельствует также, что во многих случаях нацистские специальные службы, и прежде всего абвер, СД, гестапо, заблаговременно активизировали шпионско-диверсионную и провокаторскую деятельность использовавшихся ими заграничных украинских буржуазно-националистических группировок, как это было, например, нака-

нуне вторжения немецко-фашистских войск на территорию Чехословакии, Польши, Советского Союза. При этом в какой-то мере повторялись приемы, применявшиеся в годы первой мировой войны спецслужбами кайзеровской Германии и ее австро-венгерского союзника.

В середине 30-х годов Закарпатская Украина рассматривалась в планах гитлеровского «дрангах Остен» как своего рода базовый лагерь для концентрации вооруженных сил и как рупор радиовойны против Советского Союза. Если учесть, что Гитлер считал радиопропаганду «важнее террора», это уже само по себе свидетельствовало о повышенном внимании нацистских служб к территории Закарпатья. Так случилось, что впоследствии Гитлер отказался от своих первоначальных планов непосредственного военного использования Закарпатья. В расчет были приняты сложность рельефа этой области, а также ее экономическая отсталость, одним из следствий которой явилось отсутствие качественных железнодорожных и шоссейных путей сообщения.

Кроме Германии, имели виды на центр Европы и соседние профашистская Венгрия, королевская Румыния, буржуазная Чехословакия и другие государства, которые впоследствии сами стали жертвами гитлеровской агрессии. Оригинальную оценку этим устремлениям дала английская буржуазная газета «Манчестер гардиан уикли» от 27 января 1939 года. В статье «Украинцы и европейские проблемы», снабженной красноречивым подзаголовком «Происки Германии и других держав», говорилось в частности:

«От нашего дипломатического корреспондента. Государствами, которые больше всего интересуются украинским вопросом, являются Германия,

Польша, Чехословакия, Румыния, Италия, Япония и, конечно же, Россия. Германия в настоящее время не планирует никакого быстрого или принудительного «решения». Она использует Карпатскую Рутению как базу и пытается собрать под своим началом всех украинских националистов, революционеров, недовольных и эмигрантов. Пока ее усилия главным образом являются пропагандистскими и подготовительными.

С помощью германских офицеров в Карпатской Рутении происходит реорганизация секретной Украинской военной организации — УВО. Молодежь в Карпатской Рутении организуется в так называемую «Сечь», представляющую собой своего рода украинские СА¹. Возглавляют ее Клемпуш и Степан Росх², а кадры в основном рекрутируются из карпаторосских частей чехословацкой армии. Часть участников «Сечи» обучается в чешской военной академии в Брно...

Немцы развертывают радиостанцию в Хусте, которая будет вести передачи на украинском языке специально для слушателей в Советской Украине. Немцы способствуют также распространению украинского национализма, оказывая поддержку враждебным Москве движениям и тенденциям на Кавказе и в Туркестане. Главная штаб-квартира германо-украинской «акции» находится в Вене, где часть гитлеровской молодежи в принудительном порядке изучает украинский язык.

С некоторого времени интересуется украинским

¹ СА — штурмовые отряды национал-социалистской партии, являлись составной частью террористического аппарата гитлеровской Германии.— *Прим. авт.*

² Фамилия искажена. Должно быть — Россоха. Он являлся референтом «Карпатской сечи». До смерти в 1986 году жил в Канаде.— *Прим. авт.*

вопросом и Италия. В фашистском Большом совете имеется специальный репортер по украинским делам, другой — в итальянском военном министерстве. У Муссолини есть личный советник по украинским делам — д-р Энрико Инсалато, который вскоре может быть назначен консулом Италии в Хусте.

На Дальнем Востоке имеется значительная украинская колония, которая в один прекрасный день может быть использована для поддержки антирусской политики Японии. В общем, Япония все больше и глубже интересуется украинским вопросом как частью общего русского вопроса. Главный наблюдатель Японии по украинским делам в совершенстве владеет украинским языком.

Венгрия, поддерживаемая Польшей, пытается стать хозяином Карпатской Рутении, засылая через границу вооруженные банды.

12-й чешский армейский корпус защищал Карпатскую Рутению от поляков и венгров. Чехи разделяют с немцами желание (хотя и по совершенно разным мотивам) иметь сильную и независимую Украину, надеясь, что новое славянское государство нейтрализует влияние Германии в Восточной Европе.

Мечта чехов о национальной независимости, которая вновь начала пробуждаться, связывается с мечтой о независимости Украины. На первом этапе чехи хотели бы видеть создание галицийско-волынского государства, которое бы присоединилось к Карпатской Рутении и стало частью Чехословацкой федерации...»

Далее «Манчестер гардиан уикли» рассматривает причины интереса к «украинскому вопросу» со стороны Венгрии, Польши, Румынии. Как и ранее названные государства, ни одно из них не помышляло о защите действительных интересов

Украины и украинского населения в своих странах. Зато все без исключения стремились включить «украинское меньшинство» в сферу узкокорыстных политических интриг и даже если выступали за «сильное и независимое» мини-государство на основе, например, Закарпатской Украины или Галиции, то лишь затем, чтобы присоединить к нему все остальные земли Украины и включить такое искусственное государственное образование в состав собственной державы. Это не что иное, как откровенный капиталистический экспансионизм, стремление к новому переделу Европы. В этом свете весьма неприглядно выглядят события 1938—1939 годов в Закарпатье.

Мюнхенский сговор 29 сентября 1938 года между фашистскими диктаторами Германии, Италии и премьер-министрами Великобритании и Франции предопределил расчленение и последующую ликвидацию Чехословакии как независимого государства. Чехословацкое буржуазное правительство приняло продиктованные ему мюнхенским сговором капитулянтские условия, в соответствии с которыми, в частности, Закарпатская Украина должна была быть передана хортистской Венгрии.

И все же чехословацкие власти сдались не вдруг. Они прибегли к неоднократно практиковавшемуся многими странами приему: 8 октября 1938 года было сформировано так называемое «правительство автономной Прикарпатской Руси» в составе Чехословацкой Республики, а уж оно, мол, вправе самостоятельно решать свою судьбу. Таким образом, был создан юридический предлог для того, чтобы уклониться от мюнхенского диктата и оставить Закарпатскую Украину в составе Чехословакии под прикрытием ссылки на «волеизъявление» ее населения.

В действительности мнение закарпатских украинцев не интересовало ни участников мюнхенского сговора, ни буржуазные правительства Чехословакии или Венгрии. Это было настолько очевидным, что даже выступавшая в поддержку тогдашнего чехословацкого правительства газета «Нью-Йорскe листы», выходявшая на чешском языке, свою статью, опубликованную 16 декабря 1938 года и посвященную «автономным правительствам» Закарпатья, озаглавила «Предатели Подкарпатской Руси и ее народа».

В статье говорилось и о первом «автономном правительстве», члены которого были вызваны в Прагу для утверждения и соответствующего инструктажа. В газете сообщалось:

«11 октября 1938 года центральное правительство Чехословакии сформировало автономное правительство Карпатской Украины. Во главе его был поставлен Андрей Бродий. Это событие... вызвало среди сознательных масс карпатских украинцев большое беспокойство, поскольку во главе правительства оказался человек, о котором было известно, что он находится на службе венгров. Министром в его первом автономном правительстве был д-р Фенцик, также подверженный влияниям из-за границы. Наступил критический момент, и Венгрия оказала мощное давление как на Бродия, так и на Фенцика. Под ее нажимом эти два предателя создали Русскую народную раду, и она, поддавшись влиянию этих двух ведущих деятелей, издала манифест, требующий, под предлогом самоопределения, присоединения Карпатской Украины к Венгрии».

Таким образом, первоначальный расчет чехословацкого правительства на верность ему Бродия не оправдался. Его привязанность к нацистской Гер-

мании и профашистской Венгрии оказалась сильнее.

25 октября 1938 года чехословацкие власти решили разогнать первый состав «автономного правительства», а Бродия арестовать. Причина этого заключалась не в «самостийности» этого правительства, а в измене депутата чехословацкого парламента Бродия, в его прямых попытках отдать Закарпатье под власть Венгрии.

Премьер-министром назначен другой гитлеровский приспешник — священник Августин Волошин, а в декабре 1938 года федеративный парламент Чехословакии принял решение об «автономии Карпатской Украины».

Волошин живет в надежде войти в мировую политику.

Он на вершине блаженства.

«Благодаря Адольфу Гитлеру мы свободны», — не устает он твердить повсюду.

Позже, когда вскрылись многие факты о связях обоих «правителей» с чужеземными силами, уже в открытую заговорили о предательской деятельности этих фашистских коллаборационистов. Известный обозреватель 40-х годов Пол Уинклер писал, например, 7 апреля 1944 года в статье под названием «Война в Рутении»:

«Это верно, что с 30 сентября 1938 года, когда Рутения впервые стала автономной территорией, номинально все же связанной с Чехословакией, до 16 марта 1939 года, когда Венгрия адмирала Хорти аннексировала ее, она была известна как «Подкарпатская Украина», и в течение этих пяти с половиной месяцев ею управляла крикливая группа фашистского образца, называвшая себя «украинской».

«Украинская» клика, управлявшая Рутенией, пришла к власти только благодаря поддержке Гит-

лера, и ее крикливое подчеркивание украинства было первым шагом к воплощению мечты Гитлера добавить украинские земли, находившиеся в составе Польши и России, к тому, что он уже захватил в Чехословакии...

Полицейский обыск в пражской резиденции одного из лидеров «русофильской» группы, Андрея Бродия, выявил большую сумму венгерской валюты. И Берлин, и Будапешт тратили на Рутению деньги, добываясь, каждый через своих избранных фаворитов, раскола Рутении, чтобы таким образом подготовить падение Чехословацкой Республики».

К этой вполне обоснованной характеристике следует также добавить, что руководство ЧСР приняло дополнительные меры для предотвращения возможного повторения бродиевского варианта отторжения Закарпатья. В качестве одной из таких мер президент ЧСР Эмиль Гах включил в состав волошинского «правительства» верного ему генерала Прхала, воевавшего в 1918 году на Урале против частей Красной Армии.

А что же «автономный» правитель Волошин? Он сидит на своей вилле. Пропуска в его резиденцию для журналистов, съехавшихся в этот экзотический для западного мира уголок Европы, должен был подписывать лично министр пропаганды Юлиан Ревай.

А Ревай вовсе не желает делить с Волошиным «славу» и поэтому всем просителям отвечает: «Председатель правительства болен» или «В связи с состоянием здоровья его преосвященства аудиенция невозможна».

Дом охраняют «сечевики». Но в начале марта 1939 года Ленке Рейнеровой и группе других американских журналистов удалось пробиться через заслон «сечевиков». Каким образом? Это останется

их профессиональной тайной. Можно не сомневаться, что пара хрустящих долларовых бумажек была пущена в дело. Журналисты проникают в виллу. Люди эти много повидали на своем веку, но и они остолбенели: по правительственной резиденции бесцельно бродит старик в халате и шлепанцах. Увидев гостей и узнав, кто они и откуда, он, сияя от радости, посылает в погреб за вином. Он потирает морщинистые руки. У него хорошее настроение. Старческую болтливость практически невозможно остановить. Он удерживает журналистов, просит их еще остаться, посидеть. У него, Августина Волошина, прекрасные министры, на которых можно полностью положиться. Но министры очень заняты, и он неделями не видит никого, кроме своей старой экономки. Никто к нему не приходит. Ничего ему не рассказывают.

Таковы были личные взаимоотношения между ближайшими «правителями Карпатской Украины». Они красочно иллюстрируют характерную для националистической среды грызню за руководящие посты.

«Правительство» Августина Волошина прекратило свое существование с оккупацией Германией Чехословакии. Но и последние часы Волошина у власти отмечены изменой (теперь уже правительству Чехословакии). События развивались следующим образом:

— 12 марта 1939 года Гитлер сообщил представителям хортистской Венгрии о своем разрешении оккупировать Закарпатье;

— 14 марта Волошин провозгласил Закарпатье «самостоятельной державой» и присоединение его к Румынии;

— в ночь на 15 марта хортистские войска получили приказ оккупировать Закарпатье;

— 15 марта нацистская Германия оккупировала Чехословакию, а за нею Венгрию — Закарпатскую Украину.

Венгерский фашизм начал показывать, на что он способен. Только в Мукачевском районе с 15 по 31 марта 1939 года было арестовано и отправлено в концентрационные лагеря двести учителей. Из публичных библиотек, созданных и собранных правительством ЧСР или благотворительными организациями, хортистские фашисты изымут 95 000 экземпляров книг и отправят их в Венгрию. Чтобы здесь, на оккупированной территории, не осталось вообще ничего, напоминающего о связях с русским народом. На границе сгорят в огромных кострах произведения Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого.

Позже, уже в 1941 году, осмысливая прошлые события в Закарпатье, эмигрантская газета, издававшаяся в Пассейке, штат Нью-Джерси, писала:

«Тотчас же, когда правительство возглавил отец Волошин — игрушка в немецких руках, — моментально было открыто германское, а позже и японское консульства в Хусте. По совету немцев Волошин учредил так называемые отделы порядка под названием «Сечь» («сечевики»), своего рода карпато-русские СС. С таинственной быстротой появилось оружие, униформы и «добровольцы», которых до того никогда на Подкарпатской Руси не было. Они теперь массово прибывали из Германии и Венгрии, очень скоро получали чехословацкое гражданство. Одновременно были достигнуты венгерские и немецкие цели. Оба государства стремились вызвать в Подкарпатской Руси хаос... Когда Германия 15 марта 1939 года насильственно вынудила Словакию провозгласить самостоятельность и тогда сама вторглась в Чехию и Моравию, в то же

время Венгрия моментально воспользовалась случаем и овладела Подкарпатской Русью.

...Само название «Подкарпатская Русь» и было изменено на «Карпаталия», Подкарпатье, ибо венгры, естественно, не хотели даже слышать о России внутри своих границ».

В который раз провозглашение «самостийности» послужило оправданием очередного акта предательства. Однако на этот раз избитый трюк не прошел. Новоиспеченный «президент Карпатской Украины» Волошин у власти не удержался. Его фашистские хозяева не испытывали в нем никакой необходимости. К тому же они слишком хорошо знали о похождениях своего протеже. В архивных документах пражского управления гестапо сохранилась докладная записка от 26 ноября 1940 года, в которой сообщалось: «Августин Волошин, бывший глава правительства Закарпатской Украины, проходил по делу о спекуляции валютой, поскольку принадлежавшие ему поступления в долларах, присланные из Америки в пользу нуждающихся в помощи украинцев, должны были быть нелегально проданы... Установлено, что Волошин незаконно присвоил валюту вместо того, чтобы использовать ее по назначению».

Августин Волошин принадлежал к униатскому клану. Как он чтит сан священника, видно из только что приведенного примера его отношения к ветхозаветной заповеди «Не укради».

Тем не менее Ватикан благоволил к Волошину и осенью 1939 года преподнес ему подарок ко дню рождения, назначив тайным камерарием папы римского Пия XII. Националистический журнал «Пробоем», № 12 от 20 сентября 1939 года, информируя о праздновании «дня именин президента», как наивысшую заслугу Волошина отмечал, что

он, «уже будучи главой правительства Карпатской Украины, стал на позиции украинского национализма, работал и боролся под знаменем националистического движения и потом, выехав в эмиграцию, не изменил своих взглядов».

XV. «БОЕВИКИ» НА ЭКСПОРТ

В составе сменявших друг друга «автономных» и «самостийных» правительств на Закарпатье входили наиболее беспринципные враги украинского народа из числа националистов. Предпринимались попытки «укрепить» националистическое руководство, создать при нем свою «придворную гвардию» путем импорта извне националистических «проводников» и «боевиков».

7 сентября 1947 года в городе Теплице один из таких «боевиков» предстал перед следователем. Он назвался Владимиром Щигельским, по кличке Бурлак. Родился 8 августа 1920 года во Львове, по национальности украинец, ранее несудимый, состоятельный, вероисповедания греко-католического. Ему напоминают, что он обязан «говорить правду, только правду и ничего кроме правды». И он начинает рассказывать: «Осенью 1938 года, точно не помню когда, ко мне зашел мой друг Хеменчук Иван. Если не ошибаюсь, это было в воскресенье. Вместе мы пошли на футбол. Там к нам присоединились наши приятели Дуда Ярослав и Табин Иозеф. Мы говорили о внутривосточном положении, сложившемся в Чехословакии после мюнхенских событий. Спорили о возможностях независимости для Подкарпатской Руси. Хеменчук предложил, чтобы мы нелегально перешли границу

и вступили в армию на Подкарпатской Руси. Вместе с Хеменчуком мы решили в тот же день уехать».

Так покинул родной дом Владимир Щигельский. В Украинской повстанческой армии, которая будет создана спустя несколько лет, он станет известным, точнее, зловеще прославленным, командиром сотни по кличке Бурлак. Покидая дом, он еще не знает, что больше никогда сюда не вернется.

Показания Щигельского-Бурлака — свидетельство «снизу» очевидца событий на Закарпатской Украине. Это описание событий изнутри, данное особой незначительной, но достаточно сведущей.

Ночью Щигельский и Хеменчук пересекают чехословацкую границу, но на следующий день в деревне Ставка их задержит чехословацкий патруль. В жандармском участке их допросят и отправят в Ужгород.

Щигельский продолжает: «Интернированы мы были примерно месяц вместе с сорока другими украинцами из Польши, которые тоже нелегально перешли границу. Тогда мы узнали, что создается украинское правительство во главе с Фенциком, Волошиным и Бродием. И мы надеялись, что нас скоро отпустят».

Между тем в новой столице «автономной Карпатской Украины» Хусте и других городах все больше стало появляться «сечевиков», за внешними изъявлениями верности правительства Волошина скрывавших свою фактическую принадлежность к «пятой колонне» гитлеровской Германии. Их облачение составляла серо-голубая униформа, за поясом — кинжал, высокие сапоги, фуражка с матерчатым козырьком, на левом рукаве — повязка, свидетельствующая о принадлежности к националистам.

Американская журналистка чешского про-

исхождения Ленка Рейнерова, корреспондентка различных изданий чешских землячеств в Соединенных Штатах Америки, которая проникла к украинским националистам, назвала «сечевиков» «подкарпато-русскими эсэсовцами». Она не ошиблась, сравнив их с преступниками из одной из самых зловещих организаций XX века.

В «Карпатской сечи» уже появились немецкие инструкторы. Ведь Закарпатская Украина имела стратегическое значение для обеих фашистских держав — Италии и Германии. Шеф нацистской пропаганды Геббельс в одной из своих речей с характерной для него бесцеремонностью назовет ее «подкарпатской магистралью», открывающей путь на Балканы и Советский Союз. Предоставим слово Щигельскому-Бурлаку: «Через месяц венгры оккупировали южную часть Подкарпатской Руси. Нас распустили и передали в распоряжение государственных учреждений Ужгорода. Мы помогали эвакуировать их в Хуст».

Хуст становится столицей.

На грязных улицах — неопишуемый беспорядок, шум и гам, поток беженцев и крестьянских телег, колонны военных автомобилей. Пешеходы утопают в желтой глине по щиколотку, а кое-где и по колено. На центральной улице блаженствуют в грязи свиньи. И вместе с тем здесь можно было встретить агентов германской, итальянской, чехословацкой, венгерской, румынской, английской разведок. Среди них немало и украинских националистов. Никогда еще в истории и нигде в мире не собиралось на столь малой территории и в столь неудобных условиях столько разноплеменных шпионов.

Что же в этом «шпионском Вавилоне» делает Щигельский-Бурлак?

Он вступает в «Сечь» и попадает в первый курень (то есть батальон.— *Прим. авт.*), которым командует поручик польской армии Йозеф Свобода. Здесь мы опять сталкиваемся с парадоксом, характерным для буржуазных националистов: так или иначе они всегда попадают в зависимость от чужеземцев. И еще: польский офицер муштрует подразделения, которые обратят оружие против Польши.

По мнению Щигельского, Свободе было лет срок пять. Кадровый польский офицер, родом из-под Львова. Невысокий, подтянутый, темноволосый, с удивительно энергичным лицом. Он был профессионалом. А у человека, ставшего впоследствии преступником по кличке Бурлак, на людей такого типа отличный нюх.

«Я отступал вместе с ним в 1939 году в Румынию, вместе попал в венгерский концлагерь»,— показывает во время следствия несколько сумбурно Щигельский, но потом его показания снова приобретают логику. «Когда нас оттуда вызволили немцы, то в Австрии мы вместе вступили в Украинский легион. Я встречал его после войны с Польшей в городах Закопане и Санок, где он был командиром куреня. Дальнейшая его судьба мне неизвестна»,— заканчивает этот небольшой эпизод Владимир Щигельский.

А теперь вместе с ним вернемся в Хуст.

«Главное командование «Сечи» находилось в Хусте. Директивы оно получало от офицеров, из них я знал только полковника украинской армии Колодзинского, автора книги «Военная доктрина». Кроме этого, я знаю что три раза приезжал из Германии в Хуст генерал украинской армии Курманович. В Подкарпатской Руси было дислоцировано несколько куреней «Сечи». Командование I куреня было в Хусте, и командовал им поручик Свобода.

Курень состоял из трех сотен (сотня — рота.— *Прим. авт.*), каждая по сто двадцать бойцов. Командиром первой сотни был поручик польской армии Калина, родом из Львова; второй сотней командовал поручик Гуцул, родом из Галича. Командира третьей сотни я не знал. Я был стрелком (рядовым.— *Прим. авт.*)».

В жизни этого человека много противоречий.

В Хусте он окончил двухмесячную школу прапорщиков и был определен в группу художественной самодеятельности под названием «Летучая эстрада», которая из Хуста ездила по окрестным деревням и пропагандировала среди крестьян идеи «самостийной Украины». Ничего нового под солнцем. Такие гастрольные театры были известны в Чехословакии еще в 20-е годы. К одному из них принадлежала и Магдалина Притоцкая — действующее лицо в истории поручика Мадзия.

Тем временем отряды «сечевиков» вооружаются чехословацким оружием. Винтовками и легкими пулеметами. Бурлак утверждает, что у некоторых он видел пистолеты бельгийского производства. Оружие поставляла также Германия. О его транспортировке заботились германский консул в Хусте д-р Хоффман и уполномоченный н.-с. п.¹ в Подкарпатской Руси оберштурмбанфюрер СС Олдофреди.

Едва венгры ворвались на Закарпатье, как «сечевики» начали отступать.

Вместе с ними — Бурлак. Он уже перестал представляться в «живых картинах» истории Украины, которые показывала «Летучая эстрада». Теперь он стал десятником так называемой «группы охраны» командования «Сечи».

Когда вспыхнула война, Бурлаку нашли место

¹ Национал-социалистская партия.— *Прим. авт.*

в созданной на оккупированной территории полиции.

На допросе в 1947 году Бурлак рассказал, как из числа националистов набирались кадры для оккупационной полиции: «В конце марта меня направили в «Украинскую полицейскую школу» в Перемышль. Обучение велось в двух группах и продолжалось пять недель. Начальником школы был полковник бывшей австрийской жандармерии фольксдойче Красицкий, а контролировал процесс обучения представитель немецкой жандармерии Мюллер».

Судьба Бурлака и других курсантов школы свидетельствует о том, насколько тесно украинский буржуазный национализм переплетался с нацизмом. На всех уровнях.

Вновь предоставим слово Бурлаку: «Мюллер был родом из Судет и до войны служил в чехословацкой жандармерии. Женат, возраст — около 45 лет. В школе обучалось шестьдесят курсантов. Обучение велось по следующим предметам: административные службы жандармерии, гражданское и уголовное право, уголовно-процессуальный кодекс, полицейские уставы, наука об оружии, криминалистика, строевая служба, устав для рядового состава. Вели занятия два вышеназванных офицера и майор польской жандармерии Яновский. После окончания школы я руководил центром, где в моем подчинении находилось десять полицейских. Основной нашей задачей была помощь гестапо при арестах и преследованиях подозрительных элементов».

В 1944 году, накануне полного изгнания немецко-фашистских оккупантов с территории Украины, Бурлак перешел в Украинскую повстанческую армию и продолжил привычную для него карательную работу.

Объясняя, как ему и другим командирам УПА удавалось управлять сворой убийц и диверсантов, Бурлак заявил: «УПА держалась на страхе террора». Никто не имел права интересоваться тем, что непосредственно не было связано с поставленной ему задачей, и тем более обсуждать сами приказы — всякий, кто спрашивает, прислушивается или заводит разговоры о структуре, боевых операциях, обеспечении, командирах, мог автоматически быть зачислен в «советские шпионы».

Дисциплина и конспирация внутри УПА насаждалась жестокими способами. Это было психологическое давление, закалка «огнем и железом», и они в значительной степени способствовали тому, что УПА превратилась в банду запуганных палачей.

Шпиономания в УПА разрослась до такой степени, что ее жертвами пало немало самих «боевиков», ничем не провинившихся перед УПА или оуновской «службой безопасности» — СБ. Шпиономания, всеобщая паранойя — вот что характеризовало духовное состояние значительной части «боевиков» и целых подразделений УПА.

В такой обстановке действовал и сотенный Щигельский-Бурлак, бездумно выполнял приказы, сам направлял подчиненных ему «боевиков» на поджоги и убийства, пока арест не положил конец его преступной деятельности.

XVI. ИЗ «СЕЧЕВИКОВ» В «ЛЕГИОНЕРЫ»

После оккупации Закарпатья хортистской Венгрией большинство участников «Карпатской сечи» перешло румынскую границу, а 21 марта 1939 года

«боевики» будут интернированы румынскими военными подразделениями. Но спустя два дня румыны отберут группу примерно в пятьсот человек и отправят их назад в Бечков на милость венгерских властей.

«Сечевики» томятся за колючей проволокой лагеря для интернированных в Ньиредьхазе. Не работают. Ходят на допросы, которые, по свидетельству Бурлака, не имеют никакого смысла, и ждут. Чего? Это станет ясно только в начале июля 1939 года. Тогда в лагерь для интернированных приедут высокие гости. Представители двух стран, которые уже через два месяца будут воевать друг против друга. Польский и германский консулы.

Они зададут похожие вопросы.

Кто желает в Польшу?

Кто желает в Германию?

В Польшу пожелал отправиться один-единственный человек. Остальные отдали предпочтение Германии. Несмотря на это, венгерские власти, по соображениям, известным только им, отправят в Польшу сто «сечевиков». Остальных — общей численностью четыреста человек — погрузят в вагоны и увезут в Комарно. Там уже ждет немецкий железнодорожный состав, который доставит «сечевиков» до Кирхендорфа в Верхней Австрии. А там их посадят в грузовики и повезут в горы, в замок Гакенштейн. Продезинфицируют от вшей, вымоют и переоденут в униформу гвардейцев личной охраны бывшего австрийского канцлера Курта Шушнига. Им дадут кирки и лопаты, но на работу не отправят. Оставят их в покое, чтобы они отдохнули и подумали о своем будущем.

Откуда вдруг такая необыкновенная доброта и заботливость?

Исходит она от управления имперской безо-

пасности и гестапо. Шеф III отделения РСХА Отто Оглендорф написал шефу политической полиции и службы безопасности СС Гейдриху, что прежде всего необходимо составить представление о благонадежности «этих индивидуумов». Все «сечевики», и это лишний раз характеризует их, успешно сдали нацистский экзамен на благонадежность.

Лето 1939 года, последнее мирное лето накануне второй мировой войны, было в полном разгаре. Но атмосфера уже ощутимо сгущалась. Польско-германский «медовый месяц» перерастал в открытый вооруженный конфликт. Близорукая, болезненно антисоветская политика польского буржуазного военно-помещичьего режима вела страну к катастрофе, к конфликту с неизмеримо более сильной Германией. На международной арене это проявлялось пока только в споре из-за Гданьска и так называемого «гданьского коридора». Но тот, кто умел читать газеты между строк, прекрасно понимал, что этот спор, легко решаемый мирным путем, не имеет ничего общего с настоящей причиной нарастающего конфликта.

«Собственно, это будут большие маневры с сильной стрельбой», — записал в свой дневник полковник Лео фон Вальдхайд еще до нападения на Польшу.

20 июля 1939 года по приказу командования вермахта был создан так называемый Украинский легион. В Гакенштейне всех «сечевиков», а ныне — «украинских легионеров», разделят на две роты по двести человек. В каждой роте — три взвода. Ими командуют офицеры — выходцы из бывшей чехословацкой Подкарпатской Руси, в том числе один бывший поручик чехословацкой армии. Остальные командиры — «боевики», профессиональные террористы из УВО-ОУН, которые пришли

из Восточной Галиции. Три взвода занимаются специальной десантной подготовкой. Нацисты вооружили их ручными гранатами — по четыре на каждого — и автоматами самого последнего образца, модель 38. «Легионеры» в пешем строю отправились в Альпы, где расположились в бараках специального лагеря. Там их начинают муштровывать. Подготовка проходит в условиях полной конспирации. Группы изолированы друг от друга. Имена командиров рот от служащих других подразделений сохраняются в тайне. Германское командование представляют офицеры, хотя бы немного владеющие польским или чешским языком. «Легионеров» обучают топографии и обращению с оружием. Они пройдут курс по организации диверсий, их научат нападать на полицейские участки, минировать автомобильные и железные дороги, научат строгой воинской дисциплине и порядку.

События развиваются с необыкновенной быстротой.

Служба Гейдриха инсценирует «польское нападение» на радиостанцию в Гляйвице. Приближается предраассветный час 1 сентября 1939 года. С немецких аэродромов стартуют сотни боевых самолетов. На польскую землю падают первые бомбы, немецкие пехотные и моторизованные части покидают исходные позиции, танковые подразделения быстро прорывают польскую оборону и развивают успех. Крейсер «Шлезвиг-Гольштейн» обрушивает из своих крупнокалиберных орудий первые залпы на польских героев Вестерплатте.

Началась вторая мировая война.

2 сентября 1939 года начинает действовать и Украинский легион. На польскую землю он входит в немецкой униформе, перекрашенной в зеленый цвет и без знаков различия, чтобы на первый взгляд

можно было отличить от других подразделений. Марширует с частями второй линии оси Меджилаборце—Выдрань—Палота в Польшу.

Их вид напоминает песню «сечевиков» времен первой мировой войны:

То ли войско, то ли банда,
Ты никак не разберешь.

Метаморфоза «легионеров» на этом не закончилась. После завершения похода в Польшу им была предоставлена возможность применить свои знания и опыт во вспомогательной полиции, в вооруженной охране промышленных объектов (так называемый веркшутц) или в других подобных организациях.

Части «легионеров», наиболее положительно, с точки зрения нацистов, зарекомендовавших себя во время «польской операции», было предложено совершенствоваться в диверсионных подразделениях, предназначенных для действий на советской территории.

Ими стали батальоны «Нахтигаль» и «Роланд». При отборе в них отдавали предпочтение членам ОУН, а зачисленных учили нападать на штабные автомашины, узлы связи, железные дороги, уничтожать телефонные линии. Их учили убивать — гражданских и военнослужащих, сеять панику, дезорганизовывать армейские тылы.

Их учили также тому, чему националистов особенно учить не требовалось, — антисемитизму. Ведь убийства тысяч жителей еврейской национальности в Закарпатской Украине и Польше — дело рук украинских буржуазных националистов.

Обучением боевиков занимались Главное управление имперской безопасности — РСХА и служба военной разведки — абвер. Естественно, они обуча-

ли «боевиков» также шпионскому мастерству, добычанию информации в тактическом и оперативном тылу потенциального противника.

Руководство абвера рассчитывало с помощью подобных «боевиков» провести «войну перед войной», «прощупать» передний край советской обороны, прифронтовой тыл.

Отношение Гитлера к абверу и его шефу Канарису было весьма переменчивым, но идея адмирала от диверсии использовать «славянских унтерменшей» в наиболее неблагоприятных акциях была, кажется, положительно воспринята фюрером.

XVII. НА ВОСТОК И ОБРАТНО

Важнейшим результатом победы стран антигитлеровской коалиции во второй мировой войне явился разгром фашизма и его ответвлений, начиная с немецкого нацизма. Годом с небольшим позже Международный военный трибунал, судивший в Нюрнберге главных нацистских военных преступников, признал преступными организациями руководство национал-социалистской партии, нацистскую службу безопасности — СД, охранные отряды — СС, гестапо.

Уцелевшие военные преступники и нацистские коллаборационисты попытались укрыться подальше от мест, где они совершили свои злодеяния, и, уж во всяком случае, забаррикадироваться искусственными сооружениями отговорок и «оправданий» своей недавней преступной деятельности. Так появились на свет утверждения бандеровцев, мельниковцев и прочих украинских националистов, будто бы их верноподданническое прислужничество

гитлеровской Германии в действительности было, мол, борьбой за создание «Украинской самостоятельной соборной державы». Умалчивая, что именно из рук нацистов они рассчитывали получить власть на Украине, националисты в то же время всячески расписывают, как они «воевали» против немецко-фашистских оккупантов. При этом они без всякого на то основания нагромождают друг на друга невероятнейшие измышления об ориентации исключительно на собственные силы, об антифашистской направленности их деяний до начала и в период второй мировой войны.

В действительности же в соответствии с отведенным им гитлеровскими специальными службами местом зарубежные украинские националистические группировки подошли к 1941 году тщательно подготовленными СД, абвером и гестапо для выполнения диверсионных, террористических, провокаторских заданий на территории оккупированных фашистами стран, и прежде всего на территории Украины.

В первый же день нападения гитлеровской Германии на СССР начали последовательно и пунктуально осуществляться планы с участием украинских националистов.

26 июня в только что захваченном фашистами городе Дубно появился националист, он же специальный руководитель — зондерфюрер Степан Скрыпник. Планы гитлеровского командования надлежало выполнять без промедления и неукоснительно. Поэтому в тот же день Скрыпник и его помощники из «зондеркоманды» наскоро собрали кое-кого из знакомых по прошлой националистической деятельности, священнослужителей и попавших под руку местных жителей, которые должны были играть роль представителей населения Дубно

и Дубенщины. Перед собравшимися выступил Скрыпник и «осчастливил» их кичливым сообщением, что он прибыл из Германии с полномочиями германского правительства создать городские и окружные органы правления. Зондерфюрер ратовал похвалы гитлеровским войскам за «освобождение», которое, мол, является началом возрождения «национальной государственности» и создания в будущем «самостийной Украины». Для достижения этой цели зондерфюрер рекомендовал безоговорочно подчиняться оккупантам, оказывать им всяческую поддержку и помощь. В том, что его установки будут выполняться, Скрыпник не сомневался, так как во главе вспомогательных органов местного управления им были поставлены члены ОУН, известные своими профашистскими взглядами.

Председателем Дубновской окружной управы стал выходец из кулаков, юрист по образованию Алексей Сацюк. На пост начальника городского отдела, то есть чем-то вроде эрзац-бургомистра, был назначен знакомый Скрыпника, его бывший коллега — депутат польского сейма Владимир Косидло.

Специальные полномочия Скрыпника простирались не только на мирские дела — он, например, распорядился, чтобы в ближайшее воскресенье, 29 июня, во всех церквях отслужить благодарственные молебны в честь фюрера Адольфа Гитлера и его воинства. Указания зондерфюрера были выполнены.

А в это время Скрыпник уже находился в Ровно, отбирал в оккупационные городские и областные вспомогательные учреждения верных «новому порядку» лиц, создавал такие же организации. Здесь, в будущей резиденции нацистского гауляйтера Украины Эриха Коха, свил себе пристанище

и Степан Скрыпник. Он вошел в руководство большинства созданных им же организаций, призванных служить оккупантам и вести работу по деморализации местного населения, возглавил редакцию газеты «Волынь» и продолжал укреплять свои позиции нацистского приспешника номер один на Ровенщине. Об этом сообщалось в первом же номере возглавлявшейся им газеты, вышедшем 1 сентября 1941 года:

«Имперское министерство оккупированных восточных областей поручило г-ну Степану Скрыпнику, бывшему депутату польского сейма от Волини, организовать и возглавить руководство «Украинской радой доверия» на Волини... 31 августа с. г. в Ровно состоится первое пленарное заседание рады».

Во втором номере газеты «Волынь» от 7 сентября 1941 года сообщалось, что совещание состоялось под руководством председателя рады Степана Скрыпника. На этом совещании «... обсуждая современные задачи украинской общественности вообще и рады доверия в частности, рада подтвердила, что главным и первейшим заданием рады доверия является мобилизовать всю энергию украинцев, чтобы активно помогать немецкой армии добиться в ближайшее время полной победы над ... Москвой».

Этот тезис постоянно развивал и лично Скрыпник. В своей статье, опубликованной в «Волини» от 7 декабря 1941 года, подтасовывая по заведенному в геббельсовской пропаганде обычаю понятия, от тщился говорить от имени всего украинского народа и приписывать ему сплошь профашистские настроения. В действительности же Скрыпник высказывал лично свои симпатии к гитлеровскому третьему рейху, разделявшиеся лишь небольшой

кучкой таких же, как и он, нацистских коллаборационистов. Он, в частности, писал:

«Украинский народ включился в великие исторические события и всеми доступными ему сегодня средствами стремится способствовать победе Великой Германии, ведущей борьбу за перестройку не только физическую, но и духовную, всей Европы... Поэтому всю нашу жизнь мы должны подчинять этой великой цели. Церковь также. Должны покончить с партизанами и на этом участке».

Пожалуй, «звездный час» Скрыпника-журналиста настал, когда он выступил в «Вольни» 29 марта 1942 года. Его статья прозвучала как клятвенное изъяснение в любви и верности Адольфу Гитлеру. Заклеймив «московско-жидо-азиатский» режим, возблагодарив «кровь и труд немецкого воина», Скрыпник, снова-таки по-шулерски прикрываясь именем всего украинского народа, писал: «Мы, украинцы, с гордо поднятой головой обращаемся к новой Европе, к той Европе, которая возникла в гениальном видении великого европейца — Адольфа Гитлера. В такую Европу мы верим, такую Европу мы проповедуем».

Скрыпник разжигал также ненависть к союзникам Советского Союза по антигитлеровской коалиции — Англии и Соединенным Штатам Америки, предсказывал их «близкий провал», угрожал, что «окончательно развал большевизма будет одновременно и их поражением». «Эта твердая вера в победу,— писал дальше Скрыпник в статье от 7 мая 1942 года,— нашла очень яркое выражение в речи Адольфа Гитлера, которую он произнес 26 апреля с. г. перед рейхстагом». И далее Скрыпник проповедовал: «Этой весной новая Европа с непоколебимой волей начинает последний бой. Результат этого боя уже сегодня нам известен. Это будет окончательная

победа Германии и тех народов, которые поняли величие идей Адольфа Гитлера. Эту победу никто у нас не вырвет».

Через неделю начался новый этап его прислужничества гитлеровским оккупантам. Скрыпник был освящен в епископы Украинской автокефальной православной церкви и принял имя Мстислав.

Скрыпник-Мстислав

Родился Степан Скрыпник в 1898 году в семье полтавских мещан. Ничем не выделявшийся среди своих сверстников, он тем не менее обошел многих конкурентов и стал личным адъютантом генерального секретаря по военным делам контрреволюционной Центральной рады Симона Петлюры. Петлюра обожал, когда его называли «главным атаманом», но закрепилось за ним не атаманское прозвище, а прозвище главного погромщика. Контрреволюционное буржуазно-националистическое движение, получившее название петлюровщины, и его главарь Симон Петлюра, помимо других тяжких преступлений, повинны также в организации многих сотен еврейских погромов на Украине, в которых погибло более ста тысяч человек. Таким образом, карьера Степана Скрыпника в контрреволюционных националистических кругах началась с его сопричастности к тягчайшим преступлениям, которые не забываются, не прощаются и срока давности не имеют.

Петлюра благоволил Степану Скрыпнику и держал возле себя попросту потому, что он был его племянником, сыном его родной сестры. Когда, несмотря на всяческую поддержку враждебных Советской стране внутренних и зарубежных сил, петлюровщина все же потерпела крах, Скрыпник

вместе с «главным атаманом», а к тому времени председателем Директории Симоном Петлюрой, бежал под покровительство властей буржуазно-помещичьей Польши.

Здесь Степан Скрыпник успел обзавестись семьей, затем бросил жену, троих детей и после недолгого флирта с влиятельной варшавянкой поселился наконец в городе Ровно под крылышком Волянского воеводы Генрика Юзефского, женатого на его сестре. Юзефский имел определенный вес в правящих кругах Польши, одно время даже был министром внутренних дел. Со Скрыпником и Петлюрой его связывало много общего. Например, во время польско-советской войны 1920 года польским диктатором Юзефом Пилсудским он был приставлен в качестве наблюдателя к Петлюре, банды которого вместе с польскими войсками вторглись на территорию Украины. Для прикрытия он занимал пост товарища министра внутренних дел Украинской народной республики. При содействии воеводы Юзефского кандидатура Скрыпника была выдвинута на выборах в польский сейм, и до 1939 года он числился парламентарием.

Когда началась вторая мировая война, Скрыпник первое время отсиделся в Париже у своей тети Ольги Петлюры, но вскоре активно включился в подготовку к ожидавшемуся походу гитлеровцев на Восток. Как видно, нацисты положительно оценили его услуги, если прибыл он на Украину со специальными полномочиями и возглавил «Украинскую раду доверия» на Волини.

Однако Скрыпник долго в Ровно не задержался. В 1942 году немецко-фашистские захватчики пошли на «возобновление» деятельности Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ). Она впервые была провозглашена в 1919 году декретом

контрреволюционной Директории, но со временем прекратила свое существование как направленная на отрыв верующих от Русской православной церкви и потому не получившая их поддержки. С помощью иерархов «возобновленной» Украинской автокефальной православной церкви фашистские захватчики рассчитывали на получение дополнительных приводов для управления населением оккупированных восточных областей, и УАПЦ второй, фашистской, формации приложила немало усилий, чтобы оправдать возлагавшиеся на нее надежды и внимание рейхскомиссара оккупированной Украины Эриха Коха. За его подписью, в частности, были изданы детальные инструкции, регламентирующие порядок деятельности УАПЦ, определяющие ее управленческую иерархию.

Получив назначение в УАПЦ, Скрыпник в течение месяца прошел путь от самого низкого духовного чина дьякона до епископа. В мае 1942 года он в числе первых пяти священнослужителей был освящен в сан епископа.

При изгнании с Украины немецко-фашистских оккупантов Скрыпник-Мстислав бежал на территорию Западной Германии, затем уже после войны выехал в Канаду. Здесь подвизался в Украинской греко-православной церкви, но был уличен верующими в неблаговидных поступках и изгнан из прихода.

Больше повезло Мстиславу в США, когда он перебрался туда из Канады. Здесь он стал архиепископом, а позже и митрополитом УАПЦ, главой так называемой «объединенной украинской православной церкви», пошедшей на формальное примирение после длительного раскола и междоусобиц.

В какие бы облачения ни рядился Скрыпник, он был и останется перед судом памяти народной

нацистским прислужником, погромщиком, человеконенавистником и особо — ярым антисемитом.

Всем известно, какую бурю возмущения общественности многих стран вызвали факты геноцида, осуществлявшегося нацистскими военными преступниками по отношению к еврейскому населению. Напомнил об этих фактах показанный в ряде стран фильм «Голокост», подтвердивший причастность к массовому уничтожению евреев также украинских националистических формирований и полицейских подразделений. Фильм вызвал возмущение и у митрополита Мстислава. Только возмущался он не изуверством исполнителей актов геноцида, а действиями постановщиков фильма, которых он тут же назвал «агентами Москвы».

В результате из-под пера Мстислава вышла статья, названная им «Жидовский “Голокост”». 4 мая 1978 года канцелярия националистического «Всемирного конгресса свободных украинцев» направила ее в ряд украинских националистических печатных изданий, в том числе и в редакцию торонтской газеты «Вильнэ слово». Вот наиболее характерные пассажи из писания Скрыпника-Мстислава:

«Жидовский “Голокост”

Во второй половине апреля американская телевизионная станция № 4 показывала серийный фильм о мученичестве жидов во время второй мировой войны. В течение нескольких дней на экранах телевизоров демонстрировали страдальческий путь миллионной массы жидов, который вел через сотни концентрационных немецких лагерей и кончался обычно в Аушвице¹ или Дахау, в которых были

¹ Аушвиц — немецкое название польского города Освенцим. — *Прим. авт.*

построены газовые камеры и крематории для сжигания трупов умерщвленных газами. Такими средствами Гитлер пытался уничтожить все жидовство на подчиненных и оккупированных им территориях.

Некая группа американских жидов решила напомнить о страданиях родных им по крови и кости и поставила «документальный» фильм, предназначенный для телевизионного показа.

...Мы убеждены, что вся эта фильмовая импреза¹ выполнена если не по заказу Москвы или ее агентов, то в угоду московским красным черносотенцам».

Скрыпник-Мстислав жаловался в этой статье, что спонсоры² преследовали еще и иную цель, а именно: «Отомстить не только Гитлеру и его палачам...», и призывал к написанию сценария украинского «Голокоста», в котором, как видно из текста статьи, было показано, как националисты якобы спасали евреев и их детей в 1917—1918 годах, «что сделала и планировала сделать для своих граждан-евреев суверенная украинская держава — Украинская народная республика, к трагедии которой, негде правды деть, приложила руку и тогдашняя младшая генерация украинских жидов».

Даже из этой статьи видно, чье «рыльце в пушку». Не случайно бывший погромщик так напирал на необходимость оправдать петлюровцев и прочих националистов-контрреволюционеров, призывает создать кинофальшивку о спасении националистами евреев, несмотря на то что они, мол, «приложили руку к трагедии Украинской народной республики».

Да и сама употребляемая Скрыпником-Мсти-

¹ Предприятие, замысел (польск.).— *Прим. авт.*

² Спонсоры (англ.).— В данном случае: организаторы создания фильма «Голокост».— *Прим. авт.*

славом терминология выдает его с головой как закоренелого антисемита. Ведь сами националисты неоднократно признавали, что выражение «жид», употребляемое ими вместо «еврей», имеет оскорбительное значение. В связи с этим часть националистических авторов и печатных изданий перешла на употребление терминов «еврей», «еврейский». Но, как видно, даже наделенный званием «носителя высшей благодати священства», Степан Скрыпник не смог преодолеть в себе закоренелого погромщика-антисемита.

Еще несколько лет тому назад Мстислав разъезжал по разным странам, забирался и в Австралию, но в последние годы ему отводится роль координатора или в крайнем случае «почетного участника» различных пропагандистских кампаний, направленных против СССР, Польши и других социалистических стран. Американских правителей вполне удовлетворяет использование имени и положения митрополита Мстислава, и они по мере возможности стараются раздувать его «авторитет». Конечно же, власть имущие в Америке закрывают глаза на преступное прошлое зондерфюрера Степана Скрыпника.

Соединенные Штаты Америки стали прибежищем для множества военных преступников. Магическим пропуском в фавориты является для них ненависть соискателей опеки к социалистическим странам. Не очень-то изменились и формулировки прикрытия, под которыми спецслужбы используют такую категорию врагов социалистического сообщества. И нацисты, и теперешние хозяева контрреволюционных, националистических группировок пытаются оправдать укрывательство преступников, называя их «борцами за свободу».

Документ позора

Став одним из первых епископов Украинской автокефальной православной церкви второй (фашистской) формации, зондерфюрер Скрыпник, он же Мстислав, совершил длительный рейд по городам оккупированной фашистскими войсками Украины, выискивая недовольных гитлеровским «новым порядком», насаждая автокефалистские приходы, «освященные» волеизъявлением нацистского рейхскомиссара Украины. А тем временем созданные им еще в июле 1941 года профашистские организации, учреждения и назначенные им же «председатели» и «посадники» продолжали выслуживаться перед оккупантами, пытались с помощью националистической демагогии мутить людей, убеждая в вечности установленного фашистами «нового порядка».

Долгие годы после окончания Великой Отечественной войны жители Дубно и окрестных сел со страхом поглядывали на Шибенную гору, превращенную фашистскими извергами и их националистическими пособниками в место массовых казней советских людей. Во время выборочной эксгумации там были обнаружены тысячи трупов уничтоженных после пыток людей.

Там же был обнаружен удивительный по своему цинизму документ позора, подписанный ставленником зондерфюрера Скрыпника председателем Дубновской окружной управы Алексеем Сацюком. «Грамота», как называли этот документ его авторы, была заложена в контейнере на «вечные времена» на Шибенной горе. Позже, в течение многих черных месяцев фашистской оккупации, «воинство немецкое» и националистические «рыцари времени новейшего» оглашали Шибенную гору ружейными

залпами и пулеметными очередями, убивая сыновей и дочерей украинского народа, от имени которого горстка фашистских ставленников из «Крайсвервальтунга ин Дубно» составляла свою «Грамоту». Вот выдержки из этого документа позора и предательства:

«Мы, граждане земли Дубенской... собравшись в городе Дубно года божьего тысяча девятьсот сорок первого, сентября дня двадцать седьмого, в праздник воздвижения честного креста господнего, в день девяносто восьмой кровавой битвы мира светлого против темноты, великой армии германской против насилия и лжи московской, против преступления кровавой жидокоммуны на вечную ей погибель, дня восьмого после освобождения златоверховой столицы украинской Киева, единодушно постановили: по обычаю украинскому стародавнему казацкому курган высокий в память ожиданий и победы нашей, в назидание потомкам нашим за городом Дубно на горе Шибенной руками собственными насыпать...

На самое дно горы нашей, горы освобождения, ложим грамоту эту, и быть ей вечно в месте этом, как и нам быть вечно хозяевами земли своей при жизни нашей, и с любовью и безмятежно упокоиться в ней после смерти нашей...

Силе могучей воинства немецкого, что из когтей дикарства московского, вырождения жидовского, обмана коммунистического нас вырвала, вождю премудрому народа немецкого и народа украинского другу благородному Адольфу Гитлеру — Слава!

...Дана эта грамота в городе Дубно во время правления первой украинской на освобожденной земле Дубненской окружной управы, во время председательствования магистра Алексея Сацюка, во время первого украинского посадника города

Дубно Василя Бурки, во время правления немецкого гебитскомиссара Брокса Вальтера и немецкого ортскоменданта Фукса.

Руку свою приложили и печатью грамоту эту скрепили:

*(Подписи) А. Сацюк
В. Бурка*

*Печать: Окружная управа в Дубно
Kreisverwaltung in Dubno».*

Авторы «Грамоты» проявили себя стопроцентной «фашистской сволочью», как назвал националистов пламенный публицист Ярослав Галан. Гневные слова, сказанные Галаном в сентябре 1945 года в адрес военных преступников — украинских националистов, актуальны и по сей день: «Пусть они, эти вампиры прошлого, канут в его мрак с заслуженным именем иуд, с заслуженным клеймом Каина на лбах».

«Акт 30 июня 1941 года»

Вслед за Дубно и Ровно, где организацией вспомогательных «управ» и прочих профашистских учреждений занимался зондерфюрер Скрыпник, наступил черед города Львова, в котором подобную работу проводил заместитель Бандеры Ярослав Стецько.

Готовились к выполнению отведенных им функций на Украине и бандеровцы, и мельниковцы. Провод украинский националист, возглавлявшийся Андреем Мельником, разработал специальную инструкцию членам ОУН, предназначенным для участия в «дранг нах Остен». Ею предписывалось безотлагательно установить «контакт с членским активом ОУН на землях» и подчинить его руковод-

ству звграницного Провода украинских националистов. Оговаривалось также, что действия «актива ОУН», осуществляемые под прикрытием «дымовой завесы» националистических лозунгов и от имени украинского населения, в то же время должны были быть подчинены интересам «совместной с германской армией борьбы».

С целью зашифровки непосредственных связей с гитлеровцами Провод украинских националистов, где только возможно, подставлял ОУН вместо действительного ее хозяина — фашистских специальных служб. В конечном итоге, если Провод требовал неукоснительного выполнения приказов ОУН, результат был один и тот же, поскольку ОУН и ее Провод украинских националистов действовали по воле гитлеровцев.

В разработанной Проводом украинских националистов мельниковской ОУН инструкции, в частности, указывалось:

Секретно.

ИНСТРУКЦИИ *на период событий*

Члены, которые во время событий будут посланы на земли первыми из заграничного актива ОУН... будут авангардом ОУН, который должен активно способствовать становлению и разворачиванию нашей акции на украинских землях. В связи с этим на указанных членов ОУН будут возложены следующие задания.

1. В области политически-организационной:

В случае войны Германии с СССР и политической актуализации украинского вопроса они — при первом же контакте с членским активом ОУН на землях — дадут ему следующие инструкции:

1. В освобожденных от советской армии районах, а по возможности и в тех, где еще

- будут идти бои, немедленно провозглашать возобновление Украинской державы с вождем Андреем Мельником во главе.
2. Провозгласить власть ОУН на местах.
 3. Для осуществления этой власти создать националистическо-революционные экзекутивы в качестве временных органов государственно-политического управления...
 4. Формировать партизанские ударные группы для совместной с немецкой армией борьбы с советскими войсками.
 5. Организовывать отделы Националистической охраны, которые в качестве военно-революционных формирований и формирований безопасности ОУН должны, в сотрудничестве с немецкими органами, немедленно взять на себя охрану порядка в данной местности или районе.
 6. Ускоренным порядком укреплять и расширять местные группы ОУН...
 7. В корне ликвидировать все возможные попытки восстановления старых или создания новых политических групп или партий, разъясняя населению, что единственным органом политической организации общества может быть только ОУН.
 8. Войти в связь и сотрудничество с немецкими органами, выступая перед ними в качестве представителей ОУН и украинского населения.
 9. В связях с немецкими органами самостоятельно решать только те вопросы, которые не перерастают компетенции местных органов ОУН.
 10. Ввиду зависимых отношений к немцам следует соблюдать по отношению к ним

самую строгую лояльность.

11. Не бросать самовольно пост ни при каких обстоятельствах, в частности без ведома и согласия непосредственного начальника или организационных властей.
12. В выполнении своих обязанностей и поручений быть солидными и образцовыми, не забывая нигде, что каждый представитель ОУН, в частности, представляет перед немцами Организацию и ее актив.

Требование «ни при каких обстоятельствах» не останавливаться при выполнении порученного задания, как и, впрочем, многие другие пункты инструкции, тесно переплетается с тербованиями «Декалога» («Десять заповедей украинского националиста», перелицованные с геббельсовских «Десяти заповедей национал-социалиста»): «Не поколебайся совершить наиболее опасный проступок, если этого потребуют интересы дела» (другими словами, интересы оуновских главарей).

В архивах сохранилась копия адресованного Бандере письма Ярослава Стецько, описавшего свой путь от польско-советской границы в глубь подвергшейся нападению гитлеровских войск Украины. Письмо подписано «Карб», что является сокращением от «Карбович» — одного из псевдонимов, которым пользовался Стецько. В нем говорилось:

*«Отчет К056. Млинов
Дня 25/VI. 1941.»*

№ 13

Степан!

Вчера, после отъезда Николая, пробовал маршировать автомашиной вперед. Доехали за Краковец и вынуждены были возвратиться, так как боевая линия проходила именно возле Краковца, а Яворов еще вчера был в руках большевиков. Вокруг нас

бьют пушки на восток. Большевики здесь бьются хорошо вопреки всем надеждам. Немцы вчера бросили большие силы на Яворов. Посреди маршевых колонн и автомашин медленно повернули мы на Млинов. Теперь около часа пополудни пытаемся ехать дальше. Немцы спрашивают, будет ли наше восстание — где. Немецкая пропаганда не домогает. Большевицкие воины думают, что их замучают. Во-вторых, население очень забитое и думает, что каждый западный народ его уничтожит как разложенное большевизмом. Здесь у нас есть несознательный надднепрянец, и он говорит это. Это правдоподобно. Немцам нужно было бы разбрасывать украинские листовки, в которых говорилось бы о свободе народов и человека. До сего времени офицеры относились к нам хорошо. Еду в Яворов. Немецкая сила расходуется здесь. Когда смотришь здесь, это непобедимая армия.

Позавчера в селе Кобыльница русский жид со страху убил германского солдата и лошадь, за что немцы расстреляли на месте двоих сознательных националистов — Михаила Сеника и Николая Швана. По этому делу арестовали Лозинского Ивана и Думу Михаила, порядочных людей — сообщает отец Согор Лев, который ручается за них.

В половине того же дня жиды убили одного германского солдата. Арестовали только жидов. Жиды нарочно провоцируют, говорят, что им нет жизни, поэтому хотят уничтожить наших людей и наше население. Это мечь жидов населению. Пусть ходатайствуют в ОКВ¹. Население относится хорошо к немцам, помогает. Нужно мне....., так как эти события усложняют дело.

¹ ОКВ — Верховное командование германской армин.—
Прим. авт.

Создаем милицию, которая поможет устранять жидов и защитит население.

Эти убитые и все село с процессией приветствовало немцев, а теперь огорчено. Те убитые были именно....., пусть ОКВ повлияет. Милиция им поможет навести порядок.

Отец Согор Лев уже организовал милицию, имеет от ОУН письменные полномочия, и село это приняло. Следовательно, пусть повсюду идут навстречу милиции, то она этих жидов устранил и т. д. Здешний комитет относится хорошо к нам и нашей работе. Нас часто проверяют, мне нужен аусвайс¹.

В связи с тем, что здесь стоит фронт, перейдем, очевидно, на другую дорогу.

Искренне приветствую

Слава Украине!

Карб».

Как говорится, комментарии излишни.

30 июня 1941 года Ярослав Стецько наконец смог приступить к осуществлению своей миссии, заключавшейся в скорейшем и по возможности более точном выполнении разработанного в Берлине мероприятия. В первый же день оккупации фашистами Львова здесь в помещении бывшего общества «Просвита» было проведено собрание фашистских приспешников, которое националисты кичливо назвали «великим собранием украинцев западных областей Украины». Перед собравшимися был оглашен составленный заблаговременно и привезенный Стецько «декрет.... о создании краевого правления западных областей Украины с председателем Ярославом Стецько во главе». Так сообщалось в официальном отчете об этом собрании, хотя

¹ Аусвайс (нем.) — удостоверение.— *Прим. авт.*

Стецько и его последователи значительно отошли от буквы «декрета» и провозглашенного на собрании так называемого «акта государственности». В частности, сейчас националистами полностью игнорируется пункт 2-й «акта», в котором было записано: «На западных землях Украины создается украинская власть, которая подчиняется украинскому национальному правительству, которое будет создано в столице Украины — Киеве по воле украинского народа».

Как известно, германские захватчики не пошли на создание в Киеве националистического правительства, и краевое правление Стецько так и не дождалось утверждения от «национального правительства», в зависимость от которого оно поставило себя собственным «декретом». Тем не менее в дальнейшем произошли значительные перемены: Ярослав Стецько стал представлять дело таким образом, будто бы во Львове было создано правительство всей Украины, а себя стал именовать не иначе как «премьером». Кстати, эта фальсифицированная версия пришлась более по вкусу и официальным деятелям США, которые уже неоднократно отмечали в конгрессе США и в различных правительственных посланиях «день украинской государственности» и чествовали Стецько как «премьер-министра».

Националистические и буржуазные издания полностью игнорируют наличие в «акте государственности» еще одного, третьего, пункта. И неудивительно. Ведь он является, по существу, клятвой бандеровцев в верности нацистской Германии и ее фюреру Гитлеру. Третий пункт «акта» был сформулирован следующим образом: «Новосоздаваемая украинская держава будет тесно сотрудничать с национал-социалистской Великой Гер-

манией, которая под руководством вождя Адольфа Гитлера создает новый порядок в Европе и мире и помогает украинскому народу освободиться из-под московской оккупации».

С той же целью отмежеваться от нацизма теперешние украинские националистические пропагандисты пытаются представить дело таким образом, будто бы и само собрание во Львове, и провозглашение на нем декрета о создании краевого правления во главе со Стецько проходило втайне от фашистских оккупантов, вопреки их воле и даже еще до вступления во Львов германских войск. Это явная фальсификация, и опровергается она самими же националистами, в составленном ими «Отчете о национальном собрании украинцев западных областей Украины, состоявшемся 30 июня 1941 года». В отчете, в частности, говорилось:

«Собрание направило как выражение чувств всей украинской общественности приветствие проводнику Организации украинских националистов Степану Бандере.

Приветствие творцу и вождю Великой Германии Адольфу Гитлеру.

Приветствие славной германской непобедимой армии.

Приветствие митрополиту Андрею и всем борцам за свободу Украины.

Делегат проводника Организации украинских националистов и все присутствующие приветствовали отдельно очень горячо и искренне присутствующих на собрании высоких офицеров германской армии.

Представитель германской армии, бывший полковник Украинской галицийской армии профессор Кох приветствовал также присутствующих и призвал к работе и самому тесному сотрудничеству

с германской армией под руководством великого вождя германского народа Адольфа Гитлера».

Отчеты о собрании во Львове, конечно же, были опубликованы большинством оккупационных профашистских листов. Выступая в газетке под претенциозным названием «Самостийна Украина», участник «национального собрания» писал, например: «Возгласы „Слава“ и „Хайль“ выразительно отражали наши настоящие чувства». Таким образом, предстает совершенно иная картина, нежели та, которую пытаются сейчас рисовать националистические фальсификаторы.

Краевое правление Стецько продержалось у власти едва несколько дней и было распущено оккупантами. Спекулируя на этом факте, националисты выстраивают искусственные наслоения лживых утверждений в пользу своего послевоенного тезиса о «борьбе» бандеровского краевого правления против фашистских оккупантов. В действительности все было значительно проще: абвер (это его представитель Ганс Кох выступал на собрании 30 июня 1941 года) и другие нацистские шефы при ознакомлении с обстановкой в Западной Украине легко убедились, что заверения Стецько о возможности восстания в тылу советских войск являются досужими измышлениями, а его «краевое правление» оказалось неспособным воздействовать на свободолюбивое население временно оккупированных западных областей Украины. Это и определило судьбу «правления».

Необходимо также отметить, что отношение гитлеровской Германии к «государственному устройству» Западной Украины не было однозначным в различные периоды подготовки к нападению на Советский Союз и в первые месяцы оккупации части его территории. 16 июля 1941 года у Гитлера

состоялось весьма примечательное совещание с Герингом, Борманом, Розенбергом, Кейтелем и другими руководителями фашистского рейха. Гитлер рекомендовал вести двойную политику по отношению к оккупированным германскими войсками странам. В протокольной записи совещания об этом говорится следующее:

«Теперь является важным, чтобы мы не раскрывали своих целеустановок перед всем миром. Это к тому же вовсе не нужно. Главное, чтобы мы сами знали, чего мы хотим...»

Мотивировка перед миром наших действий должна, следовательно, исходить из тактических соображений. Мы должны поступать здесь точно таким же образом, как в случае с Норвегией, Данией, Голландией и Бельгией. И в этих случаях мы ведь ничего не говорили о наших намерениях, и мы впредь также будем умными и не будем этого делать...

Мы, однако, отнюдь не желаем превращать преждевременно кого-либо в своих врагов. Поэтому мы пока будем действовать так, как если бы мы намеревались осуществлять мандат. Но нам самим при этом должно быть совершенно ясно, что мы из этих областей никогда уже не уйдем.

Исходя из этого, речь идет о следующем:

- 1. Ничего не строить для окончательного урегулирования, но тайно подготовить все для этого.*
- 2. Мы подчеркиваем, что приносим свободу.*

В частности:

Крым должен быть освобожден от всех чужаков и заселен немцами. Точно так же австрийская Галиция должна стать областью Германской империи...

...Фюрер затем ставит на обсуждение вопрос, не следует ли немедленно передать губернаторству

староавстрийскую часть Галиции. После обмена мнениями фюрер решает не передавать этой части губернаторству, а только подчинить ее по совместительству рейхсминистру Франку (резиденция во Львове)».

На следующий день Гитлер подписал приказ о назначении рейхслейтера Альфреда Розенберга рейхсминистром по делам оккупированных восточных областей, а 1 августа 1941 года указание Гитлера о превращении Восточной Галиции в «область Германской империи» было выполнено. Было отброшено даже тактическое прикрытие захвата этой части украинской территории, в тени которого первоначально возникло «краевое правление» во главе с послушной фашистской марионеткой Ярославом Стецько — захватчикам не нужно было никакое «самостийное» правление в «германской области». Следовательно, дело здесь совсем не в «антигерманской» деятельности «правления» Стецько, а в гитлеровском варианте «окончательного урегулирования», в соответствии с которым были скорректированы ранее принятые им же планы.

Таким образом, в услугах Стецько — «самостийного» правителя западных областей Украины — больше не нуждались. Мавр сделал свое дело, мавр может уходить. Тем более что часть поставленных перед ним первоочередных задач была выполнена. Наиболее зловещий след оставили члены «правления» — руководитель ресорта (ведомства) безопасности Николай Лебедь и заместитель руководителя ресорта по военным делам Роман Шухевич.

Шухевич появился во Львове в составе абверовского батальона «Нахтигаль», в котором он занимал положение «украинского командира», то есть помощника немецкого командира батальона Альбрехта Герцнера. К тому времени имя Герцнера уже

пользовалось дурной славой. Ведь это именно он в конце августа 1939 года с группой диверсантов проник на территорию Польши, захватил Яблунковский перевал, взорвал телефонную станцию. Эта провокация должна была послужить предлогом для нападения гитлеровской Германии на Польшу, планировавшегося на 26 августа, но по не зависящим от Герцнера причинам ему не суждено было первым вступить в начавшуюся через несколько дней вторую мировую войну. Жертвам диверсантов Герцнера от этого легче не было.

Николай Лебедь, Роман Шухевич и его батальон «Нахтигаль» приняли непосредственное участие в еврейском погроме во Львове, уничтожении неугодных рейху и бандеровцам львовских интеллигентов, в массовых расстрелах гражданского населения Львова и его ближайших окрестностей. В первые же дни фашистской оккупации города Львова они совершили ужасные злодеяния, подвергнув пыткам и расстрелу многие тысячи гражданских лиц, в том числе женщин, стариков, детей. За все это в ответе, помимо немецко-фашистских оккупантов, их ставленники и прислужники — ОУН, марионеточное профашистское «краевое правление западных областей Украины» и его руководитель, заместитель проводника, а впоследствии главарь ОУН. Он жил и умер в Западной Германии, неоднократно посещал Великобританию, Соединенные Штаты Америки и многие другие страны, участвовавшие в антигитлеровской коалиции периода второй мировой войны. Был случай, когда американские власти отказали Стецько во въездной визе, но затем, как бы спохватившись, его стали принимать в конгрессе США, приглашать в числе других антисоветчиков в Белый дом.

Стецько

Всю свою не такую уж и короткую жизнь Стецько только то и делал, что нанимался, продавался, изменял и продавал, специализировался на провокациях и терроре, что было и остается по сей день основой деятельности ОУН. А с нею Стецько был связан с самого начала ее создания.

После кратковременного пребывания на посту председателя «краевого правления западных областей Украины» Стецько представил в ведомство Альфреда Розенберга подробную автобиографию, в которой всячески пытался доказать, что он был и остается верным слугой гитлеровского рейха. Он, в частности, писал: «Весной 1932 года стал я идеологически-политическим лейтером в краевой экзекутиве ОУН на западноукраинских землях, главным редактором всех подпольных изданий ОУН и шефом ресорта воспитания ОУН. В 1932—1933 годах неоднократно принимал участие в закордонных конференциях с вождем Евгением Коновальцем и Проводом ОУН в Берлине, Данциге и Праге».

В автобиографии Стецько особо отметил, что он был причастен к «покушению на советского консула во Львове». Речь идет об убийстве в 1933 году секретаря советского консульства Андрея Майлова. Этот террористический акт в конечном итоге был рассчитан на то, чтобы спровоцировать конфликт между СССР и Польшей.

«В следующем, 1934 году,— пишет Стецько,— я был арестован в связи с убийством министра Перацкого и приговорен к 5 годам строгого тюремного заключения».

«После выхода из тюрьмы в декабре 1936 года,— писал далее Стецько,— я фактически выполнял обязанности краевого проводника ОУН до августа

1937 года. В августе по приказу вождя Евгения Коновальца выехал я в Германию, в Вену (Вена для Стецько уже не австрийская столица, а рядовой германский город.— *Прим. авт.*), где возглавил политическую и программную подготовку II конгресса ОУН с тем предназначением, что после сбора я должен был занять пост идеологически-политического руководителя в Проводе украинских националистов. После второго сбора я занял этот пост и выполнял до апреля 1940 года, когда произошел раскол с полковником А. Мельником. ... В новообразованном Проводе занял я пост политического руководителя и (возглавил) подготовку политического и программного содержания Великого сбора ОУН, который созвал проводник Степан Бандера. С лета 1939 года я находился в Италии, в Генуе и Риме, занимаясь там внешнеполитической деятельностью, издавая «Националистическую прессовую службу» на итальянском языке, сотрудничая в итальянских политических журналах по делам Востока, а также устанавливая сотрудничество с соответствующими итальянскими органами».

Много еще расписывал Стецько свои заслуги, набивал себе цену. Он не решился утаить от нацистских шефов факт установления «сотрудничества с соответствующими итальянскими органами», хотя и не указал, что сотрудничал с ними под псевдонимом Белендис и составил на этой стезе солидную конкуренцию известному агенту итальянской фашистской разведки Евгению Онацкому, члену Провода украинских националистов, оставшемуся после раскола ОУН верным Андрею Мельнику.

В эмигрантских кругах стало широко известно, что Стецько выдал «соответствующим итальянским органам» много такого, что не могло не повредить

эмигрантам, в том числе и националистам, в особенности тем, на кого у Стецько-Белендиса был зуб.

В октябре 1940 года референтура пропаганды Провода ОУН опубликовала «Коммуникат», информируя членов ОУН об одном из всеобъемлющих доносов Стецько, а именно об изложении состояния дел ОУН в письме в министерство иностранных дел Италии.

Во время раскола в ОУН Ярослав Стецько переметнулся к Бандере, на которого, как на более «революционного» по сравнению с действующим председателем Провода украинских националистов Андреем Мельником, сделали в то время ставку специальные службы гитлеровской Германии. Спустя несколько месяцев после раскола, 1 октября 1940 года, двадцать пять оуновцев, оставшихся в составе мельниковской ОУН, обратились к Бандере и его сообщникам с письмом, в котором упоминается и Ярослав Стецько. «Мы хорошо знаем,— писали они,— что вас никогда не оставляла мания захвата власти... И жаждущие ее — после распада Польши и освобождения из тюрем — бросились, лязгая зубами, в анархию. Недаром же ваш собственный „идеолог“ Стецько-Карбович называет вашу клику „стаей голодных волков“...»

Далее в автобиографии Ярослава Стецько говорится:

«Как политический руководитель организовал я консолидационную акцию, результатом которой был съезд представителей всех здоровых сил украинства за границей в Кракове 22 июня, в день начала войны. В тот самый день я выехал из Кракова... В тот же день, когда немецкая армия вошла во Львов, я прибыл туда, где, как сообщил в отдельном письме от 15 июля 1941 года, провозгласил возобновление украинской государственности

и принял по поручению проводника Степана Бандеры председательство в правительстве во Львове...

Правительство приступило к практической работе, организовывая хозяйство, администрацию, милицию и т. д., стремясь наладить наитеснейшее сотрудничество с немецкими военными органами и создать им возможность и всесторонне помочь, организуя собственными силами всю жизнь» («всю жизнь» дописано вместо вычеркнутого «всяческую, какая только понадобится, помощь немецким вооруженным силам»).

Стецько жаловался на роспуск его «правления», описывая хождения по «аудиенциям» и «послушаниям», и констатировал: «В результате моих многочисленных переговоров с военными органами и СС мне сообщили, что правительство не может быть признано, а мне воспрещается вести всякую политическую деятельность и предлагается не выезжать из Львова. На следующий день (9 июля 1941 года. — *Авт.*) в 4 часа мне сообщили из СС, что я арестован и должен ехать в Берлин. В среду меня привезли из арестантской во Львове в Краков, из Кракова в четверг вечером привезли меня в Берлин, а в пятницу меня освободили».

На этом заканчивается первый раздел автобиографии Стецько. Второй раздел посвящен изложению «политических взглядов» ее автора, вполне пригодных для включения в обвинительное заключение прокурора. Стецько, например, писал:

«Я был одним из творцов идеологии и программы организации... В политической плоскости стою на платформе авторитарного и монопартийного устройства Украины, в социальной плоскости — национального солидаризма, близко стоящего к национал-социалистской программе...

Стою на платформе истребления жидов и целе-

сообразности перенести на Украину немецкие методы экстерминации жидовства, исключая их ассимиляцию и т. п.».

Стецько заканчивает автобиографию верноподданническими излияниями в адрес нацистских шефов:

«Я осознаю, что только лишь через победу Германии возможно восстановление суверенной и соборной украинской державы. Историческая судьба и геополитическая действительность определили путь Украины, а также и Германии. Хозяйственная структура Украины диктует ее сотрудничество с Германией. Понимая, что мы победим или погибнем вместе с Германией, которая сейчас проливает кровь, как и украинский народ, на широких степях Украины за общее дело, стоим на платформе полной, какая только будет необходима для Германии, хозяйственной поддержки всеми возможными средствами со стороны Украины, так как речь идет здесь о совместном успехе или неуспехе. Тем более что огромные жертвы, которые приносит германская армия в борьбе с Москвой, мы осознали, должны быть компенсированы немецкому народу. Суверенная соборная украинская держава предоставит такую компенсацию и обязана предоставить, а украинская национальная армия, которая будет стоять на границах Украины, будет держать фронт против наскоков Москвы, и в Германии будет обеспечена восточная граница, чтобы наводить лад и порядок среди других враждебных, а не как Украина, дружественных народов. Этот штандпункт поддерживаю я как шеф украинского правительства».

Бывшему «шефу краевого правления» пришлось некоторое время остаться не у дел, даже побывать в концентрационном лагере Заксенхаузен, получив-

шем печальную известность не только как места казни ста тысяч узников, но также как школы эсэсовских палачей. Стецько и некоторые другие националистические главари находились в Заксенхаузене на привилегированном положении, постоянно встречались со своими шефами из СС, разрабатывали проекты диверсионно-террористических акций против стран антигитлеровской коалиции. Так, например, именно в то время, когда, по утверждению Стецько, он находился в «бункере» — отделении строжайшего режима Заксенхаузенского концлагеря, состоялась его встреча со Степаном Бандерой и любимцем Гитлера оберштурмбанфюрером СС Отто Скорцени, в ходе которой вновь обсуждались планы диверсий в тылу Советской Армии.

В 1944 году Стецько вновь включился в непосредственную провокаторскую работу в Вене и Мюнхене, используя ореол «узника Заксенхаузена» и разглаживая о своем «конflikте» с гитлеровскими властями. Если бы такой конфликт действительно имел место, Ярослава Стецько не включили бы весной 1945 года в эсэсовский «Вервольф» — последнюю надежду третьего рейха в борьбе против союзников по антигитлеровской коалиции.

Когда колонна эсэсовских автомашин под прикрытием Баварских лесов пыталась укрыться в Альпах, ее обнаружили американские самолеты. Во время бомбежки Стецько получил серьезное ранение и, таким образом, не смог оправдать «последнюю надежду», возлагавшуюся на него эсэсовцами. Тем не менее Стецько полностью оправдал принятое на себя прозвище вервольфовца («вервольф» означает «оборотень». — *Прим. авт.*) и в послевоенной Западной Германии смог втереться в доверие к английским, американским и французским оккупационным властям.

Достоянием прессы стал отчет капитана французской разведки Мерика о его встрече 20 октября 1948 года в западногерманском городе Баден-Бадене со Стецько и другим военным преступником, бывшим главарем латвийской военизированной фашистской организации «айзсаргов», бывшим министром профашистского правительства Латвии 30-х годов Альфредом Берзиньшем. В отчете упоминалось, что это уже не первая встреча французских разведчиков со Стецько и Берзиньшем, и излагалась также сущность предложений будущим шпионам. Капитан Мерик писал:

«Они заявляют о своей готовности сотрудничать во всяком движении, направленном на борьбу против коммунизма... выдают себя за вооруженных представителей за границей своих соотечественников, оставшихся на месте. Располагают очень разветвленной сетью организаций самообороны, которая дает им возможность выявлять провокаторов, засланных Советами. Располагают также военной силой (УПА). Заявляют о своей способности давать разведывательные сведения политического, экономического и военного характера о таких странах, как Прибалтийские, Чехословакия, Венгрия, Украина и Кавказ, а также вести работу по разложению Советской Армии и готовы посвятить себя организации и проведению крупного саботажа в СССР или в его государствах-сателлитах при содействии вооруженных сторонников, которыми они располагают. Желали бы установить контакты с французскими разведывательными службами.

Письменное сообщение будет позже получено от Стецько по следующим вопросам: о их положении вообще, о целях, которые они преследуют, о средствах, которые они могут предоставить в наше распоряжение, а также о том, что желали бы они получить от нас».

В то время Стецько возглавлял созданный в Мюнхене в 1946 году «Антибольшевистский блок народов» (АБН), вокруг которого группировались различные антисоциалистические и антисоветские организации, преимущественно профашистского характера.

В 1959 году Стецько стал преемником Бандеры на посту председателя Провода ОУН. Позже вошел в руководство новообразованной антикоммунистической организации «Европейский совет свободы», где вновь оказался рядом со старым знакомым и коллегой, офицером абвера, политическим руководителем диверсионных батальонов типа «Нахтигаль». Речь идет о Теодоре Оберлендере, одно время занимавшем министерское кресло в правительстве Федеративной Республики Германии, но вынужденным уйти в отставку после скандального разоблачения его злодеяний в период второй мировой войны.

Стецько безуспешно добивался встречи с президентами США Джоном Кеннеди, Линдоном Джонсоном. Не прислушался Л. Джонсон и к письменному призыву Ярослава Стецько двинуться на Советский Союз «атомно-крестовым походом».

Новый всплеск повышенного внимания к различным «контрас», в том числе и к украинским националистическим, антисоветским зарубежным организациям, наступил после прихода в Белый дом администрации 40-го президента США. В первый же год президентства Рональда Рейгана Стецько с женой Евгенией-Славой Стецько прибыл в Вашингтон и был допущен в Белый дом на церемонию подписания президентом США ежегодной прокламации «недели поработанных наций», уже в течение трех десятков лет призывающей выискивать недостатки за океаном и в любых других странах, не желающих следовать в фарватере вашингтонской политики.

Кроме того, военный преступник, террорист, антисемит, человеконенавистник Стецько был принят в конгрессе США и в редакции газеты «Вашингтон пост». Как видно, правящие круги США, вашингтонская администрация склонны произвольно толковать собственные решения о необходимости наказания нацистских преступников и вопреки здравому смыслу не могут удержаться от использования опыта борьбы против Советского Союза, приобретенного Стецько и ему подобными «борцами за свободу» за время служения гитлеровским спецслужбам.

С того времени Стецько стал частым гостем американских «ястребов», раздавал интервью, восхваляя агрессивность главы Белого дома («Внешняя политика Рейгана лучше политики предыдущих администраций». — «Вашингтон таймс», 1 апреля 1983 года), поучал: «Необходимо разорвать экономические отношения с Советским Союзом; не помогать ему и сателлитным государствам зерном, технологией. Не только Рейгану, но и всем западным нациям, особенно Западной Европе, а также Японии необходимо изолировать Советскую Российскую империю от помощи Запада» (там же).

При жизни Ярослава Стецько его жена, по свидетельству многих знавших эту странную бездетную супружескую пару, играла в семье, да и в организационных националистических делах, по существу, роль теневого «премьер-министра». Как видим, в семье фиктивного «премьер-министра Украины» все же не обошлось без настоящего «преьера».

Евгения Стецько (девичья фамилия Музыка) родилась в 1920 году в Тернопольской области, окончила гимназию, а в период фашистской оккупации — три курса так называемых «технических про-

фессиональных курсов», открытых на базе Львовского политехнического института, что, очевидно, послужило поводом, чтобы впоследствии ее стали называть мвгистром. Во время учебы увлекалась писаниями фашиствующего идеолога национализма Дмитрия Донцова, примкнула к Организации украинских националистов, даже занимала пост подреферента областного Провода ОУН по работе в так называемом «Украинском Красном Кресте» и известна была под псевдонимом Тырса. В последующем она стала пользоваться другим псевдонимом — Муха, подписывала им «организационные» документы.

После замужества с Ярославом Стецько Муха сделала карьеру в ОУН, стала редактором журнала «АБН корреспондент», затем председателем экзекутивы АБН, неизменно сопровождала мужа в его разъездах по различным странам мира, а после его смерти стала «наследным» президентом АБН. Стремление к карьере, упрямство, самолюбие, хвастливость во многом объясняются ее болезненной манией величия, подстегиваемой явным комплексом неполноценности. Не исключено, что это у нее наследственное: мать, Юлия Музыка, умерла в психиатрической больнице, сестры Стефания и Мария также психически больные. Можно было бы не упоминать об этом, если бы «особенности характера» нынешнего главаря АБН не проявлялись вовне и не были направлены против жизни и безопасности людей.

Еще в начале 1960 года, выступая в качестве представителя «Закордонных частей ОУН» на заседании существовавшего в то время в ФРГ так называемого «Союза свободы», Муха заявила дословно следующее: «Мы не можем ожидать окончания холодной войны в результате какого-то смяг-

чения напряженности или же создания нового существования. Мы должны добиться полного свержения коммунизма и развязывания третьей мировой войны». Такой необузданной патологической агрессивности не выдержал даже выдавший виды и отнюдь не прокоммунистически настроенный участник совещания, представитель эстонской эмигрантской организации. Он выкрикнул в лицо Мухе: «Вы проклятая ведьма! Вы смеете в моем присутствии говорить такие слова! Я знаю все кошмары войны. Я сам пережил это. Я знаю, что такое война, а новая война — это полное уничтожение и на Западе, и на Востоке, а вы не имеете понятия о войне, мадам. Если бы вы были мужчиной, я дал бы вам пощечину. Вы проклятая ведьма, если у вас рождаются такие мысли».

Такие же мысли проповедовал и Ярослав Стецько. Например, выступая с докладом на так называемом «шестом великом сборе ОУН», он провокационно заявлял: «Для НАТО нет альтернативы... кроме ограниченной ядерной войны». Он же разглагольствовал на тему о «гуманизации» войны путем применения нейтронных бомб.

Со времени «великого сбора», идеи которого всячески пропагандировал стецьковский «Антибольшевистский блок народов», прошло не так уж много времени, но в нынешней программе АБН сейчас появились новые нотки. Например, состоявшаяся в ноябре 1986 года в Торонто конференция АБН, на которой одним из докладчиков выступила уже в качестве председателя этого «блока» Евгения Стецько, проводилась по теме «Национальное освобождение как альтернатива ядерной войне». В декабре того же года Стецько выступила с докладом на конференции АБН в Нью-Йорке и вновь говорила об альтернативе, а также о неизменности ос-

новой цели АБН — подрыва сложившейся в социалистических странах общественной системы. Выступления Мухи на этих конференциях свидетельствуют о том, что смещение акцента с одной альтернативы на другую, по существу, является демагогической попыткой спекулировать на антиядерных настроениях абсолютного большинства людей и в то же время «не мытьем так катаньем» подрывать, дестабилизировать, очернять все, на что направится «перст указующий» действительных шефов АБН — шпионско-диверсионных ведомств.

ХVIII. ЗИГЗАГИ «ЭЛИТЫ»

За время своего существования дивизия СС «Галициен» неоднократно меняла официальное название, в котором неизменно оставалось упоминание о ее принадлежности к войскам СС. Только в конце апреля 1945 года руководство СС пошло на присвоение ей наименования «1-й украинской дивизии украинской национальной армии», в котором СС уже не упоминались, и сделано это было в связи с вызревшим решением о сдаче ее в плен английским войскам. Формальное изъятие из наименования дивизии аббревиатуры «СС» и ссылка на несуществующую «украинскую национальную армию», по замыслу инициаторов этого камуфляжа, должны были способствовать сохранению личного состава дивизии и отношению к нему как к военнослужащим обычных воинских частей германского вермахта.

Одна ложь порождает другую. Так, наслаиваясь одна на другую, ложь во спасение, к которой прибегли перед своим неизбежным крахом эсэсовцы из дивизии «Галициен», приняла формы, узаконен-

ные властями Великобритании, США, Канады и других западных стран, разрешивших организационное оформление военных преступников-эсэсовцев в «Братство бывших воинов 1-й украинской дивизии украинской национальной армии».

Националистические фальсификаторы, рассчитывая, очевидно, на нивелирующее влияние времени, сплошь и рядом изображают дивизию СС «Галициен» как некую украинскую воинскую часть, сформированную для борьбы за интересы «самостийной» националистической державы и занимавшую едва ли не антигитлеровские позиции.

Еженедельник Военной управы дивизии СС «Галициен» газета «До перемоги» в первом же своем номере от 23 декабря 1943 года четко расставила все акценты, заявив с нескрываемой гордостью за причастность к нацистской воинской элите, что дивизия СС «Галициен» является «частью европейских армий Гитлера».

В том же номере газеты приводилось описание принятия присяги в одном из учебных лагерей дивизии СС «Галициен», расположенных на территории Франции. Выступивший на этих «торжествах» губернатор дистрикта Галициен бригаденфюрер СС Отто Вехтер разъяснил новообращенным эсэсовцам, да, пожалуй, и тем, кто сегодня пытается обелить дивизию СС «Галициен»:

«Когда вы сегодня принесли присягу Адольфу Гитлеру, то вы, добровольцы из Галиции, обязаны двукратно и троекратно фюреру.

Во-первых — как фюреру и верховному главнокомандующему германских вооруженных сил.

Во-вторых — вы обязаны Адольфу Гитлеру как фюреру рейха...

А в-третьих — вы также обязаны Адольфу Гитлеру как фюреру новой Европы...

Когда вы сегодня носите форму отделов СС, то должны знать, что эта одежда является для вас высоким отличием».

В следующем номере газеты «До перемотки» от 6 января 1944 года побывавший вместе со свитой Вехтера в учебных лагерях Любомир Мацюк, описывая «праздник присяги», вспоминал: «В конце из сотен глоток прозвучало: «Слава!» — в честь фюрера».

Бессменным командиром дивизии был оберфюрер СС Фриц Фрайтаг. В начале войны он командовал полицейским полком, работал в штабе рейхсфюрера СС, командовал эсэсовским полком, а в 1943 году получил назначение в дивизию СС «Галициен». Только в самом конце войны, после переименования дивизии в «1-ю украинскую дивизию», он уступил свое место генералу с почти сорокалетним полицейским стажем Павлу Шандруку. Главной и первоочередной задачей нового командира стала подготовка к сдаче в плен англичанам. В конечном итоге большинству эсэсовцев из дивизии «Галициен» удалось избежать участи других участников элитных частей гитлеровской Германии, определенной приговором Нюрнбергского Международного военного трибунала.

Подразделения дивизии СС «Галициен», начиная с периода их пребывания в школах и учебных полевых лагерях, активно использовались в карательных акциях против партизан и местного населения, на их счету десятки сожженных населенных пунктов, многие тысячи расстрелянных и зверски замученных людей. Это стало основной специальностью эсэсовцев из дивизии «Галициен».

В первые годы после окончания второй мировой войны националистические «историки» еще пытались утверждать, что дивизия СС «Галициен»,

мол, никогда не участвовала в карательных операциях против партизан и тем более против гражданского населения. Отвечая на подтвержденные документами обвинения в зверских расправах, чинимых эсэсовцами в Словакии, они даже осмеливались публиковать «воспоминания» о дружеских взаимоотношениях со словаками. В доказательство приводились примеры, что офицеры расплачивались с проститутками, а некоторые солдаты были наказаны в дисциплинарном порядке за попытки грабежа и насилия.

Только спустя многие годы националистические «историки» решились сами себя опровергнуть и начали хвастать успехами дивизии СС в борьбе против патриотических сил, и в подавлении Словацкого национального восстания в частности. В издаваемом бывшими эсэсовцами из дивизии «Галициен» журнале на украинском языке «Висти комбатанта», № 5—6 за 1968 год, в статье Василия Яшана говорилось:

«...Лето 1944 года в Словакии. Тогда партизаны заняли было часть Словакии с Банской-Быстрицей как центром партизанского движения... Чтобы очистить занятую партизанами территорию, немцы заняли всю Словакию, разоружили части словацкой армии и начали непосредственную акцию очищения территории, занятой партизанами. В этой акции принимали участие также части дивизии «Галициен». В середине октября 1944 года бои против партизан были настолько успешными, что была освобождена Банская-Штьявница. В этом городе находилось командование данного участка фронта, а также был штаб одного батальона дивизии, который держал фронт в непосредственной близости от Банской-Штьявницы».

Бывший офицер дивизии СС «Галициен» Вла-

димир Вашкович в № 1—3 журнала «Украинский самостийнык» за 1972 год в серии статей также ударился в воспоминания, не удержавшись от похвалы: «...батальон подполковника Вилднера... был отмечен во фронтовых отчетах после разгрома словацких повстанцев под Банской-Быстрицей». Сам Вашкович служил под командой Вилднера и еще и поэтому всячески превозносил «героизм» именно этого эсэсовского батальона.

После Словакии дивизия СС «Галициен» использовалась в антипартизанских акциях на территории Югославии, в Словении. Ее путь пролегал все дальше от территории Украины, которая 14 октября 1944 года отметила полное освобождение от немецко-фашистских оккупантов своей территории в границах 1941 года.

К этому времени многие нацистские коллаборационисты осознали, что начался необратимый процесс распада гитлеровской Германии, и предпринимали меры к личному спасению. Наряду с этим главари националистических организаций продолжали повторять геббельсовские измышления о непобедимости третьего рейха. Им так хотелось поверить в обещанное Гитлером и Геббельсом чудо. С другой стороны, страшила мысль остаться в одиночестве, быть брошенными своими. Это порождало подозрительность, озлобленность, разногласия и распри в собственной националистической среде.

Весьма характерным в этом отношении является *«общественно-политический отчет за ноябрь 1943 года»*, составленный бандеровцами во Львове. Необходимо отметить, что до изгнания из Львова немецко-фашистских оккупантов оставалось еще восемь месяцев. «Отчет» отражает как общие настроения в националистической среде, так и

взаимоотношения бандеровцев с другими профашистскими националистическими организациями. Его авторы писали:

«Политическая ситуация — под знаком возможности прихода большевиков. И должны отметить, что уже эта возможность в значительной степени анархизировала жизнь. Ни одно из политических группирований не давало какого-либо точного ответа на вопрос «что делать» в связи с этой возможностью. Не давали такого ответа и мы...

Хуже всего в это критическое время показали себя УЦКовцы¹. А именно: некоторые господа, руководители и референты в день, когда большевики заняли Житомир, внезапно заболели и не явились на работу, вместо этого прислали своих жен, чтобы те сожгли их бумаги. Иные (снова-таки Добрянский, Кушнир) совещались, что делать с кассой и складами УЦК. Эти критические дни раскрыли истинное лицо УЦК, а именно что это — банда, у которой даже в самый черный момент в голове нежива... Когда наконец Житомир был отбит, атмосфера нормализовалась, или, вернее говоря, началась нормальная междупартийная грызня. (Хотя была она и во время паники, например, Сушко² якобы сказал, что мельниковцы эмигрируют в Германию, а бандеровцев, когда они туда сунутся — ждет верная смерть)...»

Даже в рядах ОУН начался разброд. Мельниковцы, или сторонники А. Мельника (да в конеч-

¹ УЦК — «Украинский центральный комитет», созданный в 1940 году в Кракове как «представительство» украинского населения в генерал-губернаторстве. Возглавлялся Владимиром Кубийовичем, действовал под непосредственным руководством нацистских правителей генерал-губернаторства.— *Прим. авт.*

² Роман Сушко — один из главарей ОУН-мельниковцев.— *Прим. авт.*

ном счете и не только они), начали пропагандистскую кампанию против Лебедея и Шухевича, обвиняя их в том, что на Волыни уничтожена украинская интеллигенция, нарушена жизнь, что Шухевич, собственно, хочет сделать то же в Галиции, поэтому нужно бороться против них. Более того, полковник Сушко якобы заявил в частном разговоре на тему о консолидации следующее: «Нужно вырезать всех стецьков, бандер, лебедей и еще коекого поменьше, а тогда говорить о консолидации...»

Вообще верным другом и соратником мельниковцев в антибандеровской работе был УЦК (впрочем, так было всегда)... На счет исключительно УЦК следует отнести листовки «мы победим», листовки-заявления о «верности украинцев немцам до самого гроба».

Рассорившиеся между собой, изгнанные с территории Украины и всех других стран, где они совместно с немецко-фашистскими захватчиками пытались устанавливать «новый порядок», украинские националисты завершили порочный круг своих преступлений в местах, откуда в 1939—1941 годах начали свой «дранг нах Остен». На территории Австрии закончила свой путь и дивизия СС «Галициен». Перелицованная в «1-ю украинскую дивизию», она всячески старалась выполнить последнее указание руководства СС и сдаться в плен английским войскам. Это поначалу не удалось, и дивизия оказалась в плену у американцев. Ей грозила передача советским союзникам по антигитлеровской коалиции, и только вмешательство Ватикана и влиятельных деятелей Великобритании помогло ей попасть под опеку английских военных властей. Со временем основная часть участников дивизии СС «Галициен» оказалась в Великобрита-

нии, а уже оттуда под видом беженцев, перемещенных лиц — Ди-пи, эмигрантов и «жертв большевизма» рассеялась по многим странам западного капиталистического мира. В США, Канаде и ряде других стран со значительной концентрацией украинских иммигрантов бывшие эсэсовцы создали свои братства, издают печатные листки, со страниц которых ведут антисоветскую, антисоциалистическую пропаганду.

Ни шагу без господина

Не меньшее, если не большее, влияние на деятельность послевоенных украинских националистических организаций оказали и в определенной степени продолжают оказывать по настоящее время бывшие участники «Украинской повстанческой армии». Ее созданием занялись вплотную после провала «молниеносного восточного похода» фашистских армий и поворота их в обратном направлении, прочь с советской земли.

Отделы УПА формировались, обучались, вооружались, проходили практику в противопартизанских карательных акциях, отработывали связь и тактику взаимодействия с отступающими на Запад частями гитлеровского вермахта, закапывались в землю на время прохождения фронта. Оказавшись в тылу наступающих войск, они начинали действовать.

СС, абвер, армейские штабы старались не оставлять документов, раскрывающих их взаимоотношения с направляемыми в тыл советских войск нелегальными группами. Тем не менее попавшие в руки союзных армий документы проливают свет на их причастность к организации, вооружению,

руководству и, конечно же, использованию УПА.

Возьмем для иллюстрации сравнительно небольшой промежуток времени, предшествовавший переходу УПА к активным действиям в тылу советских войск.

12 февраля 1944 года генерал полиции и бригаденфюрер СС Бреннер докладывает: *«УПА посылает разведчиков, главным образом девушек, в районы, занятые врагом, и сообщает результаты 1-Ц¹ боевой группы».*

В донесении Бреннера далее говорится: *«Чтобы не мешать этому необходимому для нас сотрудничеству», даны следующие распоряжения:*

«1. Разрешить свободно проходить агентам УПА, имеющим пропуск, подписанный капитаном Феликсом, или выдающим себя за служащих УПА; оружие у них не отбирается. По требованию агенты быстро отводятся к 1-Ц боевой группы.

2. При встрече с немецкими отрядами отряды УПА дают себя узнать знаком, держать левую руку с растопыренными пальцами перед лицом. Против них не открывается боя, разве только если огонь будет открыт с противоположной стороны».

8 апреля 1944 года начальник полиции безопасности и СД по Галиции докладывал в своем донесении: *Штурмбанфюрер СС Шлитц — 1-Ц (начальник отдела разведки и контрразведки) группы Прюцмана... сообщил, что ввиду необходимости расширять сеть связных он вступил в контакт с маленькими группами-бандами, чтобы использовать их в разведке и диверсионных операциях против советских партизан и Красной Армии.*

¹ 1-Ц («Айн-Це») — отделы войсковой разведки, действовали в контакте с абвером.— Прим. авт.

Успехи, достигнутые в результате этого сотрудничества, большие...

Из сотрудничества с отдельными командами УПА он сделал вывод, что УПА честно стремится поддерживать германские интересы.

У меня сложилось впечатление, что Шлицц с помощью УПА создал хорошую сеть разведчиков».

22 апреля 1944 года в РСХА группенфюреру СС и генерал-лейтенанту полиции Мюллеру направлен из Львова доклад с пометкой: «В делах использовать как государственную тайну». В нем говорится также о следующем:

«Как уже докладывалось, вермахт и прежде всего абвер и впредь будут сотрудничать с УПА. Для уяснения намерений абвера в отношении УПА 19 апреля с начальниками трех подразделений абвера армейской группы «Юг» было проведено совещание, на котором выявились следующие взгляды:

1. Абверкоманда 101 (подполковник Линдхардт).

...Для его разведывательной службы могли бы быть использованы только люди, пригодные для военной службы, которые в Галиции, как правило, принадлежат к группе Бандеры или УПА...

Отчеты, представляемые УПА по военным вопросам, очень обширны (10—15 сообщений в день) и в большинстве случаев используются войсками. К тому же подразделения украинских банд в отдельных случаях вместе с германским вермахтом боролись против Красной Армии и советских партизан.

2. Абверкоманда 202 (подполковник Зелигер).

Подполковник З. придерживается того же мнения. Его задание: проведение диверсий за ли-

нией фронта может быть выполнено только с помощью УПА... Усиление УПА путем снабжения оружием и обучения соответствующих сил есть в интересах вермахта...

Кроме того, ему следует позаботиться о практическом использовании всех подразделений УПА, находящихся в Галиции, а после их обучения и вооружения сбрасывать с самолетов на территорию, занятую русскими, или более крупными группами перебрасывать через линию фронта, используя стыки флангов воинских частей. На это есть разрешение компетентных берлинских властей. Он уже длительное время имеет связь через посредника с Шухевичем и уже получил от него несколько человек для подготовки...

В ближайшее время он по согласованию с Берлином вооружит группу, примерно 100 человек, в районе участка фронта Делятин—Станислав и с помощью действующих там немецких частей перебросит их через линию фронта. Перевооружение будет осуществлено непосредственно перед тем, как группа будет переправляться через линию фронта».

Подобными документами можно иллюстрировать деятельность УПА и в последующие месяцы, и в 1945 году, последнем году существования гитлеровской Германии.

В их свете приобретают истинное звучание многие другие документы, в которых употребляются такие выражения, как «переговоры», «встречи», «соглашения».

Не о «переговорах» шла речь, а об отработке заданий отделам УПА, взаимодействии с вермахтом, «Айн-Це», абвером. Об этом, в частности, говорилось 11 августа 1944 года на встрече главрей УПА с представителями немецко-фашистской

группы войск «Северная Украина». Как видно из составленного по результатам встречи документа, было согласовано следующее:

«УПА обязуется давать немецкому командованию сведения о положении банд (имеются в виду советские партизанские отряды.— Прим авт.), допрашивать беглецов из Львова и окрестностей. Уполномоченный УПА предлагает, чтобы переговоры между фронтовым разведывательным отделом¹ 202 и штабом связи УПА начались в Крынице. Было решено, что переговоры с УПА начнутся 14 августа, а 16 августа будет передана партия оружия для УПА».

На этой встрече по предложению главарей УПА, опасавшихся отрицательной реакции на сговор с фашистами (в тексте так и записано: *«Принимая во внимание настроения их членов»*), было установлено, что *«УПА вынуждена сотрудничать с немецким командованием объяснять как тактическое мероприятие и никоим образом как действительное сотрудничество».*

Таким образом, этим соглашением преследовалась еще одна немаловажная для главарей УПА и ее нацистских шефов цель: удержать в УПА демагогией и обманом втянутых в нее рядовых «боевиков».

Ко времени указанной встречи обстановка для гитлеровских захватчиков сложилась крайне напряженная. Десятью днями раньше вспыхнуло восстание в Варшаве.

30 августа 1944 года началось Словацкое национальное восстание.

¹ В 1944 году абвергруппы на фронте получили наименование «фронтовые разведывательные команды и группы». — Прим. авт.

И в том, и в другом случае на подавление восстания нацисты бросили карательные части СС и СД, составленные из украинских националистов.

К использованию националистов имел также прямое отношение бывший начальник СД и полиции оккупационного дистрикта Галициен, а затем шеф такой же службы в Словакии оберштурмбанфюрер СС Иозеф Витиска. Уроженец моравского города Йиглава, он считал себя большим знатоком положения в Чехии и Словакии. Под его командованием работало и 3-е отделение (внутренняя разведка), где собирался весь материал, касающийся украинских буржуазных националистов. Представляется, что эта организация в Братиславе была передовым бастионом не только в борьбе против партизан и подпольного движения в Словакии, но и в изучении и оценке всех проблем, касающихся украинских буржуазных националистов. Помимо этого в Братиславе размещались и воинские штабы, которые непосредственно занимались УПА.

О значении, которое придавалось организации Витиски, свидетельствует тот факт, что именно здесь объявился старый и надежный агент СД адвокат Зенон Дыденко, который был связан непосредственно с Берлином. Его начальником в Берлине, скорее всего, был работник 3-го управления РСХА некий Германн.

Перу Дыденко принадлежит обширное исследование, посвященное проблематике украинско-польских отношений, за которое он получил гонорар в сумме 5000 тогдашних словацких крон.

Сохранилось также аналитическое донесение офицера военной разведки, в то время уже причисленной к РСХА, где высказывается подозрение, что бандеровцев снабжают англичане. Но почему исключительно немецким оружием? «Чтобы не

вызвать у Советов подозрений в сотрудничестве, англичане сбрасывают с самолетов захваченное у немцев оружие».

Итак, английская разведка. Справедливое или несправедливое это подозрение? Скорее всего, это в действительности лишь догадка, которая едва ли найдет подтверждение. Впрочем, известно, что несколько американских и английских бомбардировщиков, выполнявших задания над Польшей, приземлились на советских аэродромах. То ли из-за поломок, то ли из-за недостатка горючего. Но все это — исключения, и едва ли можно предполагать, что на тех нескольких машинах можно было перевезти вооружение для УПА или ее отдельных частей.

Однако подозрение существует, и трудно от него избавиться. Известно ведь, например, что, Армия Крайова, чьи отряды действовали в советском тылу, была связана по радио с Лондоном. Из сохранившихся дешифрованных радиотелеграмм ясно, что Армия Крайова выполняла задания английской разведки. Известен также интерес англичан и к деятельности УПА. Что им было нужно? Они стремились протянуть время. Заканчивалась «горячая» война, и уже начинали вырисовываться контуры следовавшей за ней «холодной войны». Одной из задач будущего политического столкновения было желание удержать Советский Союз насколько это возможно в изоляции. Без союзников. А главное, затруднить советским войскам дальнейшее продвижение в Европу.

И в этом определенные британские круги возлагали также надежды на использование различных антисоветских формирований, среди которых УПА занимала далеко не последнее место.

Впрочем, есть еще доказательства связи УПА

и ОУН с американскими и британскими разведчиками еще в период второй мировой войны. В начале 1945 года из Словакии в Швейцарию нелегально прибыл член Провода ОУН, до недавнего времени шеф созданной оккупантами во Львове «украинской полиции», инженер Евгений Врецьона. Зачем? Для встречи с потенциальными западными союзниками, в частности с представителями британской разведки, которые законспирировались в британском посольстве в Берне.

Интрига с УПА находилась в одном ряду с другими антисоветскими интригами, которые провели британские тайные службы в ходе второй мировой войны. Им уже мерещилось в УПА „Rule, Britannia!“ — „Правь, Британия!“ И не только в УПА.

Когда война закончится и остатки дивизии СС «Галициен» попадут в плен, в числе их тюремщиков сразу же объявятся весьма любознательные джентльмены из британской военной МИ-5 и «Интеллидженс сервис». Часть своих агентов они отвезут в Великобританию, где бандеровские преступники проведут несколько лет. Их будут переучивать. Подготавливать к новым задачам в новых условиях. Их осталась лишь горстка, избранных и призванных. Как обычно бывает в таких случаях, их уже не стремятся переправить за советскую границу и пожертвовать советской контрразведке. Для этого есть другие «мавры», которые должны сделать свое дело и уйти. Среди тех, кто из лагеря для пленных перебирается на конспиративные квартиры в Великобритании, один из приближенных Бандеры — Ярослав Бенцаль.

Удивительное создание. Что правда, то правда. Состоял в «Украинской военной организации», позже в СБ ОУН. Оттуда попал в дивизию СС «Галициен», где следил, не распространяются ли в «ко-

манде» пораженческие и большевистские настроения, о чем не забывал информировать и немецкую тайную полевую полицию. Пройдя выучку в Великобритании, уехал в Мюнхен и жил в тринадцатом округе на улице Арциштрассе, где до сего времени сконцентрированы конспиративные квартиры американских секретных служб. Приставленный к службе безопасности ООН, он основную работу выполнял для англичан. Каждый случай посылки агента ООН на территорию СССР или другого союзного государства, посылал ли его начальник охраны Бандеры Кашуба, который одновременно был руководителем СБ в Мюнхене, или Мудрик, шеф СБ вне Мюнхена, проходил через Бенцалю и был одобрен англичанами. Если агенты посылались под руководством американцев и по их заданию, англичане все равно располагали об этом исчерпывающей информацией. Больше того, англичане в конце концов решали, кто из агентов им подходит или нет.

О сотрудничестве и подчиненности британской разведке националистических военных и гражданских организаций известно из многих источников. Наиболее ценно свидетельство генерала Никифора Горбанюка, который в 1938 году прятал агентов гестапо Ончула и Госчука, а его деверь был подпоручиком бывшей чехословацкой жандармерии.

8 мая 1945 года война в Европе закончилась.

Эмиссары из Западной Европы, и прежде всего из Мюнхена, старались убедить ушедших в леса «боевиков» УПА в том, что они являются первыми солдатами третьей мировой войны, которая вот-вот разразится.

Технически битва против УПА превратилась в разведку и уничтожение системы бункеров. Политически — в борьбу за сознание и совесть обманутых и совращенных. Мощные удары и продуман-

ная, а иногда и весьма рискованная для агитаторов политическая деятельность привели к тому, что банды в послевоенные годы рапались. Их членов уже нельзя было больше утратить террором, и они сдавались советским органам, которые гарантировали тем, кто добровольно бросал оружие, полную безопасность.

То, что советские органы слово сдержали, означало конец УПА.

Исчезли нелегальные организации, опиравшиеся главным образом на униатские приходы. Аналогичная ситуация наблюдалась в Польше, где польские воинские подразделения, части милиции разгромили в 1945—1946 годах основные группировки бандеровцев.

Однако еще в апреле 1946 года УПА смогла послать несколько сотен бойцов в так называемый «пропагандистский марш» на Чехословакию.

Их задачей были агрессивные акты против сотрудников органов безопасности и военных, работников народных комитетов, чехов. Вместе с тем они должны были наладить контакты и установить деловое сотрудничество со словацкими националистами. И это им в определенной степени удалось.

Целью марша была также поддержка реакционной демократической партии, подавление влияния коммунистической партии перед первыми послевоенными выборами, проходившими в мае 1946 года. Для достижения этой цели националисты выдвинули и всячески пропагандировали лозунг: «Единство славян против Праги, Варшавы и Москвы». Из тщательного анализа осуществленного националистами «пропагандистского марша» видно, что на его подготовке и самом характере лежит отпечаток британской секретной службы.

По сведениям органов министерства внутренних

дел и армейского агентства, марш нанес республике потери в размере 55 миллионов чехословацких крон. И явился последней активной операцией, которую смогла провести УПА. И из этого марша сотни УПА вернулись в ореоле дурной славы. В 1946—1947 годах по бандоуновскому подполью на территории западных областей Украины и в Польше был нанесен сокрушительный удар. Предпринятая в УПА в конце 1946 года реорганизация уже не могла ничего спасти, и ее руководители ухватились за единственную возможность — вывести уцелевшую часть УПА в Западную Германию или в американскую оккупационную зону в Австрии.

Для этого через Чехословакию должны были пройти сотни Гриня, Бира, Хроменко и Бурлака.

«Мы рассчитали, что сопротивление в Чехословакии будет самым слабым», — рассказывал Бурлак. Но это не было единственной причиной, почему сотни УПА должны были идти по территории Чехословакии. Английской секретной службе было известно, что в Чехословакии назревает битва за республику между рабочим классом во главе с Коммунистической партией Чехословакии и буржуазным блоком партий в правительстве Клемента Готвальда. Проход УПА должен был ускорить и обострить благоприятные для реакции условия, так по крайней мере считали английские политические и разведывательные службы, имевшие своих представителей в Чехословакии еще с предвоенных времен. Это кое-что да значило в условиях, когда любое нарушение соотношения сил могло привести к перевесу в пользу коалиции буржуазных партий.

Страна тогда переживала тяжелый год. Еще были свежи военные потери, ситуация усугубилась катастрофической засухой. Урожай — скорее никакой. Шли дискуссии — принимать или не принимать

«план Маршалла», а с ним и политическую зависимость от США и западных стран. Речь шла о том, сохранит или не сохранит свою власть буржуазия.

И вот в эту напряженную обстановку вторгаются бандеровцы.

Такой ход не могли придумать нищие духом Бандера, Стецько и тем более Мельник, Рен или Орлан. За их спиной стояли политические и разведывательные силы, известные своим интриганством и большим размахом. Это не были немцы. Они, пусть временно, но вышли из игры. У французов было достаточно забот у себя дома. Оставались американцы, которые начинали непосредственно вникать в европейские дела, да англичане.

Мнения о том, какую позицию занять по отношению к появившимся в Чехословакии рейдирующим группам УПА, разделились. Буржуазия твердила, что бандеровцев нужно беспрепятственно пропустить — ведь это, мол, люди, которые бегут из «большевистского ада» в «свободный мир». Коммунисты и рабочий класс твердо стояли на своем: не позволим дезорганизовать республику. Никто не смеет нарушать ее территориальную суверенность.

Это мнение победило.

Вспыхнули бои. .

Бандеровцы натолкнулись на части чехословацкой армии, и главным образом на части недавно образованного корпуса национальной безопасности. Часть бандитов погибла, другие были арестованы.

Органам безопасности удалось проникнуть в подполье и обезвредить его. Проход бандеровцев через Чехословакию стал для многих из них последней акцией. Захвачен был и командир сотни УПА Владимир Щигельский, Бурлак. Главное, чем были

озабочены члены УПА,— не попасть обратно в Польшу и не быть судимыми польским судом.

Их кровавые следы были у всех в памяти.

Окончились бои с бандеровцами, и проблематика украинского буржуазного национализма перенеслась в другую плоскость. На уровень нелегальных разведывательных сетей, тайников, внутриорганизационных склок и конкурентной борьбы за «доходные места» в эмигрантской среде.

В настоящее время наиболее одиозных главрей ОУН — Бандеры, Мельника, Стецько — уже нет в живых. Сама Организация украинских националистов разбита на три враждующие между собой части. Украинских эмигрантов и так называемых «перемещенных лиц» — Ди-Пи в Западной Германии осталось менее двадцати тысяч. Но в Мюнхене все еще существует «Центральное представительство украинской эмиграции в Германии» — ЦПУЭН, которое тщится руководить, контролировать, координировать...

Президент ЦПУЭН Антон Мельник отделен от всего мира даже физически. Его представительство размещается в массивном здании на Дахауэрштрассе, 9/11, за двумя не менее внушительными дверями. За правой из них, если идти от входа, роскошная канцелярия. С правой стороны библиотека, оборудованная как рабочий кабинет. Но вся эта пышность не может скрыть главной характеристики украинских националистов: они всегда были и остаются прислужниками.

Посыльные в полном и подлинном смысле этого слова.

Никифор Горбанюк рассказывал, что они должны были беспрекословно выполнять все приказы, которые им отдавали англичане. В любое время. Засылали агентов в Советский Союз. Без особого

успеха. В социалистические страны. Агенты ОУН объявились в Венгрии во время контрреволюционного путча. Как известно, потерпели фиаско. Однако центры в Канаде, США и Западной Германии по-прежнему далеко не безобидны. В том числе и для тех, кто принял под свое крылышко националистов.

История, которую мы рассказали лишь в самых общих чертах, да и сегодняшняя практика подтверждает это без всяких исключений и вполне последовательно.

ХІХ. «БЫВШИЕ»

Рассказ Мирослава

— «Бывшие»,— Мирослав задумался.— В последнее время это прозвище накрепко пристало к тем, кто после дальних скитаний и тщетных поисков «земли обетованной» возвратились домой, на Родину. Но еще больше «бывших» осталось там, за границей. Какие они? Мое отношение к ним? Я-то знаю их и имею о них собственное мнение, но тут чужим умом не проживешь. Отношение к эмиграции, к «бывшим» — это в конечном итоге вопрос о верности Родине, и географический фактор здесь не самый главный. Можно быть вдали от Родины и оставаться ее патриотом и, наоборот, всю жизнь прожить на одном месте «внутренним эмиграном», далеким от интересов соотечественников, общества, своей собственной страны. Я сам в некотором роде «бывший», жил вместе с ними, знакомился, ссорился, дружил. Многие из них оказались интересными людьми, помогли разобраться в событиях предыдущих лет и в жизненных ситуациях, сложившихся вокруг меня лично.

Еще во время учебы во Львове, а в особенности после выезда из Чехословакии пришлось встретиться со многими бывшими участниками националистических организаций, бывшими жителями Украины. И многие из этих встреч вносили свой вклад в познание зарубежной националистической среды: на конкретных примерах из жизни новых знакомых раскрывались человеческие характеры, прояснялась обстановка, в которой жил мой отец и продолжают существовать находящиеся за границей люди. Наиболее общим определением их является короткое, хлесткое, обидное слово «бывшие» — будто бы они еще при жизни уже списаны со счетов, будто у них отобрали нечто такое, без чего становится бессмысленным существование.

Первым живым свидетелем, кто прошел извилинами тропками заграничья и помог отыскать следы моего отца — оуновского главаря Зымного, был Григор Богданович.

Затем мы с Заряной встретились с жителем Закарпатья, участником оппозиционной бандеровцам ОУН Михаилом Бабяком, знавшим отца по дивизии СС «Галициен». Последний раз он видел отца в 1943 году и, хотя сам жил в Западной Германии до 1956 года, больше с ним никогда не встречался и ничего о нем не слышал.

На десяток лет дольше жил в ФРГ бывший бандеровец Степан Джугало. Он Зымного не знал, но дал дельный совет поговорить с Мироном Матвиейко, возглавлявшим в ОУН «службу безопасности» и уж наверняка осведомленным о всех наиболее громких делах, связанных с СБ, даже в националистических кругах пользовавшимся репутацией «кровавого».

Разыскать Матвиейко и встретиться с ним помог Григор Богданович. Думаю, без его рекомендации

разговора с бывшим шефом СБ не вышло бы. Да, собственно, он все равно не получился. Разговаривать со мной Матвиейко не стал. Шел тогда 1968 год. Я все еще надеялся продолжить разговор, когда возвращусь на Украину после летних каникул.

Судьба распорядилась иначе. С группой «непризнанных гениев», многие из которых были подобными мне недоучками, я покинул родину и оказался в новом, еще не изведенном мною качестве эмигранта. Одним из толчков для такого скоропалительного решения послужила неуверенность, во что может вылиться заинтересованность моей особой и моими «исследованиями» со стороны компетентных органов, с которыми к тому времени мне пришлось познакомиться. Была и иная причина: неудержимое желание воспользоваться внезапно предоставившейся оказией и побывать в местах, куда вели следы моего отца.

Бабяк

Заряна познакомилась с ним на тематическом вечере с участием порвавших со своим прошлым бывших оуновцев. Большинство осталось в зале смотреть кинофильм, а группа наиболее любознательных слушателей продолжала засыпать выступавших неофициальными, непротокольными вопросами.

Бабяк избежал ареста, некоторое время ему удавалось скрывать в своем прошлом преступную деятельность. Однако сознание вины, боязнь разоблачения, да к тому же далеко не выветрившиеся националистические убеждения — все это вместе взятое толкнуло его на бегство из Советского Союза.

Впоследствии он писал:

«У меня не было других мыслей, кроме страха за свою жизнь, поэтому я решил бежать за границу, где были мои знакомые по националистической деятельности. Мне удалось в 1952 году перейти границу и с большими трудностями пробраться в Австрию.

Оказавшись в Вене, я сразу попал в руки американской разведке, которая через несколько дней вывезла меня в местечко Фолкенштейн (Западная Германия) вблизи Франкфурта-на-Майне... Там я прожил более пяти месяцев под постоянным наблюдением американских солдат. Все время меня посещали разные лица из американской разведки, особенно старался один из них, «мистер Виктор», который хорошо владел русским языком. В течение моего пребывания на вилле американцы допрашивали меня об аэродромах, военных объектах, заводах и других стратегических местах, а также о вооружении Советской Армии и так далее.

Затем американская разведка предложила мне сотрудничать с ними, подчеркнув, что, пока я этого не сделаю, до тех пор не смогу устроить свою жизнь в Западной Германии, ибо, мол, они тут «хозяева ситуации». Я дал свое согласие... Тогда же с помощью американцев и по согласованию с организационным референтом ОУН Евгением Гарабачом меня приняли в члены ОУН.

Я выполнял все указания американцев и националистических главарей... В Мюнхене (куда я переселился в 1954 году) меня избрали руководителем «Мюнхенской станицы ОУН», а со временем — членом управы «Карпатского союза». Летом 1954 года американская разведка предложила мне следить за членами ОУН «двуйкарями» Богданом Пидгайным, Анатолием Каминским, Николаем Галивым и другими. Эта организация содер-

жалась на американские деньги, но ее главари были агентами английской разведки.

...Дальше я все больше убеждался, что вся верхушка ОУН, всех направлений и течений, кормится из корыта иностранных разведок и верно служит тому, кто снова плетет черные заговоры против Советской страны, против родного украинского народа. Одни служат Бонну, другие — Ватикану, третьи — англичанам, четвертые — американцам или англичанам и американцам вместе. Одним словом, служат всем, только не украинскому народу».

Бабяк не выдержал скитаний на чужбине и в 1966 году возвратился в Советский Союз. Кроме своей основной профессиональной работы, он много выступает перед общественностью, предупреждает других от повторения ошибок, совершенных им лично.

Когда по моему настоянию Заряна попыталась восстановить знакомство и встретиться с Бабяком, неожиданно возникло множество препятствий. И все же мы едем в городок, где он живет и где назначил нам встречу после убедительных уговоров общих знакомых, Зорькиных сослуживцев. Едем и снова изучаем его автобиографическую книжицу-исповедь:

— «Родился я ... на Закарпатье»;

— «В школе меня втянули в молодежную националистическую организацию «Пласт»;

— «Когда гитлеровские фашисты начали агрессию в Европе, подняли свои головы и так называемые вожди ОУН. Еще до этих событий они подготавливали почву и кадры, втягивали молодежь в свои ряды, чтобы можно было отчитаться перед Гитлером за свою работу».

Далее начали встречаться фамилии из на-

ционалистической среды, в которой находился мой отец:

— профессора Приходько, Трухлый, которые «наделали тут много беды, обманывая молодежь, воспитывая ее в духе предательства своего народа»;

— сотник Леонид Клименко, «шпион на службе третьего рейха», обманом толкнувший на эмиграцию в 1939 году более трехсот молодых людей. «Сначала,— говорится в брошюре,— выехали в Словакию, где Клименко связался с глинковской гвардией и поместил нас в их придунайские военные казармы... Клименко организует среди нас группки для террористической деятельности против мадьярского населения».

Затем Михаил Бабяк оказался в Кракове, стал личным адъютантом полковника Романа Сушко — время, город, фамилия, уже встречавшиеся в биографии моего отца. Однако после раскола в ОУН их пути разошлись. Отец оказался среди бандеровцев. О себе же Бабяк писал: «Я встал на сторону Мельника и позже узнал, что около четырехсот с нашей стороны было убито бандеровцами. Мельниковцы не остались в долгу и в свою очередь истребили сотни две с лишним бандеровцев».

Не здесь ли таятся причины смерти отца? А вдруг Михаил Бабяк сможет ответить на этот непростой вопрос?

Договорились встретиться. Бабяк не опаздывал. Он с приличного расстояния внимательно наблюдал за нами, изучал обстановку. Когда же наконец подошел, то откровенно признался:

— Не верю я своим бывшим друзьям из ОУН и американской разведки — от них всего ожидать можно, а, как говорится, «береженого бог бережет»...

— А казака сабля,— добавила Заряна.— Чего же вам бояться? Вы в Ужгороде так выступали, ну, настоящий молодчина. Да и решили же опубликовать свою отповедь тем же «друзьям».

— Не торопись с упреками, детка. Я обязан рассказать правду о заграничных центрах, чтобы предотвратить новые жертвы. Кто умен, пусть учтет мой горький опыт. Я сказал: «Обязан». Обязывает долг. Гражданский долг. Ради людей можно решиться не только на это. Бывшие «друзья», как вы соизволили выразиться, пообещали разделаться со мной. Да, я боюсь! Боюсь, но пока преодолеваю страх, не могу считать себя трусом. Иначе я бы не пришел к незнакомым людям.

— Мы же знакомы, долго беседовали после вашего выступления в Ужгороде,— возразила Заряна. При этом она назвала нашего собеседника по имени и отчеству.

В конце беседы он почувствовал что-то тревожное и взял с нас слово не называть его настоящего имени, а в особенности адрес жительства — «береженого бог бережет». Может быть, предвидел, что наш интерес может повлечь за собой непредсказуемые действия и дополнительную угрозу для него.

Михаил Бабяк лично знал оуновского проводника Зымного. Мог бы познакомиться в 1939 году в Кракове, Праге, в 1941 году во Львове, но тогда их пути не пересеклись. Встретились они только в 1943 году в дивизии СС «Галициен».

— Я служил в штабе дивизии, а ваш отец первоначально состоял при Военной управе, разъезжал по городам и местечкам, вербовал добровольцев. Работа, скажу я вам, не то, что окопы рыть или маршировать до упаду в любую погоду. Держал его при себе начальник Военной управы немец Альфред Бизанц. Они были знакомы задолго до

этого, хотя не знаю, что связывало полковника абвера с оуновским проводником Зымным. Так продолжалось до отправки втянутых в дивизию «добровольцев» в полевые учебные лагеря. Зымный должен был пройти офицерскую школу, но и будущие офицеры на многие месяцы попадали в руки немецких инструкторов-фельдфебелей, а те любого могли довести или до звериного послушания, или до самоубийства.

Зымный считался в Военной управе неплохим агитатором, он вообще любил поговорить и увлечь своим примером: я, мол, добровольно записался в дивизию, айда за мной. Пыл его поубавился, когда он прибыл рядовым курсантом в Брно, а затем на сборный пункт в польском Дольном Шленске. Базой для Гайделягера, как его называли, стал городок, именовавшийся тогда Нойхаммером. Он уже «прославился» в 1940—1941 годах подготовкой абверовских батальонов, таких, например, как батальон «Нахтигаль». Зымному как-то удалось вырваться в Краков к полковнику Бизанцу и с его помощью оформить отпуск для поездки во Львов. Это было как раз накануне принятия в Гайделягере присяги.

— Меня иногда спрашивают,— продолжал рассказчик,— правда ли, что «добровольцы» дивизии СС «Галициен» принимали присягу на верность Бандере или «самостийной Украине». Ничего подобного не было, никакого упоминания об Украине. Текст присяги призывал к «послушанию фюреру Адольфу Гитлеру». Ваш отец не успел принять присягу, более того, он в дивизию больше не вернулся и его зачислили в дезертиры. Больше о нем я ничего не слышал.

Возвратившись во Львов, я рассказал тете Янке, что познакомился и подружился с Заряной, что узнал нечто новое об отце — о его службе в дивизии СС «Галициен». Знала ли она сама об этом и если знала, почему скрыла от меня?

— Знала, Мирек, — ответила тетя Янка. — А не говорила потому, что боялась: не поймешь ты всего и отвернешься от такого отца. Чего только за ним не тянется: и полицейский, и гестаповец, и эсэсовец. Легко осуждать заочно, а ты поговори с ним сам, выслушай, а тогда уж суди. Ну, попал он в дивизию, пошел добровольцем. Плохо, конечно. Но ведь дезертировал из эсэсовского воинства и пострадал из-за этого. Долгое время он скрывался у знакомых подальше от Львова. Весной 1944 года наконец осмелел и приехал домой, за семьей. Радости было мало — жена отреклась от него, чтобы ее саму не арестовали как жену дезертира. Сама-то она убереглась, а Дорко кто-то выдал. Его арестовали и отвезли под стражей в дивизию. Похоже, что Дорко не покаялся, так как его судили, бросили в тюрьму, а потом отправили в Дахау. Какой же это эсэсовец, если сам чудом выжил в этом старейшем гитлеровском концлагере?

Думаю, что и с полицией было не все так просто, — развивала свою защитительную речь тетя Янка. — Как юрист он специализировался по уголовным делам и получил назначение в уголовную полицию. Да, приходил домой в полицейской форме, но говорил мне сам, что никаких официальных постов в фашистской полиции не занимал и преступлений за ним не числится. И снова-таки он сам стал жертвой полицеев. Кто-то донес, что он прячет краденое. Пришли с обыском, нашли мешок

муки, поймали, значит, вора и посадили в каталажку. Видела я этого полиция за решеткой, носила передачи. Его, правда, скоро выпустили. На Новый, 1942 год он уже был дома. Рассказывал, что выручило его заступничество знакомого немца-полковника и митрополита Шептицкого. Уж и не знаю, правду говорил Дорко или приврал — на это он был мастак.

В заключение тетя Янка решительно заявила:

— Не верю я слухам о его смерти. После войны многим было выгодно скрыться, вот и распускали слухи, что их убили фашисты или бандеровцы. Слишком уж хорошо знаю я своего брата. Некому было отучить его от лжи... А вдруг все эти слухи — его собственная выдумка, чтобы не цеплялись здесь к родственникам? Не верит и мать, бабушка твоя. Может быть, и жива только надеждой на встречу.

Джугало

К концу моего пребывания во Львове в розыск следов затерявшегося где-то за границей отца включились и родственники, и их знакомые, а однозначного ответа все не было. Нащупать недостающие, ускользающие звенья жизненного пути помог Григор Богданович. Он встретился сам, а затем познакомил и меня с его бывшим коллегой по ОУН Степаном Джугало, возвратившимся в 1966 году из-за границы и выступившим тогда на пресс-конференции в Киеве с разоблачением деятельности бандеровских организаций против социалистических стран и украинских поселенцев на Западе. Несколько позже было опубликовано также его «Открытое письмо к украинцам на чужбине». В нем, в частности, говорилось:

«Я понял, как страшно обманула, насмеялась надо мной судьба-жизнь. И именно поэтому я не могу сейчас молчать, ведь не одного меня так долго и коварно обманывали...

С националистическими идеями я познакомился еще на школьной скамье и вскоре стал симпатизировать ОУН... В первые годы немецко-фашистской оккупации я учительствовал в украинской гимназии в родном городе Сокале, а в 1943 году, верный своим националистическим убеждениям, добровольно записался в дивизию СС «Галичина» («Галициен».— *Прим. авт.*). Мы стали обычными немецкими вояками-эсэсовцами, приняли присягу на верность Гитлеру и немецкому флагу, боролись за интересы третьего рейха... Свою военную деятельность я закончил в Австрии, на фронте под Фельбахом, и вскоре оказался в лагере для перемещенных лиц... Здесь процветали спекуляция, черный рынок, борьба за командные посты, обскурантизм, доносы, провокации. Лагеря прямо кишели представителями разных украинских националистических группировок, ежедневно возникали ссоры, раздоры, политические авантюры, на этом фоне не раз доходило до преступлений и убийств. При регистрации на выезд в США, Канаду, любую европейскую страну допускались злоупотребления, подкуп, всесильное значение имел доллар. Люди богатели в течение дня или снова становились нищими. Мысль о возвращении на Родину жестоко преследовалась. За заявление о репатриации можно было поплатиться жизнью...

Со временем я стал членом так называемых «закордонных частей организации украинских националистов» (ЗЧ ОУН). Моя принадлежность к ЗЧ ОУН не нравилась заместителю европейского директора ЗУ АДК («Объединенного украинского

американского допомогового комитета») господину Маковецкому, который был одним из руководящих членов мельниковского ПУНа (Провода украинских националистов), и он без всяких объяснений уволил меня с работы...

Привлек меня к работе в референтуре связи территориальный проводник ЗЧ ОУН в Австрии Осип Тюшко. Вскоре я познакомился с референтом К-3 Г. Васьковичем. От него я узнал, что в функции «референтуры связи с краем» входит подбор из числа членов ЗЧ ОУН агентов, их обучение и засылка в Советскую Украину для шпионской, дезорганизационной или другой подрывной работы. Первым моим заданием было подыскать в Вене соответствующее помещение для группы лиц, которая должна была готовиться для перехода через австро-чехословацкую границу. В Вену я поехал вместе с Г. Васьковичем, у которого был полученный от западногерманской разведки паспорт на фамилию Маер. Помещение для будущих шпионов мы подыскали на Бехартштрассе. Начали приезжать кандидаты. Почти все они имели итальянские паспорта и, как я позже узнал, прошли соответствующую подготовку в итальянской разведывательной школе. Однако фактическим хозяином всего этого мероприятия была БНД¹. Она финансировала подготовку, давала оружие и снаряжение...

Весной следующего, 1957 года подготовка к отправке шпионов — членов ЗЧ ОУН продолжалась...

В конце мая в Аттерзее прибыл проводник

¹ БНД (Бундеснахрихтендинст) — западногерманская разведка.— *Прим. авт.*

ОУН Степан Бандера, он лично разговаривал с каждым из группы, которая должна была переходить границу, давал последние напутствия, интересовался подготовкой. Бандера подчеркивал, что они должны настойчиво собирать и передавать по радиации шпионскую информацию о предприятиях оборонного значения, расположении воинских частей, дорогах, мостах, железнодорожных узлах, о настроениях и жизни населения. Каждому из агентов было выдано оружие, техническое снаряжение, карты, коды и копия для секретной переписки, значительные суммы денег в советской, польской, чехословацкой, австрийской, западногерманской валютах, а также по 100 долларов. Все эти деньги доставила нам западногерманская разведка.

Провод ЗЧ ОУН ни одной марки не истратил на всю эту «акцию». В этом я точно убедился позже, когда работал бухгалтером и кассиром Провода, в финансовых отчетах никаких расходов на К-3 не было.

Через несколько дней — было это в июне 1957 года — вся группа диверсантов — Владимир Небесный, Василий Малысевич, Богдан Ципера и Иван Ганяк — успешно перешла австро-чехословацкую границу, затем перебралась в Польшу, а оттуда двое первых — в родной край, в Советскую Украину.

Таким образом, дело было сделано, и Бандера с Васьковичем могли доложить западногерманской разведке радостные вести, рассчитывать на щедрое вознаграждение.

А тем временем в моей жизни произошли изменения. Провод ЗЧ ОУН, оценив, наверное, положительно мою деятельность в подготовке шпионской группы, в сентябре того же года вызвал меня в бюро

Провода на Цеппелинштрассе, 67, здесь я и поселился. После смерти Бандеры новый проводник Степан Ленкавский предложил мне жить вместе с ним в квартире по ул. Ст. Бонифациусштрассе, 2, на что я согласился. Оказалось, однако, что я заслужил такую милость потому, что должен был выполнять функции личного охранника руководителя 34 ОУН. В то же время я продолжал свою работу в референтуре К-3...

К-3 продолжала свою работу, гордая своими первыми успехами. Уже тут, в Федеративной Республике Германии, мы, Васькович, Костюк, Дебрицкий и я, начали готовить для направления на Украину вторую группу диверсантов...

Понятно, что со стороны властей, полиции мы не встречали никаких помех в этих «шпионских тренировках», так как все было заблаговременно согласовано с БНД. БНД финансировала обучение и всю подготовку «боевиков», отдала для нашего пользования автомашину марки «мерседес». Мы — четыре инструктора — также были на полном содержании западногерманской разведки. Так, например: Васькович и Костюк за период подготовки этой группы получили наличными 27 000 марок вознаграждения. Конечно, кроме нас, были еще инструкторы-немцы. Все обучение было направлено исключительно на усовершенствование шпионского ремесла. В таком духе наставлял своих воспитанников проводник 34 ОУН Степан Бандера, а после его смерти Степан Ленкавский, ставя, таким образом, знак равенства между агентом — шпионом иностранной разведки и украинским националистом, членом ОУН...

Осенью 1959 года, незадолго до смерти Бандеры, в Мюнхен начали съезжаться новозавербованные для агентурной работы члены 34 ОУН. Запад-

ногерманская разведка отдала в их распоряжение виллу на Гrefельфингштрассе «Мюнхен-Пасинг». Началось обучение, которое должно было продолжаться полтора года. Весной 1961 года намечалось проложить новую шпионскую тропу на Украину.

Но не суждено было.

На головы инициаторов бесславных походов начали падать удар за ударом. В 1960 году выступил по киевскому радио и в советской печати с разоблачением преступных действий националистов Мирон Матвиейко, бывший член Провода ЗЧ ОУН, шеф СБ, которого английская разведка еще в 1951 году забросила для шпионской работы на Украину. Вскоре стало известно, что агенты, засланные на родную землю в первой и второй группе, убедившись, что на Украине никаких националистических движений, ни бунтов населения против Советской власти и в помине нет, сложили оружие и явились с повинной в органы государственной безопасности. Вместо шпионских донесений в центр ЗЧ ОУН и их хозяев в Бундеснахрихтендинст поступили с Украины заявления Небесного, Малысевича, Ганяка и Левицкого, в которых они рассказывали о шпионских заданиях, полученных от своих «проводников» из ОУН, искренне призывали обманутых рядовых членов организации порвать с продажной кучкой ландскнехтов западногерманской разведки...

В Провод ОУН входят лица, разные по возрасту, образованию, профессии, характеру. Одно только роднит всех. Будучи почти поголовно недоучками, полуинтеллигентами, ленивыми от природы снобами, они, нигде не работая, живут зажиточно и беззаботно на средства организации. У всех членов Провода проявляется безграничное стремление к величию, славе. Просто ужасные размеры

приняла погоня за титулами, учеными степенями. Ибо как же быть членом Провода и не иметь перед своей фамилией этого заманчивого, желанного, уважаемого людьми титула: доктор, магистр или инженер. Так, например, Иван Кашуба был себе простым недоучкой с начальным образованием. Когда же в 1951 году он стал руководителем рефектуры СБ вместо Мирона Матвиейко, заброшенного на Украину английской разведкой, сразу как подменили парня. Спешно обучился господским манерам, натянул на лоб шляпу, пытался вести себя как джентльмен и салонный лев, велел называть себя «господином инженером-экономистом». Будьте спокойны, друзья, за вас думают, вас оберегает сам Иван Кашуба, мудрец над мудрецами, храбрец над храбрецами, «господин инженер-экономист». Словом, стал он смешон, и с того времени все его называют за глаза Иваном Шляпой.

Подобным же образом поступили референт агентурного отделения и финансов ЗЧ ОУН «господин» Г. Васькович и территориальный проводник ЗЧ ОУН в Австрии «господин» О. Тюшко. Первый нарек себя доктором психологии, а второй — немного скромнее — ибо только доктором юридических наук. В госпожу-магистра превратилась супруга и «ответственный» секретарь председателя АБН Я. Стецько — Муха-Стецько, которая, наверное, и начальной школы не окончила.

Второй общей чертой всех членов Провода ОУН и их сторонников является алчное стремление к обогащению, роскошной и сладкой жизни. У каждого из проводников должна быть для представительства перед иностранцами комфортабельная квартира, собственный автомобиль солидной марки, богатый гардероб, ну и... любовница, желательно немка. Балы, праздничные обеды и вечера,

«дипломатические» рауты с щедрой выпивкой и изысканной закуской — без этого также не обойтись. Не говорю уже о посещениях обычных ресторанов и подозрительных кабаков, о всеобщих пьяных оргиях — это в порядке вещей. А откуда берутся на все это деньги — спросите?

Из рассказанного мною выше читателю становится понятно, что проводники ЗЧ ОУН работают на западногерманскую разведку не ради романтических увлечений...

Для выполнения своих обязательств перед БНД проводники организации готовы на все, на любое преступление, даже по отношению к своим вчерашним единомышленникам, наставникам, друзьям, близким. «Невыгодные» лица как под землю исчезают, неожиданно умирают в расцвете сил и здоровья, гибнут при таинственных обстоятельствах. Но обратимся к фактам.

Загадочная смерть первого проводника ЗЧ ОУН Степана Бандеры наделала много шума среди украинской эмиграции. Националистическая верхушка поспешила канонизировать его как «великого национального героя», «мученика за идею», «мужа провидения божьего» и так далее и тому подобное. Все это для того, чтобы затуманить глаза рядовому читателю, да к тому же на «героической» смерти Бандеры поднять знамя патриотического фанатизма и глубже забраться в карман налогоплательщиков.

Кем же был, собственно, Бандера в последние годы своей жизни, какую проводил политику и можно ли вообще его деятельность называть политической?

Проводника я встречал почти ежедневно в бюро ЗЧ ОУН на Цеппелинштрассе, 67 (конечно, когда он был в Мюнхене). Он приезжал на «работу»

на своей шикарной автомашине марки «Опель-капитан», тогда я и познакомился с ним.

Бандера старался всегда быть важным, деловитым. Я слышал не одно его выступление перед членами организации. Говорил он всегда одно и то же. О необходимости усиления диверсионной работы на Украине, о «деле», «поступке», о необходимости жертв. Не скрывал того факта, что финансовые расходы на заброску шпионов оплачивает БНД, более того, Бандера хвастал этим, видя в работе на западногерманскую разведку большие выгоды. Все у него сводилось к организации шпионской сети на родных землях, которая будет снабжать ценной информацией БНД. Работа на западногерманскую разведку не пятнает украинского националиста, подчеркивал Бандера и приказывал агентам, отправлявшимся на Украину, вербовать там надежный элемент, переправлять доверенных ему людей за границу. Эти «парни с Украины» проходили бы в БНД специальное шпионское обучение и снова возвращались на родную землю. «О, это были бы настоящие, ценные агенты!» — восклицал «проводник», довольный своим «гениальным» планом. Рекомендовал также заниматься саботажем, убивать авторитетных советских граждан. Группе Ганяка цинично советовал пересылать в БНД надуманные, сфальсифицированные информации о заварухах, бунтах населения, сопротивлении и борьбе против Советской власти в западных областях Украины...

Я хочу кратко коснуться истории трагической судьбы Дмитрия Штыкало, очень характерной для той среды, в которой он жил, работал и отдал лучшие свои годы, а может быть, и самые глубокие чувства своего сердца...

Штыкало — член ЗЧ ОУН, редактор газеты

«Украинец», издававшейся во Франции, затем журнала «Вызвольный шлях» (Англия), активный сотрудник газеты «Шлях перемоги» (Мюнхен), по многим вопросам стремился иметь свое мнение, которое отличалось от официального бандеровского. Просто он умел мыслить. Он болезненно переживал факт, что организация националистов превратилась в придаток шпионского антинародного центра, что почти все его друзья и единомышленники так легко согласились стать агентами чужих и враждебных украинскому народу разведок, что все его существование потеряло смысл и вес... И об этом Штыкало открыто сказал главарям ОУН Ленкавскому и Кашубе. Ведь он верил им и искал у них помощи. И вместе с тем не закрывал глаза на реальные факты. Оставив семью (жену и сына) на Украине, Штыкало совершенно естественно и по-человечески интересовался тем, что происходит на покинутой им Родине. Его просто поразили тот факт, что его сын — сын человека, который изменил Отчизне и украинскому народу, — принят в советский институт, получает государственную стипендию. Для любого украинца, живущего на родной земле, это обычный и будничнейший факт, маленькая правда жизни, которая уже никого не удивляет, но для Штыкало — идеолога национализма — это был просто удар. И он признался в этом мне. Отсюда и начались его сомнения в целесообразности той деятельности, которой он занимался всю жизнь. И уж за все рамки человеческой добропорядочности и морали вышло предложение Ленкавского о вербовке сына Штыкало в шпионы западногерманской и ЗЧ оуновской разведки. Не выдержало отцовское сердце. Он с великим и справедливым возмущением крикнул:

— Не трогайте моего сына, а то я вас застрелю!

Что было дальше, общественность в эмиграции хорошо знает. Собственно ничего не было. Случилось то, что должно было случиться. Путь, который сам себе избрал Штыкало, замкнулся, у него не хватило фальши и бесчестия продать своего сына БНД. И он пропал. Постепенно его отстранили от всех постов, которые он занимал в ЗЧ ОУН (а был он не кем-нибудь — генеральным судьей организации), и оставили на растерзание. Я должен сказать правду, которую я скрывал долгие-долгие годы. Ленкавский настаивал, чтобы я лично уничтожил Штыкало, убил его. Я должен был сделать это в пользу организации, украинской нации!

Вот до каких пределов простирается человеческая подлость, пренебрежение и ненависть. Конечно, я это поручение не выполнил, но зато на многие дела у меня открылись глаза. Возможно, это был переломный момент в моей жизни, предвестник моего решения о пересмотре своих идейных убеждений, возвращении на Украину. Ведь весьма возможно, что Ленкавский, хорошо зная, что и у меня есть семья на родных землях, специально подговаривал меня на тяжкое преступление — отобрать у человека жизнь, чтобы и мне раз и навсегда отрезать путь на Родину, к семье, к свободе.

Но не вышло! Ленкавские просчитались, и я это особенно подчеркиваю. Я на Украине, я с семьей, я со своим народом!..

Невыполнение приказа Ленкавского отразилось и на моем положении в ЗЧ ОУН. Меня все дальше отодвигали от почестей. Но зато все шире открывались мои глаза на правду, на реальности. Ничуть не сожалею, что так произошло. Наоборот, я благодарю день, когда наконец прозрел. Для добра своей Родины. Для того чтобы последние годы своей жизни отдать ей в сыновьем служении. Сошел

со сцены ЗЧ ОУН (а вскоре и со сцены жизни) влиятельный некогда советник Бандеры, не сдержанный на язык Ярослав Бенцаль. Новый руководитель ЗЧ ОУН быстро и эффективно расправился со своими настоящими или потенциальными противниками. Вы спрашиваете: «А где же человечность, моральные устои, христианская этика?»

Не спрашивайте.

Посмотрите, кто эти люди, и вы поймете все...

Вот моя краткая исповедь. Я написал то, что видел, что сам пережил. Выводы делайте сами.

Ужасная трясина, в которой я оказался в эмиграции, не смогла затянуть меня с головой и погубить. Мне казалось, что я работал честно, в соответствии со своей совестью и внутренним убеждением. Но каждый день пребывания в центре ЗЧ ОУН открывал мне глаза на ужасную правду отношений, которые там господствовали, свидетельствовали о фальши, лживости, аморальности, обскурантизме и неутолимой жажде наживы руководящих членов организации. Я понял, что националисты продались чужеземным разведкам, давно отреклись от каких бы то ни было чувств патриотизма, стали платными агентами БНД и выполняют ее задания. Меня мучила совесть, что и я работаю на пользу врагов моей Родины, тону в болоте националистического вырождения. Я принял решение о необходимости разорвать свои связи с ОУН и, не обращая внимания ни на какие последствия, возвратился на Родину. И я нашел в себе силы сделать это! Сожалею только, что сделал я это так поздно, бессмысленно потратив более 20 лет своей жизни в лагере оуновцев».

Матвиейко

Летом 1968 года я приехал в Киев, где тогда проживал Мирон Матвиейко, разыскал его, как было условлено, по месту работы и вручил рекомендательное письмо от Григора Богдановича. Григор Богданович называл мои имя и фамилию (которые, кстати, ничего не говорили Матвиейко), но о действительной цели визита не упоминал.

Разговор между нами состоялся на открытом воздухе, в тени сбегających к Днепру деревьев. Матвиейко, казалось, был крайне удивлен, узнав, что перед ним сын Дорко-Зымного, о существовании которого он не подозревал, подробно расспросил, где я живу, как оказался в Киеве, где здесь остановился и, главное, что же привело меня к нему — бывшему шефу оуновской службы безопасности.

Наслушавшись о зверствах «боевиков» СБ на территории западных областей Украины, я, как говорится, с места в карьер обвинил моего нового знакомого чуть ли не в личном участии в убийстве моего отца, пригрозил неотвратимым возмездием.

Мой подход возымел явно противоположное воздействие.

— Сопляк! Я научу тебя вежливости — запомнишь на всю жизнь.— Плотный, мускулистый, дочерна опаленный солнцем здоровяк двинулся ко мне, и я невольно попятился.— Друзей, запомни это, не предают, а мы с твоим отцом дружили. Ты оскорбил меня своим подозрением. Угроз я на своем веку повидал, не дай бог никому, и ничего не боюсь. Такие вот, как ты, болтают и печатают болтовню: «Руки по локоть в крови», «Сам Бандера остерегался его»... Это все обо мне. Если бы была кровь на руках, не видеть бы мне свободы. Убирай-

ся к тем, кто тебя подослал. Не вводи в грех.

Матвиейко резко повернулся и зашагал прочь. Потом вдруг обернулся и крикнул: «Поумнеешь, тогда и приходи».

На этом разговор не закончился. Он был продолжен после моего возвращения во Львов. Довелось подробно объяснить весьма настойчивому представителю компетентных органов, что мне нужно было от Матвиейко, настолько серьезны были мои угрозы в его адрес. Не оставалось ни малейшего сомнения в том, что бывший шеф СБ доложил куда следует о моем визите, решая сразу несколько важных для него задач.

Эта встреча с Матвиейко оказалась единственной. В 1984 году он умер и все же не ушел из моей жизни бесследно. Перед своей кончиной он сам старался разыскать меня, встретился с Григором Богдановичем, рассказал, что заподозрил меня как новоявленного Азефа. Когда же Григор Богданович поведал мою историю, присовокупив, что я оказался за границей, Мирон Матвиейко посетовал, что наша встреча оказалась такой непутевой. Он был уверен, что, если бы он тогда не вспылал, а поговорил со мной по-отечески, я мог бы и не совершить своей глупости, удрав за границу. «Если у Мирослава осталась хоть крупинка совести, он в конце концов одумается и вернется», — высказал свои убеждения Матвиейко и попросил Григора Богдановича рассказать мне, что если он в чем и виноват, так это в том, что не уберег моего отца от давней мести его врагов.

Рассказ Матвиейко представлял для меня несомненный интерес. Приходится только сожалеть, что за информацией, которую можно было получить от одного Матвиейко, мне пришлось изъездить полсвета и потратить годы собствен-

ной жизни. Вот что рассказал Григор Богданович, когда после моего возвращения из странствий приехал в мой уютный словацкий городок, теперь уже на правах родственника,— его настойчивость увенчалась успехом, и он добился руки моей тетушки Яны.

«С членом центрального Провода ОУН Николаем Лебедем Зымный познакомился в марте 1941 года в Кракове. От Лебеда он получил задание быть связным между Проводом ОУН и греко-католическим духовенством. Задание оказалось долгосрочным, и после начала гитлеровской Германией войны против Советского Союза Зымный выехал в город Львов с полномочиями представителя Провода при митрополите греко-католической, униатской церкви Андрее Шептицком. Ему также вменялось в обязанность поддерживать связь с его еще довоенным знакомым, полковником Альфредом Бизанцем, возглавлявшим в то время отдел правления генерал-губернаторства по работе с негерманскими национальностями.

Шептицкий принял Зымного доброжелательно, внимательно выслушал его рассказы о действиях ОУН, высказал свое мнение и рекомендации, просил приходить «по делу» в любое время суток.

Именно благодаря заступничеству Шептицкого и Бизанца Зымному удалось сравнительно быстро освободиться от фашистской тюрьмы, куда он попал по обвинению в хищении.

Благосклонность митрополита Андрея вызвала у Николая Лебеда ревность и неприязнь к Зымному, которая со временем все усиливалась, пока не переросла в открытую враждебность и жажду мести. Первой серьезной акцией Лебеда против Зымного явилось организованное им расследование и разбирательство так называемым организацион-

ным судом ОУН ряда вскрытых неблагоприятных поступков. Зымному инкриминировалась даже выдача оуновцев в руки гестапо. Председательствовал на суде сам Лебедь, одним из судей был заместитель референта СБ Василий Турковский, руководивший работой Зымного в оккупированном фашистами Львове.

Организационный суд все же оправдал Зымного, но не таким был Лебедь, чтобы легко выпустить из своих рук избранную им жертву. К травле Зымного подключился также Роман Шухевич, и в последующем это сыграло немаловажную роль в судьбе Зымного. Шухевич, например, все время распространял слухи, будто бы организационный суд не оправдал Зымного, а только отложил рассмотрение его дела из-за недостаточности доказательств вины.

В личной беседе с Матвиейко Зымный нелюбопытно характеризовал своих гонителей как отъявленных карьеристов, «амбиционеров», вульгарных типов. Особенно доставалось Лебедю. Зымный считал, что это типичный «держиморда» и «капрал», как его небезосновательно называли собственные подчиненные. Он доказывал, что «Капрал»-Лебедь ради своих шкурных интересов не остановится перед уничтожением даже наиболее идейных членов ОУН, если те в чем-либо воспротивятся ему. В качестве примера он ссылался на то, что именно Лебедь подвел под арест польскими властями своего конкурента Зенона Матлу, и в качестве свидетеля называл известного в националистической среде Турчмановича.

Зымный, к сожалению, был прав. Когда после войны он появился на Украине, Шухевич попросту отказался встретиться с ним, а заграничному Проводу ОУН охарактеризовал его самым что ни на есть

убийственным образом, где «лжец» и «бандит» были далеко не сильнейшими выражениями.

Во времена второй ходки на Украину Зымный был дважды ранен, из-за чего не смог своевременно возвратиться в Германию, а когда наконец прибыл в Мюнхен, его уже ожидал Николай Лебедь, готовый на основании доносов Шухевича явочным порядком довершить не удовлетворивший его во время войны суд.

Матвиейко не преувеличивал, когда называл Зымного своим другом. Они дружили еще со школьной скамьи. Поэтому неудивительно, что по прибытии в Мюнхен Зымный явился прежде всего к Матвиейко. Тот как референт СБ получил от Зымного необходимые объяснения и отправил их для доклада лично Степану Бандере. Никаких подозрений в «неверности» Зымного ОУН Матвиейко не усмотрел и поэтому предложил ему стать своим заместителем в СБ. Еще дальше пошел Бандера. Он назначил Зымного руководителем Провода ОУН на территории Чехословакии и референтом внешней разведки Провода ОУН вместо возглавившего антибандеровскую оппозицию Николая Лебеда с условием, однако, что этот пост он займет после поездки в Чехословакию, в чем тогда нуждалась возглавляемая Бандерой ОУН.

Так Зымный снова оказался в Чехословакии, пробыл недолго, благополучно возвратился в Мюнхен, но там попал в руки головорезов «Капрала»-Лебеда. Это было равносильно смертному приговору. Под пытками, доведенный до умопомешательства, он наговорил на себя все, что потребовали подручные «Капрала». Здесь была и подготовка к убийству Степана Бандеры и Ярослава Стецько, а также их противников, изгнанных из бандеровского провода ОУН Дарьи Ребет и Ивана Гриньоха. Не

обошлось, конечно, и без шаблонного обвинения в том, что Зымный продался красным и должен подготовить почву для «переговоров» с КГБ ряда главварей заграничных националистических организаций. При этом были названы фамилии явных недругов Николая Лебеда — таким образом он готовил расправу и над ними.

Задушенного удавкой Зымного выбросили за территорию лагеря перемещенных лиц. Допрашивали и убили Зымного подручные Лебеда из созданной им «следственной группы» Петр и Иван. Они со временем последовали за своим шефом за океан и, прикинувшись «жертвами большевистского террора», получили прибежище в Канаде.

Так Лебедь расправился с одним из ближайших сторонников Степана Бандеры, неудавшимся претендентом на пост шефа разведки ОУН, до недавнего времени занимавшегося им, Лебедем. Сам этот факт был расценен как явный выпад против Бандеры, решением которого Лебедь и его приспешники были выведены из Провода ОУН по обвинению в нарушении организационной дисциплины и многих других прегрешениях.

В то время между организациями, возглавляемыми Бандерой и Лебедем, шла ожесточенная борьба за влияние на остатки бандоуновского подполья на территории западных областей Украины. Поэтому Бандера предложил использовать для влияния на главаря этого подполья Романа Шухевича и факт ликвидации Зымного. Так родилось письмо Шухевичу, подписанное Мироном Матвиейко, с сообщением о «разоблачении» и последующей ликвидации Зымного. Это должно было понравиться Шухевичу, лично писавшему в Мюнхен доносы на Зымного.

Такова была обстановка в националистической

среде в 40-е послевоенные годы. Как не вспомнить пророческую характеристику, данную «Капралу»-Лебедю его будущей жертвой — Зымным: «Лебедь ради своих шкурных интересов не остановится перед уничтожением даже наиболее идейных членов ОУН, если те в чем-либо воспротивятся ему».

* * *

Из дошедшего через годы рассказа Мирона Матвиейко обращает на себя внимание факт коварства главаря ОУН Степана Бандеры, который готов был перешагнуть через труп своего приближенного Зымного, лишь бы удержать в сфере влияния Романа Шухевича, возглавившего остатки националистических банд на территории западных областей Украины.

Коварство главаря ОУН проявлялось и в следующем: направляя своих подчиненных в рискованные поездки «в край», Бандера не скупился на похвалы и обещания: раздавал должности, посты, назначал на одно и то же место нескольких руководителей. При его правлении в ОУН стало обычной практикой: один ранее назначенный им руководитель референтуры заграничного Провода или проводник в какой-либо восточноевропейской стране оставался при нем в Мюнхене, другой — направлялся «на терен», облеченный теми же полномочиями референта или проводника, а третьему Бандера обещал то же место в будущем, после выполнения им очередного, нередко смертельно опасного задания.

Поэтому не приходится удивляться, что в бандеровском Проводе (кстати, также и в мельниковском, где практиковались аналогичные методы) было больше, чем того требовалось, «территориаль-

ных проводников», референтов связи с краем, а еще больше их заместителей и помощников.

Так, в частности, было и в случае с Зымным. Во время подготовки к ходкам на территорию Советского Союза и Чехословакии ему щедро обещали «теплые места» проводника ОУН на Балканах, референта СБ, шефа внешней разведки ОУН. Получилось, что он стал двойником живого руководителя Провода ОУН на территории Чехословакии, сделал головокружительную карьеру в СБ и разведке, а на практике не сносил собственной головы, оказался жертвой междоусобной борьбы бандеровской ОУН с оппозиционерами из возглавлявшейся «Капрадом»-Лебедем фракции.

XX. РАЗЫСКИВАЮТСЯ

Рассказ Мирослава

Дахау, Цепелин

В 1968 году на Чехословакию нахлынули, а затем так же стремительно откатились обратно на Запад мутные волны неудавшейся антисоциалистической диверсии. Они подхватили, закружили, вынесли на гребень сиюминутной известности, а затем выплеснули на заграничные политические панели сотни соvrащенных демагогическими кличами обывателей. От их имени, зачастую не спрашивая на то разрешения, заговорили различные профессиональные пропагандисты. Появилось множество групп и группок, претендующих на представительство всех чехов или всех словаков за границей. Даже изобретательные умы антисоциалистических главарей не успевали придумывать для них словесные названия,

и некоторые из них стали принимать цифровые наименования, нисходящие к какой-либо отдаленной ассоциативной зацепке.

— Так кто же ты, Мирослав? — допытывались «радетели», с ходу окружившие плотной опекой прибывших в Западную Германию земляков. — Чех? Словак? Или комиссар из коммунистической Чехословакии?

Я даже не подозревал, что у выходцев из моей родной страны, буквально источающих ура-патриотические сентенции, может быть такая неистовая ненависть к Чехословакии. В этой обстановке охоты за ведьмами и коммунистическими комиссарами мне также предлагалось отречься от Чехословакии и сделать выбор: чех — словак?

Любой ответ означал бы выбор позиции той или иной группировки, одинаково образованной по сугубо национальному, а точнее, националистическому признаку. Можно было, не прибегая к обману, прямо ответить: «Я — словак». Но в том кипении националистических страстей это простое человеческое признание обязательно было бы воспринято как заявление о выходе на античешскую военную тропу. Даже в обстановке тогдашнего антисоциалистического ажиотажа не хотелось кривить душой в угоду заграничным «землякам». Я не пытаюсь сейчас ни оправдывать, ни приукрашивать свое поведение. Слишком много страданий причинили неискренность и прямой обман, чтобы прибегать к мелочному самолюбованию. Поверьте, мне это ни к чему. Тогда же на вопрос, требовавший выбора четкой (по эмигрантским меркам) позиции, я ответил:

— Я не комиссар и приехал сюда по собственной воле. А для своей родины хочу, чтобы она оставалась сама собой, без навязанных завоевателями

названий: «Протекторат», «Брюнн», «Карлсбад» или «Прессбург».

— Ты полегче с выражениями! — окрысился опекун, отрекомендовавшийся представителем «Словацкого национального движения». — Не забывай, что именно в Прессбурге мы дождались самостоятельной Словакии.

Вот какие они в действительности, словацкие сепаратисты, восхваляющие установленную Гитлером «независимую» Словакию во главе с Тисо, тем самым «президентом» — католическим священником, который одним из первых устроил массовое уничтожение еврейского населения и потом докладывал о своих отнюдь не богоугодных делах в Ватикан: «В 1941 году Словакия может похвастать, что она является первой страной в мире, свободной от евреев». К счастью, Тисо не успел «освободить» отданную ему в вассальное владение Словакию от других неугодных сюзерену-фюреру народов и народностей.

Все же как похожи они друг на друга, словацкие и украинские сепаратисты! И те и другие вымаливали у Гитлера «независимую» державу. И те и другие готовы были на любые преступления (и совершали их), чтобы удостоиться благосклонности фюрера и его ставленников. Самозванный «премьер» эфемерного львовского «самостийного правления» Стецько не успел отчитаться, как это сделал Тисо, о поголовном уничтожении еврейского населения на территории западных областей Украины, хотя в этом же 1941 году писал в ведомство рейхсминистра Альфреда Розенберга о «целесообразности перенести на Украину немецкие методы экстерминации жидовства». Что не удалось лично Стецько, то со временем было сделано его нацистскими шефами при активном содействии украинских националис-

тов. Об этом с издевкой и самолюбованием говорил в мае 1944 года рейхсфюрер СС Гиммлер в своей речи перед командным составом дивизии СС «Галициен». «Ваша отчизна,— разглагольствовал этот садист,— стала еще лучше, когда избавилась, скажу так — по нашему почину, от... евреев».

Если словацкие сепаратисты оказались в моей жизни случайными попутчиками, то с украинскими националистами сложились особые счеты. Главное, как казалось, я приближался к разгадке тайны смерти моего отца, во всяком случае — к месту его гибели.

Я не мог не побывать в Дахау. Приглашенный, не похожий на концентрационный лагерь, туристический объект показа не произвел ожидаемого впечатления. О нем я знал намного больше, чем можно было узнать из аккуратненьких стендов и тщательно отобранных экспонатов, главным предназначением которых является напичкать посетителя чем угодно, только не сведениями о первом нацистском концентрационном лагере, о его руководителях и палачах, от рук которых погибли десятки тысяч немецких антифашистов и узников из многих стран. Весь мир в свое время всколыхнуло громкое «дело Адольфа Эйхмана», казненного в 1961 году за свои преступления. Военный преступник, который обвинялся в убийстве 4 миллионов евреев, начинал свою карьеру именно в Дахау. Унтершарфюрер СС (соответствует общевойсковому званию унтер-офицера.— *Прим. авт.*) обратил на себя внимание самого Гиммлера и уже в сентябре 1941 года отметил получение звания оберштурмбанфюрера (подполковника) СС организацией расстрела советских людей в киевском Бабьем Яру, первого массового убийства людей на месте, без вывоза в специальные «фабрики смерти».

В Киеве и во многих других городах и селах Эйхман на практике воплощал и изощренно совершенствовал систему геноцида, направленную против жителей временно оккупированной территории Украины. Именно здесь в массовых казнях людей начали активно использоваться различные подразделения так называемой украинской полиции, руководящее ядро которой состояло главным образом из прибывших вместе с немецко-фашистскими оккупантами участников заграничных националистических организаций.

Как сообщили виннипегская газета «Новый шлях» и другие националистические издания, в 1985 году в Дахау прибыла группа националистов, которая, самозванно действуя «от имени украинских студентов» США и Канады, установила на территории концлагеря плиту с фарисейской надписью, скрепленной националистическим трезубцем. Не в память ли о совместных преступлениях с Эйхманом националисты осквернили память жертв Дахау? Ведь их трезубец, как и фашистская свастика, одинаково запятнан человеческой кровью. Они одинаково символизируют разрушения, насилие, смерть.

И сегодня неофашисты, когда им заблагорассудится поглумиться над людьми, рисуют свастику на синагогах и других культовых сооружениях, на зданиях прогрессивных организаций, на памятниках жертвам фашизма. Выходит, эту же манеру переняли и их «духовные братья» под знаком националистического трезубца.

«Памятники» с кровавой националистической символикой сооружаются в США, Канаде и в других странах. Так под прикрытием трезубца расползаются по миру фашистские пятна, такие же, которые в 30—40-е годы затопляли страну за страной,

пока путь им не преградили Советский Союз и его союзники по антигитлеровской коалиции.

Мой отец пережил Дахау, хотя Гиммлер грозился уничтожить всех узников концлагерей, «если национал-социалистской Германии суждено погибнуть». Начало конца оуновского проводника Зымного находилось на мюнхенской Дахауэрштрассе, куда его со временем привела пагубная принадлежность к бандеровской националистической организации.

Розыск отца во Львове во многом связан у меня с «одышкой» — первым трамваем. Его громыхание заполняло магазин тети Яны, на нем я ездил к бабушке Марии. Так и знакомство с Мюнхеном началось с поездки старым трамвайным маршрутом № 1. На нем я проехал вдоль Дахауэрштрассе, вновь возвратился к центру, к дому № 9/11, где по сей день в поте лица трудятся националистические чиновники, стремящиеся удержать в сфере своего влияния неустойчиво тающее немногочисленное членство. Нежданно-негаданно я сам почувствовал на себе их хватку.

— Добрый день, молодой друг,— обратился ко мне по-украински вышедший из здания мужчина неопределенного возраста с невыразительной внешностью.

— Добрый день,— ответил я.

— Значит, вы — украинец,— видимо, довольный своей пронизательностью произнес он.— Тот я смотрю, вы неспроста остановились здесь. Кого-нибудь ищите?

Я действительно искал. Искал следы пропавшего отца, следы его убийц, которые, может быть, ведут к функционерам националистического логова, один из которых явно пытался побольше выпросить у случайно подвернувшегося «земляка». Ярослав,

как представился обитатель Дахауэрштрассе, вообще вцепился в меня мертвой хваткой, когда узнал, что еще совсем недавно я учился во Львове, ходил по улицам, разговаривал с львовянами и, может быть, как страстно жаждал Ярослав, был свидетелем процессов, подобных тем, которые выплеснули меня из Чехословакии. Он познакомил меня со своим шефом Романом, а тот засыпал меня вопросами о Советском Союзе и Чехословакии. Расспросы продолжались в кнайпе, а затем и дома у Романа, куда он затянул меня, чтобы его дочери могли услышать последние «краевые новости» из уст «героя сопротивления».

Если мои земляки, выходцы из Чехословакии, выжидали, пока я окончательно приму «чешскую» или «словацкую» сторону, обитателей Дахауэрштрассе, казалось, мало или даже совсем не интересовала моя национальность, не смущала словацкая фамилия. Главное — я был на Украине, а их интересовало о ней буквально все.

На следующий же день Роман познакомил меня еще с одним «исследователем» Советской Украины, назвавшимся Виктором, довольно сносно, но с сильнейшим немецким акцентом изъяснявшимся на русском языке.

Об одном таком «Викторе» мне и Заряне уже рассказывал Михаил Бабяк. Там, правда, был «мистер Виктор» из американской разведки. И держали Бабяка в отдельной вилле под неусыпным караулом. Мне виллу не предложили. Наверное, были заняты более солидными потенциальными обладателями информации. Во всем остальном история повторилась: «герр Виктор» также расспрашивал об аэродромах, воинских частях, о «противоречиях» всевозможных оттенков.

Как и в истории с Бабяком, Виктор поставил

мое благополучие и вообще будущее в зависимость от степени оказываемой ему помощи. В противном случае... мое главное достоинство, привлекавшее внимание «герра Виктора», — формально еще не утраченная возможность возвратиться во Львов для окончания учебы, тут же могло превратиться в главный отягчающий груз. Виктор емко охарактеризовал его как «политическая неблагонадежность» с неизбежно вытекающей отсюда невозможностью нормально трудоустроиться, а значит, заработать на хлеб насущный.

Новые знакомые с Дахауэрштрассе явно не заслуживали доверия, и никто из них не знал о моем поиске. Всем и вся я повторял одно и то же: мой отец — словак, после войны выехал в США, жил в Пассейике в штате Нью-Джерси, участвовал в работе словацкой земляческой группы. Вот разыщу его, а там — к вашим услугам.

Очевидно, шефы «герра Виктора» серьезно рассчитывали прибрать меня к рукам. Заручившись «джентльменским» уговором «услуга за услугу», новоявленный, но отнюдь не бескорыстный благодетель «герр Виктор» вручил мне документы на туристическую поездку в США, да к тому же по наиболее дорогому индивидуальному туру. Рассчитываться мне пришлось бы долгие годы, но легкомысленное «авось», на удивление, сработало в мою пользу.

Несколько дней, оставшихся до неожиданно скорого отъезда, я стремился использовать для продолжения поиска. Более того, я попытался взять в сообщники Романа. Дело в том, что поездка в Корнберг ничего не дала, не осталось там следов лагеря Ди-Пи, не было и следов могил тайно умерщвленных в нем жертв. Хотелось побывать в «святой святых» бандеровской ОУН.

План не удался. Он явно пришелся не по душе «герру Виктору». Роман так и объяснил:

— Наше бюро находится под постоянным наблюдением коммунистических шпионов, и тебе появляться там не следует. Не хочешь же ты оказаться в львовской тюрьме как «бандеровец с Цеппелинштрассе»? Подожди, тебя еще будут принимать здесь как героя... Вижу, ты удивлен, что я говорю о коммунистических шпионах. Я вполне отвечаю за свои слова. Нам уже не единожды доводилось судиться даже с жильцами дома. Им, видишь ли, не нравится «бандитская» организация. То они заявляют в полицию или прямо в суд об арсенале оружия и бомб в подвале, то о ядах, с которыми, мол, химичат на верхних этажах.

— Во Львове лекторы тоже называют ОУН бандитской, террористической,— вставил я.

— Вот видишь, та же коммунистическая пропаганда.

— А разве ОУН никого и пальцем не тронула?

— Ну, это тоже не так,— с готовностью подхватил Роман.— Наша «безпека» сурово расправляется с врагами. Такова логика борьбы...

Серое, хмурое здание на Цеппелинштрассе я видел только снаружи. Если бы не разговор с Романом и его запрет, я побывал бы в нем вместе с группой моих попутчиков-словаков. Их пригласила на встречу так называемая словацкая секция «Антибольшевистского блока народов» и редакция журнала «АБН корреспондент», также размещающиеся на Цеппелинштрассе, 67. Оказывается, когда в 1946 году появился «Антибольшевистский блок народов», словацкие националисты играли в нем далеко не второстепенные роли. Чтибор Покорны, например, был генеральным секретарем АБН, а так называемый «совет народов АБН» возглавлял Фер-

динанд Дюрчанский, бывший министр профашистского марионеточного тисовского правительства Словакии. За совершенные им преступления Дюрчанский был заочно приговорен народным судом к смертной казни, но американские оккупационные власти в Германии отказались выдать его правосудию Чехословакии.

Так снова скрестились пути словацких и украинских националистов, сошлись в одной точке в хмуром здании № 67 на улице генерала графа Фердинанда фон Цеппелина.

Имя Цеппелина поневоле вызывает еще одну аналогию — между созданием так называемого «Предприятия Цеппелин» и «Антибольшевистского блока народов» (АБН).

«Предприятие Цеппелин» было образовано через 9 месяцев после начала «восточного похода» гитлеровской Германии. Главное управление имперской безопасности Германии поставило перед ним задачи осуществления террора, диверсий, организации «повстанческих» отрядов на территории СССР и в конечном итоге — политического разложения советского тыла.

АБН создан четыре года спустя, немногим более полугода после окончания второй мировой войны, с конечной целью «дестабилизации» и «развала» Советского Союза и социалистического содружества вообще. Во главе АБН был поставлен военный преступник Ярослав Стецько, являвшийся в то время заместителем Бандеры и вместе с ним претендовавший на роль заграничного вдохновителя и идейного руководителя УПА, как и «Цеппелин»,

занимавшейся террором и подрывной деятельностью на советской территории. Аналогию с «Цепелином» усиливало то, что в АБН на всех его уровнях были широко представлены нацистские коллаборационисты, занимавшиеся по заданию абвера и СС вербовкой добровольцев из числа фашиствующих элементов и насильственным вовлечением жителей оккупированных территорий в так называемые «иностраные легионы» в составе вермахта и войск СС.

АБН стал тенью загробного «Предприятия Цепелин» и пытается применить его битое оружие в новых, послевоенных условиях. Он также ведет диверсионную работу и проповедует террор. Например, сразу же после «чехословацких событий», в октябре 1968 года, на лондонской конференции АБН оуновец и одновременно активист АБН Анатолий Бердий открыто восхвалял террор и тех, кто с «ручной гранатой и пистолетом совершает террористические акты». В конце концов АБН и сейчас призывает к организации «партизанско-повстанческих движений» и «скоординированному наступлению широким фронтом революционной борьбы с одновременной подрывной акцией». Именно так записано в «Уставе АБН». Нацистские коллаборационисты, бывшие участники войск СС, карательных отрядов СД и других преступных организаций продолжают мыслить и действовать по-эсэсовски, пытаются перенести нацистские методы и приемы преступной деятельности в новые исторические условия.

Вместе со своими шефами из нацистского руководства Германии «Цепелин» потерпел фиаско. По его преступному следу под новым руководством империалистических разведок ныне продолжает идти «Антибольшевистский блок народов», в свое

время перебравшийся с Дахауэрштрассе, 9, на Цеппелинштрассе, 67, под одну крышу с Проводом террористических «Закордонных частей» ОУН.

XXI. АМЕРИКА

Рассказ Мирослава

Итак, «герр Виктор» предоставил мне отсрочку на несколько недель. Ключув на американскую наживку, я должен был оказаться на прочной долговой леске, стравить которую или затянуть зависело от его желания. Уже в нью-йоркском аэропорту я почувствовал натяжение переброшенной через океан невидимой лески. Забота встретившего меня коллеги Виктора была всеобъемлющей: «Зачем платить бешеные деньги в гостинице?» — и я оказался в тесной комнатухе в «частном» доме с видом на Гудзон у суровой на вид мэм Роуз. «Ищешь отца? Поможем!» И неделю напролет меня опрашивали о родственниках по негустому генеалогическому древу, а главным образом о знакомых по Праге, Львову.

Круг вопросов, интересовавших мэм Роуз, был значительно уже. Она никак не могла уяснить, как это я, такой молодой, умудрился овладеть полдюжиной языков, неужели в Чехии и России учат немецкий, английский. Ее, казалось, искренне удивляло, как можно жить в этих восточных странах под постоянной слежкой коммунистических агентов.

Наступил, однако, момент, когда мне предоставилась возможность восполнить телевизионное обозрение Нью-Йорка личным знакомством с его улицами и достопримечательностями. Розыск

несуществующего словацкого отца, конечно, ни к чему не привел и не мог привести, но я продолжал его искать, осознавая, что мои «самостоятельные» поездки небесконтрольны. Побывал я в Пассейнике, Ньюарке, познакомился с американскими «земляками», побывал на чествовании «украинского комбатанта» Максима Копача, заинтересовавшего меня тем, что, как указывалось в газетном объявлении, он учился в Праге.

Ни описание его заслуг, ни хвалебные речи, ни само выступление юбиляра не поразили меня так, как полное одиночество, в котором он оказался после торжеств. Из опустевшего зала мы выходили последними.

— Быстро же все сбежали, — заметил я, осознавая, что тем самым могу причинить боль покинутому всеми старику.

— Почему «сбежали»? — ответил Максим. — Вечер продолжается на заранее подготовленных позициях. Объявили же национальную «закуску с варениками». А я, видишь ли, хлопче, непьющий. Ты-то чего не в буфете?

— Я здесь никого не знаю. Прочитал в газете, что вы учились в Праге, и пришел послушать. Я ведь сам из Чехословакии.

— Учился я там, — Максим перешел на чешский язык, — когда тебя еще на свете не было. А ты кто? Чех или украинец?

— Я словак, пытаюсь разыскать в Америке отца.

— Отца? — Лицо Максима предрнула горестная гримаса, губы предательски задрожали. — Не обращай внимания. Просто вспомнил своего сына. Я его тоже четверть века искал. Нашел все же, чтобы навеки похоронить. А кто же твой отец, где он?.. Подожди. Ты очень спешишь? Нет? Уважь

старика. Помоги дотащить этот подарок. Не бросать же. Все-таки мой собственный портрет, пригодится на похороны.

В чистенькой, по-спартански скромной, заваленной книгами квартире деда Максима я стал частым гостем. Встретились представители двух поколений, ищущих ответа на свои личные, но такие похожие вопросы. Я не удержался и рассказал всю правду об отце. Откровенностью ответил и дед Максим, ставший мне близким и дорогим человеком.

Рассказ Копача

Родился я в крестьянской галицийской семье. В 1914 году мобилизован в австрийскую армию, стал унтер-офицером, а к концу войны лейтенантом. Можно сказать, война помогла — в другое время простолюдину, хотя и с гимназическим образованием, сделать такую карьеру было бы невозможно. Но был в этом деле еще один немаловажный фактор — мое свободное владение немецким языком. В родном селе была только начальная школа, и с третьего класса отец послал меня учиться в соседнюю немецкую колонию Айнзидель. Вот и вышло, что, чуть что, австрийские фельдфебели и офицеры звали меня: переведи, растолкуй, сделай. Да и воевал я неплохо, имел три награды за храбрость. Прошел сербский, итальянский, русский фронты. Во время брусилковского прорыва 1916 года на родной земле под Галичем я был ранен и попал в плен.

После излечения оказался я в Иркутске в лагере военнопленных. Там подружился с солдатами охраны и получил первый урок революционного

воспитания. Когда в лагере стало известно о февральской революции 1917 года и свержении самодержца всероссийского, я бежал из лагеря с намерением пробраться в свои родные края и посвятить себя революционной работе. Так хочется сказать: «Судьба распорядилась иначе», но судьба судьбой, а духу моего тоже не хватило.

Доехал я до Киева, где уже властвовала националистическая Центральная рада. Австрийский офицер пришелся ей ко двору, и меня направили в Саратов, чтобы сформировать полк из числа украинцев — военнотружущих местного гарнизона. Так Центральная рада получила полк имени гетмана Ивана Мазепы, того самого Мазепы, который для народа был и останется «проклятым», «вражбим». Полк попал в корпус генерал-лейтенанта Павла Скоропадского. Карьеру при нем я не сделал, так как генерал оставался верным императору всероссийскому, а меня считал мазепинцем и красным, очевидно, из-за моей работы в корпусном комитете, ограничивавшем единовластие командиров.

Потом был корниловский мятеж, Октябрьская революция в Петрограде и на Украине. Корпус Скоропадского распался, и генеральный секретариат военных дел Центральной рады пытался приспособить меня к делу. Предлагали заняться организацией «вольного казачества», назначили командиром кавалерийского полка, но тут же Петлюра передумал и предложил возглавить «сечевых стрелков», которые начали собираться в Киеве. Пока я думал над предложением, знакомился со «стрелками», сам Петлюра оказался не у дел, а заменивший его Николай Порш остановил свой выбор на новом кандидате. Так во главе «сечевых стрелков» оказался полковник Евгений Коновалец. Только никакой он не полковник. Он стал так

называться в «сечевых стрелках», а фактически был «фенриком» (младшим лейтенантом) ландвера — нерегулярных частей австрийской армии. Кстати, таким же липовым «полковником» был и его заместитель, бывший офицерик австрийских «Украинских сечевых стрелков» Андрей Мельник.

Вместо командующего я оказался рядовым «сечеви́ком», но сразу же начал делать карьеру: был избран (тогда еще избирали) командиром отделения, членом стрелецкого комитета. Главное же, началось мое сотрудничество с Коновальцем и Мельником, будущими вождями УВО — ОУН. Одним из создателей этих организаций был и я.

До приезда в Киев я не примыкал ни к какой политической партии. Чем-то импонировали мне левые эсеры, но я искал свое место в революционной ситуации. Неоднократно встречался с Элланом-Блакитным, Шумским, Скрыпником, но внятного ответа на волновавшие меня вопросы не получил. Сейчас-то я понимаю, что эти революционные противники Центральной рады сами не имели четких позиций и их популярность только способствовала появлению различных, приукрашенных революционной фразой националистических уклонов.

Когда в Киеве в январе 1918 года большевики подняли восстание против Центральной рады, я решил: настало время сделать окончательный выбор. Как через Рубикон, переправился я через Днепр и с открытой душой явился в большевистский штаб на Никольской слободке. Ко мне отнеслись с пониманием, внимательно выслушали соображения о возможных путях нейтрализации «сечевых стрелков» и других воинских подразделений Центральной рады. Среди простых рабочих и я почувствовал себя своим, нужным. Ненадолго.

Появился какой-то сверхбдительный штабист, главное для которого было «качать власть». Он не соизволил даже дослушать рассказ моего нового знакомого Сашка, только взглянул на сданные мною документы и вскипел:

— Сволочь петлюровская! Шпион!

Сашко пытался объяснить, что я член стрелцкого комитета, такого же, как солдатские комитеты в российской армии, и протянул ему мое удостоверение. Но штабист расшвырнул еще больше:

— Что ты мне суешь?! Оно же написано на собачьем языке!

Штабист разорвал удостоверение и швырнул мне в лицо, да так, что раскровянил нос. Кончилось тем, что я оказался в подвале с другими врагами революции. Хорошо еще, жив остался. Через пару дней меня, избитого и злого на весь мир, освободили «сечевые стрелки», которые ворвались в Никольскую слободку.

Нет, я не озлобился. Просто подумал, что и к революции примазываются самовлюбленные выскочки. А озлобиться? Зло — плохой советчик. Как-то я возвращался с киевского Подола при полном вооружении, с саблей на боку, верхом на резвой лошадке. Вдруг раздался звонкий детский возглас: «Глянь, бандит!» — и мальчишки встретили меня таким градом камней и такими эпитетами в адрес «гайдамацкой» внешности, что я счел за благо не сдерживать испугавшегося коня. Так что же, затаить злобу на подольских мальчишек? Если хочешь, я сам с удовольствием присоединился бы к ним в войне против «сечевиков». Смешно? Скорее глупо. Глупо, что я не нашел в себе достаточно сил, чтобы отстоять право быть вместе с Сашком, другими настоящими революционе-

рами, не такими, как встретившийся мне самолюбленный штабист.

И все же я не прекратил попыток стать на сторону революции. В Житомире, Сарнах, снова в Киеве я установил контакты с большевиками, эсерами, укапистами (была такая Украинская коммунистическая партия «незалежников»-националистов) и до сих пор горжусь, что наш Революционный комитет договорился с ними о переходе Украинской галицийской армии на сторону народа, о переименовании ее в Красную украинскую галицийскую армию — ЧУГА. Я стал работать во вновь организованной газете «Червоний стрілець» («Красный стрелок»), позже в газете «Коммунист Прикарпаття», был назначен политическим комиссаром 2-й галицийской бригады ЧУГА.

Однако вскоре пришлось уходить от белополяков и петлюровцев, снова пришлось испытать плен.

Из плена выручил меня генерал Безручко, бывший начальник штаба корпуса «сечевых стрелков». Так снова на долгое время я оказался в националистической среде, учился, сначала в Кракове, затем с 1922 года в пражском политехническом институте. Женился, появились дети, и несколько лет перед второй мировой войной занимался мирным трудом, хотя в то же время занимал солидные посты в ОУН и «Стрелецкой раде», встречался с новым проводником ОУН Андреем Мельником.

В 1939 году я предпринял еще одну попытку стать человеком. Не стал бежать с родной земли, а пришел к председателю районного исполнительного комитета, рассказал ему все о себе и попросил направить на работу по специальности или на любую другую работу, где могут понадобиться мои знания и опыт. Встретил меня председатель

по-деловому, сказал, что специалисты нужны до зарезу, рассказал обо мне секретарю райкома партии. Заполнил я анкеты, написал автобиографию, но прошло много месяцев, пока мне откровенно заявили, что я, видишь ли, порчу характеристику района, и лучше было бы для всех, если бы я по-доброму-поздорову сам убрался из района.

Не поверили мне и на этот раз. А кончилось все выселением в Архангельскую область на лесоразработки. Там в живых остался только один мой сын, остальные дети умерли. Зимой 1942 года наконец нам было разрешено выехать в другие районы, уже как амнистированным, без пятна «неблагонадежных». Записался я в Саратовскую область, все-таки знакомые места по 1917 году. Семья — жена и сын — уехали с другими семьями, а я с несколькими мужчинами остановился в Сольвычегодске для дооформления документов. С этого времени ни жену, ни сына я больше не видел. Под Чарджоу в Туркмении сына с воспалением легких сняли с эшелона, но он выздоровел и вместе с матерью уехал. Это я смог выяснить сам, когда пустился вдогонку за семьей. О дальнейшей судьбе не знали ни польский «Красный Крест», ни польское посольство в Куйбышеве, к которым я неоднократно обращался. Дело в том, что моя жена — полька, из семьи известного нефтепромышленника, и, зная ее, я был уверен, что она не преминет связаться с польскими представителями в СССР. Но ответ был один: «В списках бывших польских граждан не значится».

Я сам попытался связать свою судьбу с Польшей, добрался до Янгюль под Ташкентом, где находился штаб формирующейся польской армии. Все-таки я был капитаном польской армии. Мне ответили: по указанию генерала Андерса украин-

цев в армию принимать запрещено. Попробовал записаться в армию под другой фамилией, но начальником приемной комиссии оказался хороший знакомый — майор Малянкевич. Он объяснил, что в соответствии со строгим приказом Андерса в армию можно брать украинцев только из рабочих и крестьян, скрыть мое высшее образование и офицерское звание Малянкевич не решился и мне не советовал: все легко могло выясниться с неизбежными нежелательными последствиями.

От мысли вступить в андерсовскую армию пришлось отказаться. В Ташкенте я зарегистрировался в польском представительстве, возглавлявшемся известной певицей Ганкой Ордонувной-Тишкевич. Получил деньги, кое-какую одежду, продукты и направление на работу в колхоз.

Вместо колхозника я стал спекулянтом. А получилось так. В Ташкенте в польском представительстве встретился я с группой знакомых евреев из Архангельской области. Ее вожак Вайденбаум занялся преступным бизнесом еще в начале 1942 года, когда, будучи старостой вагона во время эвакуации на Восток бывших поселенцев, умышленно «отстал» от эшелона со всеми документами и долгое время умудрялся получать продукты на весь вагон, затем начал торговать удостоверениями об амнистии. В Ташкенте он и его сообщники получили деньги, одежду, продукты, направления на работу, а значит, право на приобретение железнодорожных билетов. То же повторялось в других местах, а «товар» реализовывался.

Группа Вайденбаума задумала ехать в Уральск за солью, где ее можно было купить по 30 рублей ведро, а затем продать на Урале по 15 рублей стакан. Сагитировали и меня. Поездка оказалась запоминающейся. Началось с того, что у меня в вок-

зальной толчее вытащили деньги, документы. Но Вайденбаум не унывал, он одолжил мне 100 рублей, подарил новые документы на имя поляка Юзефа Ольшевского. Соль мы выгодно продали в Свердловске, но дальше испытывать судьбу мне расхотелось. Я получил новое назначение на работу, честно отработал два года, а затем через «Союз польских патриотов» сразу после окончания войны выехал в Польшу, еще раз убедившись, что моя семья в Галицию не возвратилась.

Сгорая от нетерпения узнать о судьбе семьи, я поздним вечером добрался до села над Бугом в Пшемысльском уезде и застал в полном сборе тещу, брата жены и других родственников. От меня отшатнулись, как от прокаженного:

- Вот он, убийца!
- Бандеровец!
- Атаман бандитский!

Понемногу картина выяснилась: окрестные селения терроризировали бандеровские банды, поползли панические слухи о готовящемся нападении и на это некогда тихое село. Кто-кто, а родственники знали меня как офицера «украинской» армии и приняли меня за бандитского главаря, лично прибывшего на разведку. Объяснение, что я только что приехал из Советского Союза, лишь усугубило подозрение, так как в то время националистические банды довольно часто с боями прорывались за границу. Все родственники настолько были охвачены паническим страхом, ненавистью к бандитам, покушавшимся на их жизнь, желанием тут же прикончить меня, удержать заложником на случай нападения или же сдать поутру в «безопаску», что, несмотря на отчаянные усилия, мне так и не удалось вытянуть из них ни слова о судьбе жены и сына. Страсти накалились до того, что

я всерьез стал опасаться за свою жизнь и, отпросившись выйти из дому, убежал прочь. У родственников остались вещи, плащ, а «рассудительный» шурин снял с меня и пиджак для большей гарантии, что я не убегу. Счастье еще, что документы и деньги остались при мне.

Страх, холод подгоняли меня. В соседнем селе, километрах в пяти от Сана, до войны жили мои хорошие знакомые, мой одноклассник Рудольф был даже гостем на свадьбе. К ним я и торопился.

— Стой! Куда пан так спешит? — вдруг раздался издевательски наглый голос. Его обладатель говорил по-польски, но с ярко выраженным украинским акцентом.

— От смерти бегу, — ответил я по-украински.

— Пароли! — властно потребовал голос.

— Не знаю я пароля.

— Оружие!

— Нету.

— Придется тебе прогуляться. Иди вперед...

Так я оказался в банде, главарем которой меня окрестили запуганные до смерти родственники. Командир Яр, как он именовал себя, благосклонно даровал мне жизнь и тесноватый полушубок с чужого плеча, но заставил подробно рассказать и о прошлом, и о планах на будущее. Рассказу, кажется, поверили, тем более, что нашелся среди подчиненных Яра местный житель, знавший моих родственников и кое-что слышавший о моем существовании.

Вынужденное пребывание у Яра увенчалось встречей с его руководителем Олегом. Это их псевдонимы, а настоящих имен и фамилий я так и не знаю. Олег предложил остаться вместе с ними для борьбы за «соборную самостийную Украину» и чтобы отомстить за мученическую смерть моей

семьи. Она погибла следующей же ночью после моего бегства от родственников.

Ссылаясь на результаты расследования, проведенного его службой безопасности, Олег сообщил, что моя жена и сын все же выжили и возвратились в Польшу, но родственники отнеслись к ним враждебно, как к семье «украинского бандита». Поэтому поселились они в соседнем селе у воспитательницы моей жены. Действительно, жена называла ее мамой Яниной, а та в свою очередь относилась к ней как к любимой дочери и, я верил этому, не могла бы отказать ей в пристанище, как это сделала настоящая, родная мать.

— Эсбисты,— рассказывал далее Олег,— установили также, что о твоём визите родственники все же донесли в «безпеку», а та среагировала по-своему. Когда даже под пыткой ни жена, ни сын не выдали тебя, их прикончили заодно с хозяйкой, а дом сожгли.

Намного позже, уже из Америки, я написал письма-просьбы матери и брату жены, изложил версию гибели семьи, в которой я со временем усомнился, и получил пространные описания тех событий. В тот драматический тревожный вечер на семейном совете решено было в «безпеку» не заявлять, а подождать моего возвращения или прихода жены. Должен же я был забрать свои вещи. День прошел тихо, а ночью явились два милиционера, учинивших разнос за укрытие «атамана». Узнав адрес моей семьи, где я мог скрываться, милиционеры ушли, и той же ночью случилось это страшное убийство. Приезжали затем милицейские следователи, возили родственников в Пшемысль, собрали всех милиционеров (среди них, конечно же, не было никого, похожего на ночных посетителей), разобрали происшествие, и всем ста-

ло ясно, что убийцы умышленно пытались бросить тень преступления на милицию. Так мои сомнения переросли в уверенность: убийство моей семьи — дело рук эсбистов Яра—Олега. Почти четыре года я шел по следу своей семьи, чтобы самому же стать причиной их смерти. Дорого обошлась мне откровенность перед Яром. И теперь я ищу, но уже убийц. Об Олеге, Яре ни слуху, ни духу. Но остается убийца — бандеровская ОУН-УПА. Если копнуть глубже, поневоле приходишь к выводу, что главные убийцы — рядом с нами, в нашей «самой свободной» стране.

Медведь

В откровенных беседах с Максимом Копачем не раз упоминалось имя Николая Лебеда, бывшего шефа СБ — службы безопасности ОУН. Мелькало его имя и на страницах националистической печати, именовавшей его «генеральным секретарем иностранных дел украинской главной освободительной рады». Поэтому я с готовностью принял приглашение Копача послушать доклад Лебеда под аморфным и в то же время интригующим названием «Что дальше?».

Я уже бывал на подобных собраниях, но в этот раз бросилось в глаза повышенное внимание к посетителям «Украинского народного дома». Невзрачный служащий казался еще более тщедушным по сравнению с окружавшими его дюжими суровыми типами. Играя роль радушного хозяина, он заговаривал с каждым входящим в зал. К знакомым он обращался с приветствием, с незнакомыми знакомился, выражал сожаление, что не имел чести знать ранее, приглашал быть постоян-

ным гостем. Я избежал расспросов, так как был рядом с Копачем, а его, казалось, знали все и отовсюду слышалось: «Здравствуйте, господин полковник», «Как поживаете, господин инженер?», «Хай, Мэк!» («Привет, Мэк!»).

Невыразительный доклад оратора был полон даже мне казавшихся избитыми штампов о духовном кризисе, различии поколений и возраста, расколе в ОУН, благосклонном отношении конгрессменов и сенаторов к «освободительной борьбе», о необходимости снабжения Запада научными и свидетельскими материалами о положении на Украине.

Главное случилось на следующий день. Когда вечером я по обыкновению пришел к деду Максиму, у него был еще один посетитель, огромный, грузный. О таких говорят, что они как бы поросли мхом.

— Ну-ка, друг Медведь,— обратился к нему дед Максим,— повторите Мирославу, о чем вы рассказали мне.

Медведь заерзал на диванчике и, совладав с минутной растерянностью, неожиданно мягким, вкрадчивым голосом заговорил:

— Мирослав, я знал твоего отца. После войны я жил в Праге, был сотрудником оуновской СБ, встречался с Зымным, обеспечивал его безопасность, следил и за твоей матерью. Как-то группа оуновских курьеров с Украины принесла весть, что Зымный погиб в бою с красными. Однако вскоре он появился сам, живой и невредимый. Конечно, я рассказал ему о предыдущей группе, и он заторопился с отъездом. Вскоре из мюнхенской СБ я получил приказ разыскать его любовницу, вытянуть из нее признание, что она и Зымный — агенты «безпеки», а затем ликвидировать и доложить

в Мюнхен, что это дело рук той же «безпеки». Я не стал откладывать выполнение приказа, сразу же пошел к вам — ты был еще совсем крошечкой — и посоветовал матери скрыться, спрятаться куда угодно, но не оставаться в Праге. Хорошо, что она послушалась меня, даже просила передать твоему отцу, что она уедет в Словакию. Ты знаешь, что отца вскоре убили, а ваш новый адрес я бы не сказал и под пыткой — самому тогда головы не сносить. В Мюнхен я сообщил, что любовница Зымного из Праги уехала, ищу ее.

Подобие улыбки исказило неприветливое лицо Медведя, и он проговорил:

— Как видишь, нашел все же. А ты здорово похож на отца. Небось, говорила тебе мать. Она-то жива-здоровая?

Получив утвердительный ответ, Медведь продолжил рассказ:

— Я порвал с бандеровцами, а тут, в Америке, встретил своих земляков, устроился на вспомогательную работу в полицейский участок. Помог Иван Лебедь, полицейский из Юнион, в штате Нью-Джерси, царство ему небесное — застрелил его венгерский «повстанец». Он же порекомендовал своему двоюродному брату Николаю, ты вчера слушал его, взять меня к себе в личные охранники. Тому понравилось, что я был в СБ, порвал, как и он, с бандеровцами... Работа нетяжелая, зато есть заработок. Вот и вчера, когда я услышал от господина полковника твою фамилию, она показалась мне знакомой. А ночью как просветление нашло, все вспомнил и пришел к господину полковнику и к тебе с советом — не крутись возле Лебеда, это он убил твоего отца. Как-то расхвастался за рюмкой, было это в Чикаго, что у любого врага мог вырвать любые признания.

Хвастал он и победой над Зымным... Ему не выдерживали ногти, не ломали кости, не жгли огнем. У Лебеда был свой излюбленный метод: надевали на голову жертве что-то наподобие жесткого шлема и били... Никто не выдерживал... Сдался и твой отец, рассказал все, что от него потребовали, сам себе подписал смертный приговор... Еще раз прошу — беги куда глаза глядят, не место тебе среди нас.

Я послушался совета эсбиста, уже однажды, сразу после моего рождения, спасшего мне жизнь. Вот уж воистину, Медведь оказался человечнее Лебеда, сотрудника нацистской службы безопасности — СД, шефа оуновской службы безопасности — СБ, ретивого прислужника американских диверсионных служб.

* * *

Оставалось совсем немного до моего отъезда в Западную Германию, и я спешил побольше увидеть, узнать о противоречивой, многоцветной стране, именуемой Соединенными Штатами Америки. Но какой-то рок довлел надо мной.

Пошли мы с дедом Максимом в близлежащий фудмаркет и совершенно неожиданно услышали: «Добре, сынку, добре!» Сухонький пожилой мужчина одобрительно похлопал по спине парня, оседлавшего тележку, в которой обычно развозят покупателям купленные или заказанные продукты. Первым не удержался дед Максим:

— Так подбадривал сына Тарас Бульба. Вашего, случайно, не Остапом зовут?

— Иваном. А вы украинец? Издалека?

— Все мы издалека. Здесь же живу почти рядом, знаю, почитай, всех земляков...

— Мы живем в Бронксе, а здесь сын работает.

На чужбине люди удивительно быстро знакомятся. Прошло едва четверть часа, а наш новый знакомый «г-н профессор», предварительно прикупив полдюжины пива и лишнюю порцию «телевизионного ужина», уже расположился в спартанской комнатухе деда Максима, и оба мои старичка щедро засыпали друг друга вопросами, воспоминаниями, обобщениями. То же продолжалось во время нашего ответного визита в Бронкс. Мне оставалось только слушать да запоминать.

История «г-на профессора» (так на Западной Украине часто называли школьных учителей) и его семьи настолько примечательна, что, по-моему, заслуживает особого внимания. В моем сознании она сложилась в цельную картину из отдельных рассказов, воспоминаний, реплик членов «профессорской» семьи, наблюдений, преломившихся через призму личного восприятия, умозаключений и экстраполяций, без чего, конечно, нельзя было бы представить себе драматические события жизни двух поколений наших современников — родителей и детей.

С другой стороны, она отражает также характерные черты жизни значительной части новых американских граждан. Некоторые из них во что бы то ни стало стремятся слиться с американским обществом, иногда ценой отказа от «старокраевой» национальной идентичности, другие черпают силы и терпение в любви к своей незабываемой родине.

Так появился этот рассказ — взгляд со стороны, даже по форме не похожий на предыдущее повествование. В нем сохранено главное, чем живет «профессор» и его семья, да и многие тысячи других семей,— забота о хлебе насущном, тревога о будущем детей и всего человеческого общества.

XXII. ...С ТРЕВОГОЙ О БУДУЩЕМ

— Спасибо, папка. Ты просто прелесть.

Все еще не в силах оторвать взгляда от зеркала, поправляя только что подаренные ей яркие бусы, Христина прижалась к отцу, поцеловала в щеку.

— Ой, колется!

— Носи на здоровье.

Широко улыбаясь, повернулся к жене, которая на мгновение оторвалась от кухонной работы и, скрестив на переднике натруженные руки, удивленно наблюдала за всплеском чувств собственной дочери.

— Растет наша Христя. Не заметим, как и замуж нужно будет отдавать.

— Такое скажете, «замуж»,— застеснявшись, но с вызовом выпалила девушка.— Я еще и не нагулялась.

— Я тебе погуляю,— нахмурилась Магда.— Учиться нужно, чтобы всю жизнь не толочься на кухне.

Не впервые разговор с дочерью переходил на этот мотив — тревожный для родителей и уже надоевший дочери. Заранее было ясно, что слово за слово, дело закончится оскорблениями, ссорой, слезами, и все разойдутся, недовольные друг другом, с горьким чувством, что тебя не могут и не хотят понять самые близкие люди. На этот раз до ссоры не дошло, помешало появление старшего сына, которого отец называл Иваном, а мать Гансом.

В город уже пришла весна, наступили необычно для этого времени жаркие дни, но Иван-Ганс вырядился в кожаную куртку, испещренную невообразимыми эмблемами, символами, среди которых вы-

делялся большой, почти во всю спину крест — точная копия нацистского ордена.

Николай долго воевал с Магдой и ее первенцем — любимчиком Гансом, пока в конце концов не сдался и не выкроил деньги на эту куртку, исполосованную во всех возможных направлениях застешками-«молниями» и с множеством явных и потайных карманов. Когда же Ганс явился облепленный приобретенными в магазинах и выменянными у дружков значками и нашивками, Николай вскипел и взялся за ремень. Досталось тогда старшенькому. Досталось бы еще больше, если бы взъерошенной насадкой не налетела Магда и не прикрыла его своими руками-крыльями, от которых внезапно ударил кислый запах кухни и прачечной. Николай в сердцах бросил свое воспитательное оружие в угол, плюнул под ноги сыну и... признал себя побежденным. Собственно, так всегда было в этой семье, которая держалась больше не на нищенском отцовском заработке и отцовских эмоциях, а на хозяйственности Магды и ее потакании всем капризам своих детей и самого Николая, к которому она относилась так же свысока и одновременно снисходительно, как и к детям. Дом и семья держались на ней, и без ее покорности, кротости и внутренней силы разнохарактерные жители скромной квартиры давно и окончательно перегрызлись бы между собой.

Внимание Николая привлекла еще одна жестянка на разукрашенной антиквариатом куртке сына. Едва сдерживаясь от вспышки гнева, он пока еще спокойно, убийственно спокойно, спросил:

— Что это ты нацепил?

— Я хотел показать ребятам, — растерянно, чувствуя, что отца вот-вот захлестнет ярость, промямлил Ганс.

— Я спрашиваю, что ты нацепил?

— Извини, дэдди, я без разрешения взял твой крест. У всех есть всегда что-то новое, у всех мотоциклы, а я один, ну, еще несколько таких же парней трясемся сзади.

— Проживешь без мотоцикла.

— Прожить я проживу, но у нас — кто без мотоцикла, того заставляют делать самую грязную работу, а не слушаешься...— Ганс выразительным жестом показал, что непослушных «у них» не жалуют.

— Возьмись, сын, за ум. Сколько я тебе говорил: брось свою банду, если не хочешь в тюрьме гнить.

— Хватит, дэд. Я однажды уже послушался тебя, бросил гэнг¹, даже работу нашел — развозил покупки по домам, так меня приговорили к смерти и предупредили, что приведут приговор в исполнение при первом же моем проступке перед фэмили. Вот и мать советует: лучше быть послушным солдатом в гэнге, чем стать их жертвой.

Ганс бросил взгляд на мать, ожидая от нее поддержки или нового, более мудрого совета. Но Магда только смахнула кулаком слезу отчаяния — она привыкла подчиняться силе и выхода из шаткого положения сына не видела, ничего не могла посоветовать, кроме покорности, покорности более сильному, богатому. Трудно сказать, как истолковал Ганс горькую материнскую слезу, но он робко взглянул на отца и мечтательно проговорил:

— Вот если бы у меня был мотоцикл...

Ярость Николая пропала, и ему по-своему стало жаль сына. А может быть, Ганс прав? Что он может сделать против целой гангстерской банды? Проя-

¹ Гэнг — группа, гангстерская банда; фэмили — семья, низовая ячейка в гангстерской иерархии.— *Прим. авт.*

вить человеческую порядочность, чтобы погибнуть от рук моторизованной стаи убийц? Да и разве он один такой в этом городе-спруте, городе-убийце?! Чего добился он сам — «принципиальный» Николай? Отовсюду его гонят, а если и находит новую работу, то мизерной оплаты не хватило бы не то что на месяц, а на неделю, если бы не Магда.

— Никогда не цепляй этот крест, — глухо и отрезанно сказал Николай. — Не заслуживает он, чтобы им хвастать.

Ободренный отцовским «примирением», Ганс с восторгом начал рассказывать:

— Я все-таки утер ребятам нос. Когда они увидели крест, куда и спесь их подевалась, и сегодня я был боссом, а не холопом, как всегда.

— Плохое это отличие, Иван, и за плохие дела его дают.

— Так оно же твое, отец! — стушевался Иван-Ганс. — Как же ты его заслужил?

— Ладно, расскажу тебе. Было это в таком же мае, как сейчас, только много лет тому назад, еще во время войны, в 1943 году.

В том далеком... Далеком? Кому-то, может быть, и далеком, а Николаю Смыкульжевскому кажется, что было это не далее, чем вчера... В мае 1943 года еще молодой Николай проводил урок истории в украинской, вернее, немецко-украинской гимназии, когда внезапно, без предупреждения, в класс вошел директор гимназии и с ним седой усач с тупыми невыразительными глазами, в странной одежде, в которой перемешалось что-то знакомое со времен австрийских «Украинских сечевых стрелков», довоенной «подхорунжовки» польской Речи Посполитой, немецкого вермахта.

— День добрый, господа, — приветствовал гостей Николай, чтобы хоть что-нибудь да сказать.

Гимназисты вскочили с мест. Кое-кто из них уже перерос самого Николая, так как это были ученики выпускного класса. На директорское «день добрый» они заученно и довольно дружно ответили хором, и их молодые голоса вызвали подобие улыбки на широком усатом лице полувоенного гостя.

Не представляя своего спутника, директор заговорил:

— Сегодня, мои дорогие рыцари, для нас большой праздник. От фюрера Великогермании мы дождались разрешения на создание отдельной украинской воинской части и должны все, как один, вступить в нее добровольцами, чтобы выразить нашу решимость бороться плечо к плечу с немецким воином и вместе добыть победу над большевиками и их союзниками. Кое-кто из вас еще молод для активной службы. Однако записаться в армию — ваша обязанность и большая честь.

— А школа? — не удержался кто-то с задней парты.

Директор был готов к такому естественному и очевидному вопросу и без заминки ответил:

— Всем, кто запишется в армию, мы без экзаменов выдадим аттестаты зрелости. Надеюсь, никто из вас не упустит случая так славно закончить гимназию и получить аттестат? Кто же не пожелает воспользоваться случаем, тот не заслуживает права и на учебу. Придется таким поработать в Германии в поле или на фабрике, чтобы обеспечить героические дела воинов на фронте.

Считая, что сказано все и необходимый эффект достигнут, гордый своим всесилием, директор обратился к учителю, который все это время безмолвно стоял в углу класса:

— Господин профессор, под вашу личную ответственность! Через час все должны быть возле

ратуши. Там состоится встреча по случаю провозглашения новой украинской воинской формации.

— Вот так, сын мой, такие же мальчишки, как ты, влипли в беду и, помимо своей воли, попали в дивизию войск СС.

Ганс внимательно слушал рассказ отца, что нечасто случалось с ним в последнее время, а упоминание об СС прямо подбросило его со стула, и он в восторге воскликнул:

— Так это была дивизия СС?!

— СС. А ты чего обрадовался?

— Я им докажу! Лопнут от зависти!

Заметив в отцовских глазах удивление и немой вопрос, Ганс разъяснил:

— Понимаешь, наши «ангелы смерти» называются «СС рэд файтерс»¹, и нашелся один, тоже мне, знаток,— Ганса прямо-таки передернуло от отвращения к этому «одному»,— который назвал твой крест фальшивым, утверждает, что такого креста в СС и немецком вермахте не было.

Новость, что Ганс принадлежит к самозванным эсэсовцам, током пронизала отца, он весь вытянулся в струнку, готовый броситься на непутевого сына, но усилием воли сдержался, осознавая, что уже давно утратил влияние на сына, пропустил тот момент, когда сын помещался поперек скамьи и когда его еще можно было воспитывать прадедовским методом. Теперь остается единственная возможность: убедить в ошибочности его пути, а в этом ремень уже не поможет, нужен серьезный, взрослый, мужской разговор.

— Правду сказал твой «знаток»,— само собой вырвалось у Николая.— Это не эсэсовское отличие, а «Серебряный крест боевой заслуги» I класса,

¹ «Эсэсовские борцы против красных» (англ.).— *Прим. авт.*

и наградили меня им за участие в «Украинской повстанческой армии», еще одном формировании нацистских СС и абвера.

— Все же ты воевал в этой эсэсовской «армии»? — Ганс еще не терял хотя и слабую надежду, что его отец был причастен к СС.

— Не был я ни минуты ни в СС, ни в УПА.

Последняя надежда Ганса развеялась как дым, и он бесформенным мешком опустился на стул.

— Когда пришел вызов на военную медицинскую комиссию, я не стал испытывать свою судьбу и пошел иным путем — записался на выезд в Германию. Думал, найду работу в культурной стране... Вот твоя мать знает, какой «культурной» работой я занимался с раннего утра до поздней ночи: вставал в навозе и засыпал в навозе. Не посчитались ни с моим образованием, ни с тем, что я владел немецким и еще несколькими иностранными языками, определили к бауэру, и стал я рабочим скотом. Да и со скотом лучше обращаются, чем мои хозяева обращались со мной. С лошастью или волом иногда больше разговаривают, я же слышал только: «вставай», «свинья», «лодырь», «работай», «быстрее». Все слова можно пересчитать на пальцах одной руки.

За каждым словом Николай загибал палец и, когда они сжались в кулак, поднял его на уровень головы и, не разжимая, добавил:

— Все другие понятия вбивались в меня вот этим универсальным орудием.

Николай задумался на минуту, вспоминая пережитое им в «культурной» гитлеровской Германии, взглянул на Магду и, переборов внутренние сомнения, решил продолжить рассказ:

— Доставалось от герра Ганса и вашей матушке. Она же его родная дочь, а издевался он над нею как над крепостной, рабыней.

Жатва была в разгаре. Герр Ганс метался от одного поля к другому, следил, чтобы его восточные рабы не бездельничали ни минуты, не потеряли ни одного зернышка из урожая, предназначенного для обогащения местного божка — герра Ганса, для победы «Великой Германии» над всем внешним, «варварским» миром. По свежескошенной стерне почти бегом спешила Магда, не обращая внимания на боль от уколов и порезов стерни, на капельки крови, которые медленно сползали на белые, коротенькие, такие непрактичные на поле носочки.

Николай успел рассмотреть и увидеть все это до мельчайших подробностей, ибо Магда шла прямо на него, спешила к отцу, который только что больно хлестнул его по спине, чтобы ускорить и так неистовый темп, с которым его коса вгрызалась в густой хлеб. Не переставая шаркать косой, Николай внимательно вглядывался в Магду, в ее раскрасневшееся от солнца и быстрой ходьбы лицо, горячее пламя которого не затеняли и синие васильки, сплетенные в тугую, как сама девушка, венки. Венки напомнил Николаю его родную Украину, где такое же синее небо, как и теперь над ним, и где девушки тоже находят время, чтобы украсить васильками.

Разгоряченному от внимательного присмотра за спинами своего рабочего скота, злому на дочь за ее опоздание, герру Гансу васильковый венки показался достаточным аргументом, чтобы обвинить Магду во всех смертных грехах и вынести приговор. Это же надо, такая наглость! На Восточном фронте гибнут чистокровные арийцы, отец пропадает от жажды и голода, а родная дочь — арийка, все равно как «русише швайн», людырничает, цветочки собирает. Преисполненный нацистским патриотизмом и возмущением, герр Ганс одним взмахом своего хлесткого прута сбил венки

с Магдиной головы, и из рассеченного уха зазмеилась струйка крови. Снова и снова щелкнул хлесткий прут, но на этот раз он упал на подставленную Николаем руку, а затем уже всласть погулял по его спине. Николай принимал свое наказание с нескрываемым злорадством: Магда уже далеко отбежала от разъяренного отца, а из принесенной ею корзины рассыпались, раскатились предназначенные для отца яства.

Экзекуция для Магды на этом не кончилась. Не умиротворил герра Ганса ни сытный ужин, ни услужливость жены. С каждой кружкой пива он все больше распялялся, пока не вытянул Магду из ее укрытия, не вырвал ее из материнских рук и не располосовал толстенным мотком веревки, попавшим ему под руку.

Когда Магда выкрутилась из лап своего палача, злость Ганса перекинулась на жену. Ища спасения, Магда убежала на чердак к своему защитнику Николаю, который давно пришелся ей по душе, а после сегодняшнего поступка казался образцом храбрости, новоявленным рыцарем, пусть и пропеченным солнцем и пропахшим конюшной.

— Такой была наша первая встреча с матушкой,— завершил рассказ Николай.

— Вы тогда и поженились? — поинтересовалась Крис.

— За что же тебе дали крест? — беспокоило Ганса.

— С вашей матерью мы познакомились вторично и заново уже здесь, в Америке. А крест этот поганый прислали мне совсем недавно. Выбросить бы его к черту, но слишком уж странная судьба у этой награды. Уже после войны попалась какому-то деятелю газета тех времен,— Николай вынул из шкафа толстую папку, нашел нужную бумаж-

ку.— Вот что писали тогда геббельсовские писаки: «В первый день набора пришел в приемную комиссию большой отряд учеников из местной гимназии под руководством профессора Смыкульжевского». Худшей лжи не выдумаешь. Зато теперь это документ. Вот и вспомнили меня.

— Разве это ты? — удивился Ганс.— Наша фамилия совсем не похожа на того... Куль-ше-ви.

— Поэтому я и поменял здесь свою от деда-прадеда фамилию на сокращенное, короткое Смык. В Америке не любят длинных фамилий. И на работу неохотно берут. Так и стали мы с вами Смыками, смыкают-дергают нас кто как хочет... А-а, о кресте. Проверили в списках дивизии, а там моего имени нет. Вот и решили, что «герой-доброволец» Смык-Смыкульжевский не мог стать дезертиром, а, наверное, присоединился к дивизионной названной сестре — «повстанческой армии». Решили и как герою-повстанцу преподнести сюрприз: ничего не говоря, пригласили на «вечер с закуской», прислали даже «почетный эскорт» — как выяснилось потом, бывших эсэсовцев и вояк из УПА. Я соблазнился на дармовщину, прихватил с собой и нашего соседа Петра, а там до «закуски» устроили мне торжественное чествование: наговорили небылиц, вручили крест и множество всяких удостоверений.

— Так ты, значит, не эсэсовец,— с откровенным разочарованием выдохнул Ганс.

— Не эсэсовец,— строго, почти гневно ответил отец,— и горжусь этим. Больно мне только, что ты никак не хочешь понять, что само пребывание в нацистских СС является преступлением — так определил Международный трибунал еще в 1946 году, что и твои игры с «СС рэд файтерс» добром не кончатся. Еще раз говорю тебе: брось свою банду, возмись за ум-разум...

Николай все же не сдержался, сорвался на крик, и Ганс на глазах изменился: любознательность, мальчишеский интерес сменились пренебрежением, издевкой, зазнайством ограниченного недоучки, уверенного в своем превосходстве над опротивевшим проповедником неприемлемых для него истин. В этом состоянии он уже был неспособен воспринимать отцовские или чьи бы то ни было советы. С таким отношением к жизни гансы могут лишь подчиняться приказу своих фюреров из неофашистских ватаг, стай, банд.

Понял это и Николай. Поэтому, когда из другой комнаты заспанным вышел его младший сын Левко, Николай бросился к нему навстречу, и оба окунулись в свой микромир, ограниченный сплетением их рук — крохотных Левка на отцовском затылке и больших отцовских, которые прижимали малое создание к изболевшейся груди и одновременно поднимали вверх, туда, где должно было бы быть спасение от тревожных земных дел и неисчислимых несчастий, уготованных для человека. С почти паническим страхом и одновременно с решимостью обреченного Николай бросил в лицо Гансу и его слепой защитнице Магде:

— Не отдам Левка! Воспитаю его человеком, а не зверем с кровью герра Ганса.

— Не кричи, глупый, ребенка испугаешь.— Магда ласково, но решительно забрала Левка от отца и, повернувшись к Гансу, тем же тоном проговорила: — А ты, сынок, слушайся отца. Да и я бы не хотела, чтобы ты играл в наци. Они способны только на зло.

Чувство благодарности к Магде согрело Николая, и он попытался унять свой гнев. Присмирел и Ганс, не избалованный единством оценок и поступков родителей.

— Мать знает, что говорит, — не поднимая глаз на Ивана-Ганса, промолвил Николай. — Нацисты или неонацисты, от них прежде всего страдает молодежь. Сколько десятилетий я ищу следы своих бывших учеников. Ни одного живого! Некому даже упрекнуть меня, что бросил их в тяжелую годину, не попытался вытащить из эсэсовской мясорубки. Ни одного!..

И не было ясно, то ли обращается он к сыну, то ли разговаривает сам с собой, отвечая на свои тяжкие думы.

Звякнул звонок. Пришел Демид Криж, знакомый еще по «старому краю», узловатый, кряжистый, неторопливый.

— Говорил я, Николай, о тебе со своим боссом и напрасно. Клянется, нет сейчас работы ни в конторе, ни с метлой. Уже после разговора я подумал, а может, не хочет послушать рекомендации «красного»?

— Может, и так. Удивляюсь, как тебя там терпят? Ты же и профсоюзный деятель, и коммунист.

— Ничего странного здесь нет. Каждый день карабкаться на небоскребы, болтаться между небом и землей — для этого существуют только индейцы да мы, верховинцы. Вот и терпят. А ты не пробовал?

— Я не стрижу, чтобы носиться в небе. Беда только, что на земле нет дела рукам.

— Чем же занимаешься? Книгами вон обложился.

— Ладно уж, скажу. Это моя подборка об эсэсовцах и националистах. Едва не попал им в руки, а теперь собираю о них материалы, — Николай саркастически улыбнулся, — чтобы знать, какой переделки избежал. Только что вычитал в фила-

дельфийской «Америке» с десятков фамилий военных преступников. Они — среди нас. На их совести могилы Бабьего Яра и Умани, пепелища сотен уничтоженных украинских сел. Вот «Нацистские военные преступники в Америке» Чарлза Аллена. Он пишет, что только те нацисты и нацистские коллаборационисты, которым предоставили убежище Соединенные Штаты, виновны в уничтожении двух миллионов четырехсот тысяч человек. Думаю, эта цифра намного больше. А сколько крови на руках преступников, скрывающихся в других странах, и сколько их вообще?!

— Правду говоришь, Николай. Телевидение наконец начало показывать, как фашисты устроились в Южной Америке, смакует шабаши эсэсовцев из «Мертвой головы».

— Такое же «братство» имеют эсэсовцы из дивизии «Галициен». Открыто появляются в эсэсовских мундирах и с флагами в церквах, кичатся верностью присяге, данной Гитлеру, справляют свои «юбилеи», доказывают, что, мол, нечего стыдиться эсэсовского звания. «Нечего стыдиться!» «От присяги фюреру нас никто не освободил!» — Николай с отвращением прочел выдержки из высказываний бывших эсэсовцев. — И такие преступники ходят теперь в «воспитателях», преподают в высших школах. Чему учат и чему могут они научить?

— Знаешь что, Николай. Напиши в нашу газету обо всем, что ты мне сейчас говорил.

— Чтобы и меня называли «красным»?

— Какой ужас! Назовут «красным» и выгонят с работы...

— Хочешь сказать, что голому воры не страшны?

— Нет, хочу сказать, что за правду и пострадать не грех и что с правдой о преступниках дома ничего

не высидишь, ее нужно нести в люди. Вот для начала и напиши в газету о своих мыслях и чувствах.

— Подумаю. Тут нужно решиться. Правда — она всегда колючая.

Кроме Демида, частенько забегал к Николаю его ближайший сосед Петр, старый холостяк, любитель выпить, баламут, спорщик, считавший себя уже больше американцем, чем украинцем. Петр гордился своим «нейтрализмом», но вместе с тем считался «своим человеком» в националистической среде, старался не пропускать выступлений заезжих и местных ораторов. Это-то и манило ведущего свой поиск Николая, так как посещать националистические сборища на пару было сподручнее и безопаснее. Николаю нравились в Петре его оптимизм и неумное стремление к действию. Со своей стороны Петр произвольно тянулся к беспокойной, многодетной, но всегда гостеприимной семье Николая и Магды.

Между тем тучи над нею сгущались.

Однажды Николай просматривал свои папки с документами, газетными вырезками. В прихожей зашумели, возбужденно говорила Магда, но ее снова забивал спокойный глуховатый бас Демида Крижа. Николай подумал, что Демид пришел к нему и сейчас в дверях появится его большая угловатая фигура. Вместо этого хлопнула входная дверь.

— Это Демид пришел? — крикнул Николай Магде.

— Пришел и ушел, — бросила она.

Но тревога не исчезла. Плачет Христина или, может, только послышалось?

— Что там, Магда?

— Ничего! — За грубостью в тоне жены чувствовались боль и тревога.

Это вынудило Николая оторваться от своего

«архива». Он аккуратно сложил бумаги в папку, закрыл ее, спрятал в шкаф и только затем пошел в другую комнату узнать, что случилось. Дверь была закрыта. Николай постучал, и, не дождавшись ответа, позвал:

— Магда! Да что у вас там такое?

Дверь открылась, и в ней появилась взъерошенная Магда.

— Чего суешь свой нос куда тебя не просят! Вон отсюда, бездельник. Мою жизнь погубил, так тебе и этого мало! Правду говорил отец: «Наплачешься с русише швайн!» Теперь из-за тебя и детей называют «рашен рэдс», прохода не дают.

— Да что такое случилось? Что с Крис?

— Не твое дело! Вон отсюда, русише швайн!

Сразу же у двери он натолкнулся на Петра, и тот, увидев, что с его приятелем не все в порядке, пошел с Николаем. Мало-помалу ему удалось вырвать у Николая признание.

— Магда злющая, как сто чертей. Что-то случилось с Крис, так она меня и вытолкала из дому, обозвала и «русише швайн», и «рашен рэдс». Всю жизнь истязает меня. Еще при Гитлере, когда я работал у ее родителей, эта потаскушка соблазнилась на «русише швайн», а потом издевалась надо мной, как хотела, грозилась заявить в полицию, что я изнасиловал ее. Знаешь сам, достаточно было такого заявления, никто и слушать бы меня не стал — прибили бы на месте или повесили в назидание другим восточным рабам. Еще и теперь иногда просыпается в ней арийская кровь. Сидела бы себе в уголке да помалкивала. На беду себе встретил ее снова в Америке.

— Помню, Ник, помню. Тогда мы ведь вместе вырвали твою Магду из рук банды. Слишком уж жалостно она просилась, называла тех подонков

и «миленькими», и «хорошими».

— Почесали мы тогда кулаки о ребра и небритые скулы. Иду теперь мимо сквера, так невольно присматриваюсь, может, до сих пор валяются их зубы.

— Да ты и сейчас еще ничего,— проговорил Петр,— хоть под венец или на боксерский ринг. Это я обуржуазился.— И он похлопал себя по заметному животику.

Так, вспоминая, жалуясь, исповедуясь, оба приятеля провернули к «своему» бару, чтобы залить наболевшее привычным пивом, а то и более крепкой жидкостью. Свободных мест возле стойки не было, но их окликнули из глубины полутемного зала.

— Господин профессор, присоединяйтесь к нашей компании! — Моложавый здоровяк уступил свое место возле стены и, когда Николай и Петр уселись рядом, загородил их собой, отрезав путь к отступлению.

— Это вы, Василий? — узнал Николай своего недавнего знакомого, одного из тех, кто сопровождал его на чествование по случаю награждения крестом.

— Я, господин профессор. Все же узнали!

— Как же тебя не узнать. Нечасто сейчас увидишь такого,— Николай с трудом подобрал соответствующее выражение,— дородного молодца.

— Годы, говорят, берут свое. Это после войны я был похож на сухую таранку, а потом мое шарфюрерство в СС пошло на пользу. Такие кадры здесь ценятся. Теперь я, считайте, на коне...

Подвыпившие дружки подхватили:

— Не меньше, чем оберст...

— Бери выше — генерал...

— Не генерал и не полковник, но не ниже сотенного, а вместе с моими вояками,— Василий ши-

роким жестом обвел присутствующих, — и полк врагов одолели бы. Правильно я говорю?

— Правильно.

— Да.

— Твоя правда.

— Что нам полк?!

— Лишь бы водочки не жалел.

— Это я жалею? — стукнул Василий кулачищем по столу. — Эй, шинкарь, чтобы ни один из этих рыцарей не вышел отсюда трезвым!

— Так точно, господин добрый, — угодливо и вместе с тем свысока, как относится трезвый к пьяному, ответил бармен. Ему что? Лишь бы бизнес шел.

Компания Василия оказалась довольно колоритной: бывшие полицейские, вояки УПА, «братишки»-дивизионники. Первоначальное настороженно-пренебрежительное отношение к «старикам» быстро улетучилось, когда они узнали, что господин профессор является героем «повстанческой армии», награжден серебряным крестом. Василий щедро и настойчиво угощал Николая и Петра, блаженствуя в лучах собственного величия и славы профессора. Ему не терпелось прихвастнуть, показать себя великодушным по отношению к своим друзьям:

— Здесь собралось избранное общество. Дмитрий — доброволец из добровольцев, в дивизии всегда первым вызывался на самые ответственные акции; Хома — своей «шестеркой» задушил более ста коммунистов...

— «Девяткой», — поправил Хома.

— «Девяткой» или «шестеркой», какая разница, лишь бы петля была. Кирилл — непревзойденный пулеметчик, выходил один на один с врагом и, как видите, живой, а врагов давно и кости сотлели.

Такой послужной список его водочных «братисшек» отрезвил подвыпившего Николая:

— Как же вы собрались вместе?

— Пригласили нас, господин профессор, инструкторами в воспитательные лагеря. Как видите, наш опыт еще нужен организации. Хватит молодежи отлеживаться на перинах. Нужно приучить ее к окопам, бункерам, научить убивать и днем, и ночью. Только так мы можем выбить из нее бактерии коммунизма. Наш лозунг: «Рэд маст би дэд» — «Красный должен быть мертвым».

Подобные высказывания и призывы вряд ли воспринимались Николаем: ими ежедневно переполнены газеты, эфир, телевидение. Его мысли заторможенно вращались вокруг чего-то далекого, своего, к чему не добраться компании Василия. Из такого небытия возник Иван-Ганс. Он медленно, будто на чужих ногах, подходил к отцу, а тот смотрел на него и не понимал, реальность ли это или Ганс только привиделся. Не вывело его из заторможенности и обращенное к нему «Отец!» Василий понял, что этот высокий стройный парень — сын «профессора», и он закружил его в своих лапидарных, рассматривая и одобрительно комментируя нашивки и эсэсовские эмблемы на неизменной кожанке. Наконец Ганс освободился и снова заговорил:

— Отец! Ты был дома? Видел Крис?

— Ну?

— Говорил с ней?

— Она что-то там плакалась матери. А что такое?

— Ее затянули в гэнг и... сделали что-то страшное. Хорошо, что оказался поблизости дядя Демид и отбил ее.

— Мать честная! — застонал Николай. — А ты?

— Меня там не было. Главварь-«чиф» говорил, что они сегодня проучили «красного щенка», что такое будет и всем другим, кто не будет их слушаться. Только от матери я узнал, что это была наша Христина, и пошел искать тебя.

Николай обхватил голову руками, но удержать ее не мог и сидел, пошатываясь и все ниже склоняясь к столу. Зато Василий вскипел:

— Дочь нашего героя — «красный щенок»? Да как они посмели?! Ты знаешь, где сейчас эти сволочи?

— Знаю, — ответил Иван, — здесь неподалеку.

— Хлопцы! Нужно проучить этих сопляков! Шинкарь, наши столы заняты, никого не пускай. Мы сейчас же возвратимся. Все за мной! Айда, хлопцы!

Первым в полуподвальное помещение, где собрались «СС рэд файтерс», ворвался Василий. С обеих его сторон встали Дмитрий и Хома, закрыв всех других, в том числе и Николая с Гансом-Иваном.

— Так это вы сегодня проучили «красного щенка»? — почти спокойно обратился к ним Василий.

В его голосе «рэд файтерс» почувствовали плохо скрытую угрозу. Одни потянулись к карманам, другие крепче сжали бутылки, вразной заговорили:

— Мы! — с вызовом.

— Живем в свободной стране! — с опасением.

— Разве мы против закона? Мы против красных, — с явными нотками паники.

— А кто вы такие, что вам нужно? — Кто-то попытался перейти в наступление.

— Сейчас вы все узнаете; и то, как трогать дочь заслуженного эсэсовца, и то, как обращаться со старшими. А ну, братчики!

Из-за спины Василия с воинственным кличем

“Schlag tot!”¹ выскочили спецы-инструкторы, и вскоре помещение было завалено побитыми, молящими пощады самозванными ээсовцами, «борцами против красных».

Уже в баре, пока разгоряченные привычной ээсовско-упистской работой подчиненные Василия усаживались за столы, их шеф позвонил из телефона-автомата в полицию и сообщил, что по такому-то адресу дерутся две молодежные гангстерские банды. На другом конце провода это известие, очевидно, не вызвало большого восторга, так как Василий бросил в трубку: «Нет, нет, господин офицер, там, похоже, все уже кончилось, и вы можете спокойно забрать их с собой».

Николай с сыном и Петр также возвратились в бар. Николай даже заказал на всех виски, но сам не пил, и вскоре они втроем оставили инструкторов-костоломов, пошли домой.

...Христина сразу же сказала матери, что попала в руки «СС рэд файтерс», тех самых, к которым принадлежит Ганс. Магда не на шутку испугалась, что отец сгоряча может прибить сына, поэтому и не допустила Николая к дочери, выгнала его из дому. Теперь, когда отец и сын пришли домой вместе, да еще и рассказали, как отомстили обидчикам, Магда дала волю слезам благодарности. Николай сдержанно слушал заверения жены в том, что все будет в порядке, что она выходит дочь. А Ганс, придя в дом, прежде всего стянул с себя испоганенную ээсовскими атрибутами кожанку, плюхнулся в кресло и так и сидел, сжавшись в комочек, подавленный, уничтоженный, может быть, впервые, но явно не в последний раз, задумавшись о своем сегодняшнем и будущем, проклиная «ээсовских бор-

¹ «Смерть им!» (нем.). — *Прим. авт.*

цов», изуродовавших и его, и Христинину жизнь.

Магда и Крис хозяйничают в доме. Мать, как всегда, сноровисто делает несколько дел одновременно: и на кухне управляет, и в комнате убирает, и на стол готовит. За нею хвостиком бегают маленький Левко, изображает из себя то ли автобус, то ли танк, так как резко тормозит, поворачивается во все стороны, размахивает ручонками. Христину же не узнать. Лунатичкой слоняется из угла в угол, будто бы что-то делает, но вряд ли есть какой-то толк от ее работы. Она совершенно не похожа на прежнюю жизнерадостную и жизнелюбивую девушку. Изменение подчеркивает и новая прическа, собственно, отсутствие ее, ибо пышные волосы больше не спадают игриво на нежные плечи, а туго стянуты в невыразительный пучок. Кажется, только глаза стали больше и широко, удивленно, тревожно смотрят на мир, и в них замер мучительный вопль-вопрос: «За что?! Чем я провинилась перед вами, люди?»

Послышался скрип дверей, стук, лязг цепочки, а затем продолжительный злой звонок. Магда бросилась к дверям, Левко тоже полетел встречать гостя, а Христину как ветром сдуло: спряталась куда-то, как мышь, и ждет, дрожит от страха: а может, это за ней, может, снова по ее растерзанную душу?

— Чего вы позакрывались, как в осаде? — загремел отцовский голос.

— Мы же одни дома, мало ли кто может вломиться. Расплодилось сейчас преступников, что и в доме нет спасения,— оправдываясь, объясняет Магда.

Но Николаем уже завладел Левко, зажег своим весельем и беззаботностью.

— Иван дома? — наконец Николай освободился из объятий Левко.

— Обещал прийти до обеда,— ответила Магда, и, будто бы почувствовав, что говорят о нем, появился Иван, в котором без его кожанки тяжело было бы узнать вчерашнего разукрашенного «ангела смерти».

— Куда это ты ходил? — спросил отец.

— Наведался к знакомому из фудмаркета, и, знаешь, он пообещал при первой же возможности устроить на старую работу — развозить продукты. Нужно только будет заплатить за аренду велосипедной коляски. Вот и будет у меня свой мотоцикл,— хватило Ивана на шутку.

— Ты не прозевай этой возможности,— проговорил отец,— а деньги найдем, что же поделаешь, когда человек за все должен платить... А у меня сегодня неудача, обещали работу в конторе «Кляйна», но не вышло. Нужно еще бегать, искать, срок помощи по безработице скоро кончается...— Николай умолк, задумался, и внезапно его лицо озарила робкая улыбка.— Правда, теперь у нас в семье двое мужчин-кормильцев.

Отцовская улыбка вызвала у Ивана такую бурю радостных чувств, что захотелось поверить: Иван-Ганс вырвал из своей души эсэсовские сорняки и он более не подвластен ни «ангелам смерти», ни «СС рэд файтерс».

Уже кончали обедать, когда в прихожей снова зазвенел звонок. Христина побледнела и убежала в свое укрытие, а Николай, как был с Левком на руках, пошел открывать.

На пороге стоял Петр, все тот же неизменный Петр. Только на этот раз он дольше задержал взгляд на лице Николая, будто бы желая убедиться, что его друг жив и способен воспринимать постороннюю жизнь. Результаты наблюдения, наверное, оказались положительными, ибо Петр, как и ранее, пере-

ключился на возбужденно-деловой тон.

— Хай, Ник!

— Здорово, Петр.

— Все у тебя какое-то старокраевое, крестьянское — «Петр», — по привычке пробурчал гость. — Хочу вытянуть тебя в люди: сегодня должно состояться собрание «Общества сторонников УНР», и, как всегда, с закуской. Собирайся, а я вечером забегу за тобой.

— «Сторонники освободительной борьбы», «сторонники антибольшевистского блока народов», а тут еще одно «общество сторонников». Сколько же их развелось?

— Более чем достаточно. И все тянут общественные денежки. Одни — для нужд бандеровцев, другие — на «антибольшевистский блок», третьи — на расходы «правительства и парламента в ссылке».

— Ну и пусть себе тянут, пока не вытянутся, а с меня достаточно, с собственной семьей вон не управляюсь. Никуда я не пойду и тебе не советую.

— Ну, как хочешь. А передумаешь, скажи, вдвоём все-таки веселей.

На следующий день Петр снова пришел к Николаю.

— Хай, Ник! Жаль, что ты не побывал на вчерашнем собрании. Там собралась почти вся древняя история нашей заокеанской «вольной Украины». Я не молодой, но таких старых дедов и выдумать тяжело. Чем они на свете держатся? Недаром говорится, что не умрет своей смертью тот, кому на веку написано быть повешенным.

Петр зашелся смехом от собственной шутки, а насмеявшись, насел на Николая:

— Ставь пиво, старина, а я расскажу, что там вчера было.

— Пивом угощу, а «деды» меня не интересуют.

— Не спеши. Там действительно было кое-что интересное. Выступил сам вице-президент Украинской народной республики, конечно же, профессор, Николай Степаненко. Витийствовал о необходимости воспитания молодежи на традициях атамана Петлюры и генерала Шандрука, воспевал меч как наибольшую культурную и воспитательную ценность. Другие ораторы превозносили Степаненко до небес за то, что воспитал сына, награжденного «Золотой медалью» за бескомпромиссную и беспощадную войну против вьетнамцев.

— Степаненко уже давно в воспитателях ходит,— подтвердил Николай.— Как члену гиммлеровского органа «Скорпион-ост» ему место на скамье подсудимых, а американские бизнесмены приставили ээсовца к воспитанию своих собственных шпионов. Конечно, теперь он нужный для них «ценный кадр», «воспитатель»! Этот научит, как и своего сына, проливать невинную кровь. Считай, дошли мы до ручки, если всюду пролезли нацистские преступники.

— Так уж и всюду,— не согласился Петр.— Сколько их там, единицы, да и те древние старики.

— Древние. А «СС рэд файтерс»? От старых гнилых пеньков разносится зараза и на молодую поросль. Старые или молодые — они одинаково вредят людям.

— Твоя правда,— не мог не согласиться Петр, который вместе с Николаем на собственном опыте убедился, что такое «старые» и «молодые» ээсовцы.

Николай поднял глаза на Петра, посмотрел на Ивана, который внимательно прислушивался к разговору старших.— А ведь они же и сегодня толкают молодежь на преступления, учат искусству пользоваться оружием и удавкой-«девяткой». Кое-кто из ээсовцев рекламирует свое прошлое, так как

за это хозяева лучше платят. Кое-кто пытается спрятаться под личиной «добропорядочного», лояльного гражданина. И все они среди нас — убийцы и провокаторы новых преступлений.

* * *

На антивоенном митинге бурлят страсти. Один за другим выступают ораторы, осуждают гонку вооружений, политику «на грани ядерной войны». Внимание председательствующего Демида Крижа привлек Николай Смык, который подает знаки, просит слова. Он пришел не один, а с сыном Иваном и земляком, до последнего времени «нейтральным» Петром.

— Слово для выступления предоставляется Николаю Смыку.

Николай начал с наиболее болезненного для него, с того, что и сейчас, через десятки лет после разгрома нацистской Германии, будоражит его душу. Только теперь он не просто констатирует факты, а обвиняет преступников, обращается к людям с призывом к действию:

— Не спрячутся эсэсовцы из дивизий «Мертвая голова», «Адольф Гитлер» или «Галициен», не откажутся и не отрестятся от совершенных ими преступлений. Если же они снова отважатся поднять меченую эсэсовским клеймом руку на людей или попробуют подтолкнуть молодежь на преступный путь новой войны,— это преступление заслуженно разделят с ними и их опекуны-защитники из стран, где террор, диверсии и провокации стали образом жизни и средством разрешения межгосударственных проблем. Фашизм должен быть искоренен до основания, а его носители — поджигатели новой

войны и ядерного конца света — изолированы от человеческого общества.

В заключение Николай сказал:

— Я долго терпел, сомневался, думал — обойдется, да и как, мол, могут нацисты повлиять на людей, которые на собственной шкуре испытали, что такое настоящий фашизм?! Но фашизм, пусть и в современном обличье, не унимается. Он ворвался с бедой в мою собственную семью, калечит молодежь, становится политической практикой реакционных правительств. Мы все вместе должны сказать решительное «Нет!» последователям гитлеровского «крестового похода», который стоил жизни пятидесяти миллионам людей. Для меня лично ясно: поодиночке нас передавят, уничтожат кровавыми руками наших же оборотней. Нельзя жить одним сегодняшним днем — нужно думать о будущем, о судьбе наших детей, внуков и далеких наследников. Поэтому, как писал Тарас Шевченко, «треба миром, громадою обух сталити!».

Николай сошел с трибуны, и его окружили знакомые и незнакомые люди, жали руки, что-то говорили, но наивысшей оценкой его гражданского поступка были слова сына: «Папка, ты у меня лучше всех!» Николай порывисто обнял его да так и замер от счастья собственного прозрения и духовного возвращения сына, его Ивана.

XXIII. ЭПИЛОГ

Много лет тому назад все началось с вопроса «Кто мой отец?». Его поиск перерос в исследование среды, в которой он вращался и которая стала первопричиной его смерти. Следы привели в под-

валы оуновской «службы безопасности» — СБ и далее в логово западногерманской и американской шпионско-диверсионных служб. Именно здесь находились главные убийцы тысяч невинных людей и немало числа обвиненных в измене «делу ОУН». Так было и с потенциально опасными для ОУН или угрожавшими раскрытием ее преступных деяний «проводником» Зымным и семьей Максима Копача. Ужаснее всего то, что власти США, да и других капиталистических стран, потворствуют деятельности бывших «повстанцев» из УПА и эсэсовцев. Более того, их превозносят как «борцов за свободу» и определяют в воспитатели молодежи. Неудивительно, что воспитанные на примерах нечеловеческой жестокости юнцы постоянно пополняют ряды множества неофашистских группировок типа «СС рэд файтерс» и «ангелов смерти».

В конце концов перед Мирославом встал новый, жизненно важный вопрос: «Где моя Родина?» Сама суровая действительность помогла ему вовремя остановиться, не стать бездомным перекаати-полем, навсегда оторванным от родительских корней.

Всерьез задумывался Мирослав о переезде в Советский Союз, на родину своего отца, к сестре Зяряне, к другим родственникам, оказавшимся единственными в его жизни.

И все же выбор Мирослава оказался однозначным — он остался в Чехословакии, где родился, вырос, где покоится прах самого дорогого ему человека — матери. Его личный выбор оказался единственно верным, так как совпал с объективным, независимым от сознания отдельного индивидуума, определением Родины. Ее не выбирают, она одна-единственная, и она или есть, или ее нет.

СОДЕРЖАНИЕ

I. «Кто мой отец?»	3
II. Человеческая трагедия по имени война	8
III. Красное и черное	16
IV. В угаре страстей	47
V. Львов	56
VI. Предают, продаются	68
VII. Перст указующий	73
VIII. Made in...	82
IX. Выходка истеричной дамы?	86
X. Слишком много историков	97
XI. УВО—ОУН	111
XII. Убийства с продолжением	115
XIII. Каждому свое место	126
XIV. В гуще событий	160
XV. «Боевики» на экспорт	178
XVI. Из «сечевиков» в «легионеры»	184
XVII. На Восток и обратно	189
XVIII. Зигзаги «элиты»	225
XIX. «Бывшие»	245
XX. Разыскиваются	273
XXI. Америка	284
XXII. ...С тревогой о будущем	301
XXIII. Эпилог	326

Томаш РЖЕЗАЧ, Валентин Иванович ЦУРКАН

РАЗЫСКИВАЮТСЯ...

Редактор С. В. Попов. Мл. редактор Е. И. Скоробогатова. Художник Б. С. Вехтер. Художественный редактор Е. С. Морозова. Технический редактор Л. В. Житникова. Корректор Т. А. Шустина. ИБ № 16482. Сдано в набор 20.01.88. Подписано в печать 26.07.88. Формат 70 × 100¹/₃₂. Гарнитура «тип таймс». Печать офсетная. Условн. печ. л. 11,99. Усл. кр.-отт. 12,14. Уч.-изд. л. 13,70. Тираж 80 000 экз. Заказ № 169. Цена 60 к. Изд. № 43646. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 119841, ГСП, Москва, Г-21, Zubovskiy bul'var, 17. Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.

С КАКОЙ ЛЕГКОСТЬЮ И КАК БЫСТРО ПРАПОРЩИКИ СТАНОВЯТСЯ ПОЛКОВНИКАМИ? КНИГА Т. РЖЕЗАЧА, В. ЦУРКАНА ОТВЕТИТ НА ЭТОТ ВОПРОС, А ТАКЖЕ РАССКАЖЕТ О СВЯЗЯХ УКРАИНСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ С ГИТЛЕРОМ. ВМЕСТЕ С АВТОРАМИ ВЫ ПРОСЛЕДИТЕ ЗА ТЕМ, КАК УКРАИНСКИМ НАЦИОНАЛИСТАМ УДАЛОСЬ ЗАНЯТЬ ВЕДУЩИЕ ПОСТЫ В РАЗЛИЧНЫХ ПОЛИЦЕЙСКИХ СЛУЖБАХ МИРА. ПОЗНАКОМИТЕСЬ С ПРАВИТЕЛЬСТВОМ, ПРОСУЩЕСТВОВАВШИМ ВСЕГО ОДИН ДЕНЬ, ОЗНАКОМИТЕСЬ С СЕКРЕТНЫМИ ДОКУМЕНТАМИ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО ОТДЕЛА ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА, ДЕЙСТВОВАВШЕГО В 1934–1939 ГГ.

Т. РЖЕЗАЧ И В. ЦУРКАН НАПИСАЛИ КНИГУ С ЛЕГКОСТЬЮ ПРОФЕССИОНАЛОВ ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА И ОСВЕДОМЛЕННОСТЬЮ ИСТОРИКОВ. АВТОРЫ ДАЮТ ВОЗМОЖНОСТЬ ЧИТАТЕЛЮ ЗАГЛЯНУТЬ В ДОКУМЕНТЫ, К КОТОРЫМ ЕЩЕ НЕДАВНО ИМЕЛИ ДОСТУП ЛИШЬ ИЗБРАННЫЕ. ВЫ ЗАГЛЯНИТЕ ЗА КУЛИСЫ ПРЕСТУПНОГО МИРА США И В ТАЙНИКИ ЦЮРИХСКОЙ ПОЛИЦИИ. НА РОМАНТИЧЕСКОМ ФОНЕ КАРПАТ И ТАТР РАЗВОРАЧИВАЮТСЯ СОБЫТИЯ ТАЙНОЙ ВОЙНЫ, ПОСЛЕДОВАВШЕЙ ЗА ПОРАЖЕНИЕМ ФАШИЗМА.

ВЫ УБЕДИТЕСЬ В ТОМ, ЧТО КРОВАВАЯ МЕСТЬ – ПРЕРОГАТИВА НЕ ТОЛЬКО МАФИИ. ПОЭТОМУ ОТНЕСИТЕСЬ СЕРЬЕЗНО К ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЮ АВТОРОВ, КОТОРОЕ ЧИТАЕТСЯ МЕЖДУ СТРОК: СПОКОЙСТВИЕ ВАШЕГО ДОМА И СЕГОДНЯ НАХОДИТСЯ ПОД УГРОЗОЙ, ПОКА ЖИВЫ БЫВШИЕ НАЦИСТСКИЕ ЖАНДАРМЫ ИЗ ОУН.

ИТАК – “РАЗЫСКИВАЮТСЯ...”. ПРАВДА НАМНОГО ДРАМАТИЧНЕЕ ЛЮБОГО ПРИДУМАННОГО ДЕТЕКТИВНОГО РОМАНА.